

Алексей Марков

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

* * *

БЫЛИ СТАРЦА ПИИДОСИЯ



Карл Шмидт-Ротлуф. «Чудесный лов рыбы», 1918 г.

Портланд
ММХVII

Отглавление

БРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ.....	3
Господу служить.....	5
«В Церкву едут по утру все интеллигенты».....	8
К чистому источнику.....	11
Живи, душа!.....	14
Наставник молодёжи.....	18
У деревенского старца.....	21
Второе крещение Руси.....	23
Первый спонсор на селе.....	26
Не забывайте о колёсах.....	30
Разговор в библиотеке.....	36
Мелкий песок в длинных волосах.....	39
Ворошиловский стрелок.....	42
Инок и архимандрит.....	46
Рождественская история.....	49
Протодьякон.....	52
Духовное трезвение или обновление ума.....	57
Алёна.....	60
Крещение троекратным снегометанием и другими способами.....	63
Ближе к Страстной.....	65
Могилы мусульман.....	68
Риголетто и духи.....	71
Джентльмены на выезде.....	73
Исповедь и Вознесение.....	76
Чаепитие в коридоре.....	79
Исповедь озверевшего батюшки.....	82
Отпетые священники.....	92
Ощущение дежавю.....	95
Спасёт ли красота.....	98
Восставшие из кельи.....	101
Расписание и жизнь.....	111
Троллейбус, который ушёл.....	114
Где только мрак светит.....	117
Дорога к морю.....	120
Шелест сухих камышей.....	124
В гостях у Флинта.....	126

Дорога и нежность.....	133
Дом родной.....	136
Снова вместе	140
Тихая обитель	143
Ватная энергия.....	147
Отец Вячеслав.....	150
Новогодняя электричка.....	154
Все братья сёстры.....	159
По понятиям.....	164
Голый завтрак для чемпионов.....	168
Материнское сердце	172
Отпуск в лучах заходящего солнца	175
The Final Cut.....	179
БЫЛИ СТАРЦА ПИНДОСИЯ.....	185
Явление старцу́ Пиндосию	186
В гостях у старца́	189
Пиндосий и танки.....	191
Али	194
Константинополь будет наш	198
Три сестры и отец Пиндосий.....	200
Божественная обедня	203
Три посетителя.....	207
Сны Рождества.....	210
Красоты ада.....	213
Врата ада.....	216

БРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ



Карл Шмидт-Ротлуф. «Русский пейзаж с солнцем», 1919 г.

Мой сон оказался долгим,
Теперь наконец я проснулся.
Я понял, мы здесь пилигримы,
Каждый должен идти своим путём,
Не понимая, куда идут другие,
В одиночку, подчиняясь своему смыслу,
Но дом всё время манит нас к себе.
Мы уже здесь давно заждались
С надеждой взяли за руки,
Балансируя как канатоходцы,
Все мы здесь пилигримы.

Van Der Graaf Generator¹, «Pilgrims».

¹ Ван Де Граф Джэнерэйтор, «Пилигримы». Van Der Graaf Generator – английская прогрессив-рок-группа 60-х и 70-х годов XX века. Её название происходит от названия электростатического генератора Ван де Граафа

Господу служить

Как выворачивают нутро
По дороге в рай,
Как добро превращают в плеть
Ольга Арефьева², «Дорога в рай».

Как-то странно всё это было... Отец Глеб шел и думал, и не мог разобрать, в чем он прав, а в чем виноват, что так вышло. Решил вспоминать с самого начала.

– Отец Иосиф, он, конечно, – подвижник! Тут какие сомнения? И не боится ничего. Недавно гуманитарную помощь прислали, обувь фирменную, новую прям. А оказалось, что это бандиты под видом гуманитарной помощи нелегальный товар привезли на хранение. Они за ним приезжают, а батюшка уже всё раздал сестрам и нуждающимся. Бандиты туда-сюда: «Плати!». А он спокойно им так всё объяснил, они и ушли, ничего не взяв и не сделав.

– Да! Вот что значит сила веры! Я ведь недаром сюда к нему пришел, хочется у добродетельных из старшего поколения поучиться, – ответил отец Глеб.

Он, выйдя за штат в провинции, подал документы в Москве. Ответа пока не было, а служить где-то надо, вот он и решил воспользоваться возможностью и попроситься к отцу Иосифу, о котором слышал много замечательного.

Отца Иосифа раньше звали по-другому, но с женой они разошлись, не потянула она высокого подвига, который нес батюшка, и он принял постриг с именем Иосиф, и получил приход близ Москвы, в который сразу повалил народ. Особенно много было девушек и женщин разного возраста, но не мало и богоискателей мужского пола, особенно из молодых. Одним из них был и собеседник Глеба семинарист Андрей, с которым он как-то сразу сблизился.

– Знаешь, я понимаю, что скоро время исповедническое настанет, отец Иосиф прямо не говорит, но по всему понятно... Я и в семинарию пошел, понимая, что тяжело крест священника в такое время вынести, но надо Господу послужить... Конечно, правильнее монашество, но я не могу со страстями справиться по гордыне своей... Мне уже выпускаться в этом году, а там и рукополагаться, как понимаешь... Ну, в общем, уговорил я отца Иосифа невесту мне благословить, хоть он и сильно против был. Он вообще своих чад очень редко на брак благословляет. У него такое правило: если девушка с парнем сблизилась хоть немного – то год не должны встречаться, даже в храме друг к другу не подходить, а уж через год батюшка начинает с ними беседовать о возможном браке.

– А если не немного сблизятся? Гулять-целоваться начнут? – поинтересовался Глеб.

² *Ольга Арефьева* – российская певица, музыкант, поэт, создатель и лидер группы *Ковчег*.

– Ты что?! – замахал руками Андрей, – это вообще! Такое нечестие! Батюшка этого вообще не терпит! Выгоняет от себя или, если хотят остаться, запрещает и думать о браке! Потому как брак прежде всего – воздержание!

Уже тогда у молодого священника впервые возникли какие-то сомнения, которые он поторопился поскорее прогнать. Отец Иосиф – известный подвижник! Глебу ли его судить?

Однажды отец Глеб шел по храму в алтарь, раздавал благословения. Одна девушка с клироса стояла почти в притворе.

– Бог благословит! А что вы петь не идете?

– Мне нельзя...

– Поссорились что ли с регентом?

– Нет... – покраснела девушка, – у меня епитимья...

Молодой священник был удивлен и решил спросить у Андрея, который разжигал кадило в алтаре, не знает ли он, что случилось. Тот ухмыльнулся.

– Знаешь, батюшка ведь своих чад только сам исповедует... Клирос – дело святое! А в наказание за грехи он нередко лишает права петь на клиросе.

– Да я ее спросил, не ругалась она вроде...

– *Ругалась!* Это ж разве грех? Батюшка к плотским грехам очень строг, особенно у женщин, потому как знает, что им легче держаться, чем мужикам, от рукоблудия и всего такого...

– Ну, я, конечно, не такой спец по женским грехам... Но так же получается, что все знают, за что он их наказывает, а как же тайна исповеди?

– Ну, точно-то не знают, – ответил семинарист, – но это ж на пользу, для спасения! Прямо даже странно, что ты этого сам не понимаешь...

Отец Глеб устыдился. И правда, пришел посмотреть и учиться у опытного, а сам рассуждает. Так же он себе ответил, когда нашел случайно в алтаре тетрадки, в которых оказались подробные описания того, что и как делали женщины со своей плотью, и о чем при этом думали, что представляли... Одна смотрела на себя обнаженную в зеркало в неприличной позе и представляла себе всякое, а другая и похлеще вытворяла... Глеб такого даже представить себе не мог...

Не сразу он догадался, что это подробные письменные исповеди, которые духовные дочери приносят отцу Иосифу. Молодому священнику стало стыдно, ведь он прочел их несколько, пока не догадался... Да и хотел ли догадаться, не был ли увлечен чтением? От этой мысли ему стало еще хуже, и он стал молиться, встав на колени и припав к престолу, как делал отец Иосиф.

В следующий раз отец Глеб еще хуже сморозил. Как-то на трапезе зашла речь про одного архиерея, и молодой отец ляпнул:

– Говорят, владыка-то из голубых...

– Как вы вообще можете такое не то, что произносить, а даже думать так про архиерея Божия! – возмутился отец Иосиф.

Глеб залился густой краской.

Потом наступил Великий пост, и строгий монах заметно усилил свой подвиг, почти уже не переставая молиться. При этом все знали, что он держит строгий устав, фактически сидит на сухоядении, горячее ест лишь в субботу и

воскресенье. Глеб и дня в таком ритме не смог бы прожить! Много батюшка в пост говорил и поучений, ссылаясь на святых отцов, призывая к верности Господу без остатка.

Постом случилось тяжелое искушение. В строительном вагончике возле храма случился пожар, и сгорела старинная икона *Утоли моя печали*³, которую туда временно отнесли, чтобы передать реставраторам. Отец Иосиф очень переживал и сказал длинную и эмоциональную проповедь: «Вы понимаете?! Мать Божия ушла от вас, покинула! Не смогла терпеть нечистоту вашу! Грехи ваши! Лукавство в делах и мыслях! Вы живете лишь внешне для Христа, но сердце ваше в стране далече, в похотях и скверне, в гордыне и пороках. Как Она могла потерпеть это?!». Многие прихожане плакали, а отца Глеба смутило, что батюшка все время говорил *вы*. Он решил разрешить недоумение и прямо спросить отца Иосифа, что и сделал после службы.

– Батюшка! У меня один вопрос, разрешите? Вы в своей замечательной проповеди все время обращались *вы*, что справедливо, но я читал у митрополита Антония Блума⁴, что на проповеди надо всегда стараться говорить *мы*, не отделять себя, даже если и не о себе говоришь...

Отец Иосиф ничего не ответил, но глянул на Глеба так, что тот сразу же пожалел о своем вопросе и почувствовал себя полным идиотом.

Настала Пасха, назначение Глебу все не приходило и он начинал все больше надеяться, что останется служить здесь, ведь у отца Иосифа столько можно научиться, так исправить свою жизнь до уровня помыслов. И он все хотел как-то оправдаться. Нет, он и так все исполнял, что его попросят, ничего не требуя, но он видел, что отец Иосиф все равно не особо благоволит к нему. Все из-за этого дурацкого вопроса о проповеди... а может, он узнал как-то, что Глеб те тетрадки в алтаре видел? Нет, не может быть, там тогда никого не было... Хотелось как-то наладить контакт с батюшкой: что-то сказать к месту, или пошутить...

Трапезная была тесной и, когда разворачивались к иконам молиться, то священники фактически упирались лицом в стену. Настроение было веселое, пасхальное, и Глеб решил, что самое время.

– Батюшка! Радость такая, Христос Воскресе, а мы молимся, как у стены плача...

– А вы, отче, антисемит? – без тени улыбки ответил отец Иосиф...

После к Глебу подошел староста и попросил больше к ним в храм не приходите. Сказал, что так отец Иосиф благословил... И вот, теперь он шел домой и думал...

³ *Утоли моя печали* – икона Богородицы, почитаемая в Русской церкви чудотворной.

⁴ *Митрополит Антоний (Антоний Сурожский, в миру Андрей Борисович Блум; 1914,– 2003)* – епископ Русской православной церкви, митрополит Сурожский. Философ, проповедник, автор многочисленных книг и статей на разных языках о духовной жизни и православной духовности.

«В Церкву едут по утру Все интеллигенты»

Хошь в ад, хошь – в рай!
Куда хочешь – выбирай.
Александр Башлачёв⁵, «Ванюша».

– Вы слышали, что у нас тут днём за история была? – спросил совсем молоденький алтарник⁶ Глеб у регента⁷ будничного хора Клавдии, женщины пенсионного возраста, всегда умевшей хорошо рассказать что-то интересное из своего богатого прошлого и метко описать настоящее.

Глебу не терпелось хоть чем-то её удивить, заставить хоть секунду смотреть на него так, как он смотрит на неё, когда она рассказывает.

– Нет. – Кратко ответила Клавдия, выкладывая на аналой⁸ ноты для вечерней службы.

– Представляете! Приехал один мужик бородатый с Библиями. Говорит: «Для храма бесплатно» Ну настоятель: «Давай!» А тот: «Можно я в туалет схожу?» Наш отец ему: «А у нас нет туалета для прихожан...» Мужик ему: «Как же? У вас разве места нет или средств не хватает?» Ну а наш: «Дома в туалет ходить надо, а не в храме Божиим!» А этот: «А вы как же?» «А мы», – говорит, – «духовенство, мы другое дело». А этот с книгами: «Ну, раз у вас туалета для людей нет, то вам и Библий не надо!» Взял и уехал, представляете! Наш ещё долго орал, что нельзя этих евреев близко к церкви подпускать, что от них один вред, и вообще правильно их Сталин в Биробиджан. Мужик с Библиями выглядел... вполне характерно.

– М-да, значит так и не будет туалета, – безо всякого энтузиазма сказала регент. – А ты-то, что радуешься? Понимаю, ты молодой, ты дотерпишь, а нам-то старикам как?

Глеб смутился. Такой реакции от Клавдии, так много говорившей о подвижниках и отцах той, послевоенной церкви, он не ждал.

– Не знаю... Как-то забавно, что так настоятеля подкололи, но ведь и этот, с Библиями, не прав. Нельзя так с батюшками, да и как мерить Библии туалетами?

– *Подкололи!* Так ты ничего и не понял! Людьми, а не туалетами!

– Но... Библия... она и учит... – попытался парировать смущенный юноша.

– Чему она тебя учит?

– Ну... быть человеком... послушанию Богу...

⁵ *Башлачёв Александр (1960 – 1988)* – русский поэт, автор и исполнитель песен. Ключевая фигура и икона для поклонников русского рока, один из важнейших его представителей.

⁶ *Алтарник* – мужчина-мирянин, помогающего священнику служить в алтаре. *Алтарь* – восточная часть христианского храма, находящаяся на возвышении, предназначенная для священнослужителей и обычно отделённая от остального храма иконостасом.

⁷ *Регент* – дирижёр церковного хора.

⁸ *Аналой* – высокий столик с покатым верхом, на котором в церкви кладут иконы или книги.

– Что ты знаешь о *послушании Богу*? Ты вот Библию читал, и что? Есть оно у тебя?!

– Нет, но...

– Вот и иди с глаз моих кадило разжигать, балабол.

После службы Глеб поехал на домашний концерт, квартирник. Обычно встречались в метро небольшими группами и шли с сопровождающим, знавшим адрес. Следили, чтоб никого постороннего не было. Предосторожности были не лишними – не так давно свинтили квартирник БГ⁹, тот едва успел три песни сыграть.

Сегодняшний квартирник был *закрытым*: пускали только друзей хозяина квартиры или музыканта. Народу должно быть немного, собственно, только поэтому Глеб и пошёл сейчас на Башлачёва, который казался ему грубовато-мрачноватым.

Но ожидания Глеба не оправдались. Народу в восемнадцатиметровую комнату набилось битком. Всё равно все приходили с друзьями. Было очень душно, начало затягивалось, и Глеб даже думал уйти, но пожалел заплаченной трёшки. Начался концерт.

После первых двух песен молодой алтарник слушал, уже затаив дыхание. А когда Сашбаш запел своего *Ванюшу*, дыхание у Глеба спёрло, в жар бросило от слов: *были к дьякону, к попу ли, интересовались. Сине небо вниз тянули, тьфу ты! Надорвались*. Балладу Глеб уже слышал, но краем уха, не до конца, поэтому, чем это всё кончится – не знал. И когда раздалось последнее: *как в снежном поле душа гуляет*, он едва сдерживал слёзы, и, одновременно, какой-то рвавшийся из глубины истошный крик...

Из квартиры он вышел бледный. Задумчиво побрёл по улице.

– Привет!

Глеб вздрогнул. Рядом стояла девчонка с длинными светлыми волосами, стянутыми хайратником¹⁰. Она тоже была на квартирнике и ещё там привлекла внимание Глеба, да и сама, кажется, заметила его. Но теперь, оглушённый впечатлением от концерта, Глеб напрочь забыл об этом.

– Привет.

– А ты что такой грустный идёшь? Не понравилось?

– Нет, как раз наоборот! Всё очень круто... Я и не ожидал...

– А по виду твоему не скажешь, что понравилось.

– Ну... я просто под сильным впечатлением...

– Понимаю... Но всё же: *рок-н-ролл – славное язычество!*¹¹ Должно быть весело, не смотря ни на что, я так думаю, – продолжала разговор девушка.

– Не знаю... А какой выход в этом? Что дальше? Нет, всё честно, всё хорошо, клёво. И правду-матку режет – как оно всё у нас... До боли, крика режет. Но... что дальше? Ведь должен же быть смысл, должен быть выход! Здесь-то – тупик!... Этот бесконечный наш тупик: *сутками и литрами*... Это

⁹ БГ – Борис Гребенщиков, лидер рок-группы «Аквариум»

¹⁰ Хайратник (сленг.) от англ. hair, волосы – завязка, резинка для длинных волос.

¹¹ Слова из песни Александра Башлачёва *Время колокольчиков*.

бесконечное наше язычество. Нет, не по исповеданию, а по жизни, понимаешь? В Боге только выход, в любящем Боге, а иначе – самоуничтожение или бег по кругу без конца...

– Ты интересно говоришь, хоть я и не совсем с тобой согласна. Есть язычество и светлое, очень доброе и красивое, – посерьезнела девушка, – меня Света зовут, а тебя?

– Глеб...

– Что-то домой не хочется, да и погода хорошая. Пойдём погуляем?

– Мне торопиться некуда... – согласился юный алтарник, – я тебя не слишком загрузил?

– Да не... Я ж сказала, что мне интересно... Ты где учишься?

– В Историко-Архивном, а ты?

– Я – в музыкальном училище...

Они гуляли всю ночь. Под утро, проголодавшиеся, они подкараулили у булочной машину и купили у ночных грузчиков-сторожей горячего пахучего Бородинского хлеба. Они говорили о Боге и дурацкой моде на накладные плечи, литературе и гопниках, музыке и коммунальных квартирах. Глеб рассказал о жизни в монастыре, в который он ездил, а Света о тусовке на Гауе в Латвии, где была она. К утру сговорились срочно поехать автостопом¹² и туда, и в монастырь тоже, а заодно и в Питер, благо, лето 87-го было в самом разгаре.

¹² *Автостопом* (сленг.) – используя попутные машины для проезда части пути.

К ЧИСТОМУ ИСТОЧНИКУ

Вот и наступило то самое завтра,
О котором я что-то слышал вчера.
Зоопарк¹³, «6 часов».

– Вставай, а то разберут всё!

– А сколько времени-то?

– Полседьмого. Я уж Ваньку покормила на кухне, чтоб тебе спать не мешать, – ответила Света мужу.

Глебу надо было вставать за молоком. Для ребёнка – на детскую кухню можно было и попозже сходить. А вот для Светы надо было идти срочно. Если ей чаю с молоком не попить – своё молоко у неё тут же пропадало. После открытия универсама молочное продавалось не больше часа. Потом оставались одни бесконечные зелёные помидоры в трехлитровых банках.

Молодой отец подошёл к типичному для 80-х универсаму из стекла и бетона без двадцати восемь. Перед входом стояла толпа мужиков, как пару лет назад в винный. Но тут все были за молочным и, если повезёт, мясным. Женщины тоже были, но мало и, в основном, раннего пенсионного возраста, когда силы и задор ещё оставались, но терять уже особо нечего и можно без стеснения биться со здоровыми мужиками на входе в магазин.

Глеб втиснулся в бесформенную толпу. Стоявший рядом рабоче-крестьянского вида мужичок явно с похмелья грозно отреагировал:

– Чё, студент? Тоже жрать захотел?

– Да я жене молока купить, она грудью кормит...

– Грудью? Это хорошо! Ладно, лезь давай, вперёд меня. Я тя пихну, как откроют.

В толпе стоять было не холодно, хотя на улице было ниже –10, а пальтишко у Глеба было совсем легким, осенним.

В 8-00 магазин открыли, но лишь одну створку дверей, боясь, что ворвавшаяся толпа снесёт всё на своем пути, включая кассы и работников магазина. У входа началась давка, толпа раскачивалась. Каждая сторона пыталась отпихнуть соседнюю от входа.

– Навались! – крикнул рабоче-крестьянский мужик сзади и с силой упёрся Глебу в спину.

Соседи сбоку поддержали, и их край пошёл вперёд. Глеб почувствовал себя тараном, когда дверь приблизилась. Он только испугался, что его со всей силы размажет о косяк двери, но в это время навалилась другая сторона толпы, и он смог боком влететь в магазин. Все бежали к прилавкам. Главное – успеть ухватить молоко, а там уж можно оглядеться, что ещё съедобного выкинули...

¹³ Зоопарк – советская рок-группа, образованная в 1981 году в Ленинграде. Основатель и лидер группы – Майк Науменко.

Из универсама Глеб вышел довольный, с полной сумкой килограмм на десять. Решил пройти мимо близлежащего открытого рынка. От вида ярких спелых мандаринов начинала выделяться слюна... Но цены кусались, как и в кооперативных магазинах, и позволить себе такую роскошь мог далеко не всякий получающий зарплату, а не то что студент.

Глеб сглотнул. Перед ним возвышался огромный прилавок с выстроенными горками мандаринами, лимонами и яблоками, а сбоку были даже арбузы! За прилавком стоял кавказец с набриолиненной шевелюрой, излучавший волны восхищения собой и своим товаром. Поправив лежащее неровно яблочко, он, не выдержав, принялся напевать на восточный манер.

– Ай, я приииинц, я пр-и-и-и-и нц!

В этот момент мимо его прилавка проходил тот самый рабоче-крестьянский мужик из очереди с кефиром в авоське. Глянув на поющего, он, не задумываясь, как-то даже без вызова констатировал:

– Да ты не принц, ты *удак.

– Што сказал? Э!

– *удак, говорю, ты.

– Знаешь што тэбе сделаю щас! Ты борзый, да?! – Стал голосить кавказец, делая вид, что прилавок ему мешает набросится на обидчика. Но мужик был здоровый, и убежать совершенно не собирался.

– Ну чо? Иди сюда!

– Ща пагады приду тэбе, борзый! – продолжал кричать кавказец, делая вид, что хочет перескочить через прилавок, и оглядываясь на соседей. Те явно не торопились встретиться со здоровыми мозолистыми ручищами работяги, который, глядя на всё это вновь констатировал:

– Ну, я ж говорю – *удак ты.

Кавказец вдруг принялся кидать в мужика мандаринами.

– Эээ, получай! Я тебэ пакажу, кто *удак!

Работяга оказался ещё и юрким, один из мандаринов он поймал на лету, а упавшие рядом стал неспешно собирать и рассовывать по карманам.

– Эй, *удак! Атдай мандарин, тэбэ гаварю! – орал из-за прилавка набриолиненный уроженец тёплых краёв.

– Ты чё!? Не понял? Это ты *удак, а не я! – закончил разговор мужик, запихивая в карман последний из брошенных в него мандаринов.

Глеб был в восторге. На переходе он догнал мужика.

– Здорово вы его!

– А это ты, студент! Учись, как надо. Хотя... те ещё долго жизни учиться... На, жене передай мандаринки, – мужик принялся доставать из кармана мандарины.

– Да что вы?! Я не для того...

– Того, не того... Дают – бери! Да и не тебе это, понял? Вот возьми три штучки. А три мне на закусь.

Домой Глеб пришёл возбуждённым. Прямо с порога, едва вручив жене сумку с продуктами и три мандарина, успевшие от рук мужика впитать запах соляры, он принялся рассказывать утреннюю историю с работягой.

–...и знаешь, Светка, как-то у меня всё прояснилось! Нечего нам больше в Москве делать! Здесь грязь, суета, ничего хорошего нет кругом, а скоро кругом одни эти *принцы* будут... Зачем нам это всё? Институт кончать... да и вообще... Вон, отец Георгий всё зовёт. У него в соседней деревне приход освободился. Говорит, без проблем рукоположат¹⁴ меня. И домик какой-никакой есть. А там – чистое всё. И люди – как этот мужик, прямые настоящие русские люди. Вот там и душу спасать, и детей растить! А?! Что думаешь?

– Не знаю, Глебушка... Оно и так, но институт бросать... Надо как-то подумать ещё...

– Да надо не думать, а благословение у старца¹⁵ взять, чтоб по воле Божией... Я к старцу за благословением съезжу!

¹⁴ *Рукоположение* – посвящение человека в священники, наделяющее его дарами и правом совершать таинства и обряды.

¹⁵ *Старец* – священник-инок или старый монах, отличающийся своим духовным подвигом, который осуществляет духовное наставничество над другими монахами, которые живут с ним в одном монастыре; реже, наставничество осуществляется над приходящими к старцу мирянами.

Живи, душа!

Ну давай же не тяни,
Скажи идти мне или не идти?
Уйду – хлебнем мы точно горя,
А останусь, может, вдвое.
*The Clash*¹⁶, «*Should I stay or should I go?*»

По дороге из монастыря Глеб решил заехать к Антону. Тот уехал из Питера и жил теперь у какого-то друга на даче недалеко от Лавры. Найти дачу было нелегко. Занесённая снегом улица, номера домов если и были, то теперь их стало не видно совсем. Встретилась бабулька.

– Не подскажите, где здесь Антон живёт... у друга... кажется, Виктор его зовут... или Вадим...

– А! Это бородатые чудики такие?

– Не знаю... да, наверное... – он ещё не видел Антона с бородой, и мог лишь представить, что ударившись в церковную жизнь, тот наверняка бороду отпустил.

– Да вона там дом, направо и по тропинке. У них ещё забор завалился весь...

Дверь отворил высокий парень с всклокоченной бородой.

– Чё надо? – неприветливо спросил он.

– А Антон здесь живёт? – неуверенно поинтересовался Глеб.

– Заходи... Жрать будешь?

– Ну... если вы будете, то – можно.

– Я – буду... Иди пока, вон в той комнате он...

Глеб зашёл в комнату. Антон сидел у иконы с кисточкой в руках. Творческий беспорядок, как в его питерской мастерской, только теперь кругом фото икон и храмов, а не Уорхола¹⁷, рок-групп и обнаженки.

– О! Глебка! А ты как занесло? Пургой?

– Да вот... К старцу за благословением рукополагаться ездил. А на обратном пути, думаю, дай заеду. Ты ж сам адрес мне прислал.

– А, ну да... И чё старец?

– Ну, вроде благословил, но как-то непонятно... почти ничего и не сказал, всё отвлекался на других, а со мной всё походя. Говорит: «Надо самим учиться принимать решения и ответственность за них нести, отвечать за то, что выбираете» Но это понятно всё, да и не мне он это говорил...

– И где священнослужить собрался?

¹⁶ *Клэш*, «*Мне остаться или уходить?*», *The Clash* – британская музыкальная группа, образованная в 1976 году под влиянием музыки и имиджа панк-рок-группы *Sex Pistols*.

¹⁷ *Энди Уорхол* (1928–1987) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссёр. Культовая персона в истории поп-арт движения и современного искусства в целом.

– Отец Георгий, тоже из наших, зовёт к себе на соседний приход. Там и дом дать обещали, и места чистые... Ты ж знаешь отца Георгия?

– Ещё бы! Мы ж у него храм расписывали, первая наша работа с Виктором и бригадой! Хороший батюшка, строгий, православный, без всего этого либерального и католического, но и не без приколов... Ему, знаешь, храм вернули в нормальном таком состоянии: стены, окна, иконостас даже почти цел, только крыша текла и роспись на стенах пооблетела... Так вот, заходим, а над иконостасом надпись: «Живи, душа!!!» Как транспарант на Первое мая! Мы аж обалдели, чё за рок-н-ролл? Оказалось, отец сначала местного художника, что в клубе киноафиши писал, позвал храм расписать, тот и спросил: «Чего, батюшка, рисовать?» А Георгий ему: «Да чё сердце русское в творческом порыве подскажет!» Тот и налепил... Собственно, он больше ничего и не сделал, богомаз этот деревенский, – в запой ушёл... К нам потом захаживал, всё поучал по-ветерански, как надо храмы расписывать, и на пиво стрелял... Ну а мы-то хорошо поработали... и отдохали славно, самогон там, эх!... И жили душа в душу, Виктор даже посетовал: «Эх, братцы! Жаль, что мы не пидоры, а то-б так и жили!»

– Этот Виктор? Хозяин дома? Злой он какой-то...

– Да это мы с ним посрались на днях. Теперь он меня от кухни отлучил за непослушание и кражу последней бутылки пива. А я не крал! Выпил просто без заявлений для прессы. Но это у нас так, время от времени... То молимся, то пьём и ругаемся, чтоб гордыня не обуяла...

– И как у тебя так всё поменялось? Ведь в Питере богемная жизнь была, всё пучком, работы продавались, тусовки прикольные...

– Ты не знаешь разве? Я ж подтарчивал¹⁸ всё время. Как-то пришёл домой с концерта, Курёхин¹⁹ так отмачивал классно... Я перед концертом дунул²⁰, а после ничего, кроме колёс²¹ не нашёл... *Pink Floyd*²² поставил *Wish you were here*. Там на обложке человек с пламенем за спиной. Вот как-то меня потащило да так, что я таких маленьких огненных человечков увидел, и так мне захотелось таким же стать... В общем, поджег я мастерскую свою. Хорошо – там панк один спал. Он проснулся и меня вытащил. Говорит: «Всё зло от хиппей! Недаром Джонни Роттен²³ на майке *Pink Floyd* «ненавижу!»

¹⁸ *Подтарчивать, торчать (сленг.)* – сидеть на наркотиках, как правило на тяжелых.

¹⁹ *Сергей Курёхин (1954-1996)* – советский и российский музыкант-авангардист, джазовый музыкант, композитор, аранжировщик, актёр, создатель и руководитель группы *Пон-механика*

²⁰ *Дунуть (сленг.)* – покурить марихуаны.

²¹ *Колёса (сленг.)* – наркотики в форме таблеток, как правило, морфин, различные амфетамины, в последнее время экстази.

²² *Pink Floyd* – британская рок-группа, основанная в 1965 году. Знаменита своими философскими текстами, акустическими экспериментами, инновациями в оформлении альбомов и грандиозными шоу. Является одной из влиятельных и наиболее успешных групп в рок-музыке.

²³ *Джонни Роттен (Джон Джоозеф Лайдон)* – британский рок-музыкант, фронтмен и автор песен панк-группы *Sex Pistols* (1975–1978), *Public Image Ltd* (1978–1992), с начала 1990-х годов выступающий соло.

написал...» М-да... а я после пожара в монастырь подался. А там – к отцу Зинову²⁴ попал. От него и иконописи научился, и древнему благочестию. Мы ж по-старому молимся. Акафиста²⁵ только три признаём, зато канонов²⁶ много... Знаешь, вся эта богемщина – сплошной дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия и ничего больше. Нормальные люди долго-то не выдерживают там. Либо ссучишься, либо сопьёшься, либо копыта двинешь, либо всё разом... В церкви – благодать! Здесь не так всё... Порой физически эту радость чувствуешь и простоту настоящую... и это совсем другое, чем весь этот драг и драйв с эзотерикой и понтами.

– Это – да...

– Идите жрать, пожалуйста, – раздался грозный голос Виктора.

– Чё? И мне дашь? – удивился Антон.

– Подруливай давай! Только не тормози.

– О! Я ж говорю – человек! – обрадовался бывший питерский художник, быстро вытирая кисти. – Иди, садись, а я за тобой, руки отмыть надо...

– *Очи всех на Тя, Господи уповают...* – начал на кухне молиться хозяин дома.

Сели за стол Виктор и Глеб, хозяин стал раскладывать картошку.

– Слышал, ты в попы собрался и за благословением ходил?

– Да.

– Ты б лучше не к монастырским, а к отцу Павлу съездил.

– Я слышал о нём.

– Он сидел за веру, и на приходе много чего видел, жизнь знает, и не только церковную... Я к нему поехал, спрашиваю: «Батюшка! Я бригадир иконописцев, денег беру с попов по полной, скидок не даю» А он мне: «Бери! Попы нынче богатые: пьют, курят, б...уют... Бери!»

– Что?! Так и сказал?

– А то! Он за словом в кармане не лезет! Чё видит – то и говорит! А видит, порой, не то, что все видят.

– Всё! Отмылся! – с энтузиазмом сказал Антон, живо придвигая стул и накладывая картошку, – спасибо, Вить!

Тот внимательно смотрел, как товарищ накладывает в тарелку, и, когда ложка уже была поднесена к антонову рту, вымолвил:

Да, слушай, ты ж причащаться завтра собрался? А я картошку сливочным маслом заправил... Хошь – ешь, хошь – нет...

²⁴ *Архимандрит Зинов (в миру Владимир Михайлович Теодор)* – архимандрит Русской православной церкви, один из авторитетных мастеров современной русской иконописи.

²⁵ *Акафист (греч. Ο Ακάθιστος Ύμνος, гимн, который поют стоя)* – жанр православной церковной гимнографии.

²⁶ *Канон (греч. Κανών, правило, норма)* – в православном богослужении жанр церковной гимнографии, сложное произведение, посвящённое прославлению какого-либо праздника или святого. Входит в состав богослужений. Также канон читается на молебнах, по усопшим, за болящих и в домашней молитве.

Глеб навсегда запомнил то безмятежное наслаждение, с которым бригадир смотрел на медленно опускавшуюся ложку и так и оставшийся открытым рот Антона.

Наставник молодёжи

Гроб вполне хорошая посуда.
Во гробу мне было бы не худо.
Моя хата будет с краю.
Ничего, скажу, не знаю
*Хвост и АуқиЫон*²⁷, «Прощальная».

– Ну что? Принесли картошку? – спросил, снимая в сенях старое увесистое пальто, отец Георгий.

– После твоего слова пять мешков принесли! А я сколько ни просил – ничего, – отвечал, встречая гостя, пару месяцев как рукоположенный в священники отец Глеб, – как это ты, отче, так умеешь? А на Казанскую ты как сказал! Вывернул с праздника на то, что самое ненужное, что без дела валяется в храм нести надо, а кончил, что, если самое дорогое от сердца не оторвать и Богу в жертву не принести, то не будет России спасения от иноверцев. И всё так складно у тебя вышло, логично и убедительно. Я так не умею...

– А надо научиться. Тут в деревне народ простой, но к нему подход нужен. Им всё разжевывать надо, а где и продавить, показать, что уважаешь их, объяснить, что им нужно и в чем они обязаны; силу здесь чтут, а вся эта городская застенчивость с уговорами и приседаниями здесь непонятна и только раздражает.

– Ох не знаю... Как-то это всё в голове менять надо. Вроде и язык один, а понимание разное, – сетовал молодой священник, доставая печенье и собираясь ставить на плиту чайник.

Глядя на это сорокалетний наставник поморщился.

– Ты б закуску лучше приготовил: лучок, капусточку. Мне Петрович самогонку свою пожертвовал – слеза! А чай мы уж потом попьем!

Отец Георгий тоже был москвичом, работал в разных храмах, то алтарником, то сторожем, хотя имел высшее образование и до того был многообещающим молодым специалистом в каком-то КБ²⁸.

Когда он захотел поступить в семинарию, то его пригласили на собеседование. Упитанный гражданин в штатском убеждал, что Георгий Александрович, как человек грамотный и образованный, из добропорядочной советской семьи, лидер, к которому тянутся люди, мог бы сделать в церкви хорошую карьеру, и что у него будет поддержка, если он обязуется сотрудничать и помогать выявлять антисоветски настроенных элементов,

²⁷ *Хвост, Алексей Львович Хвостенко* (1940 – 2004) – российский поэт-авангардист, автор песен, художник. Сочинил более 100 песен и несколько пьес в соавторстве с Анри Волохонским под общим псевдонимом А. Х. В. *АуқиЫон* – советская и российская группа, основанная Леонидом Фёдоровым в Ленинграде в 1978 году, экспериментировала в различных стилях, совмещая в разные этапы творчества элементы пост-панка, джаза и новой волны.

²⁸ *КБ* – конструкторское бюро.

распространителей нелегальной религиозной литературы и других недостаточно надежных граждан.

– Шпионов ловить? – спросил Георгий, наклоняясь к сотруднику органов.

– Ну, или их вольных и невольных пособников. В широком смысле можно и так сказать, – ответил тот.

– Я, как парашютиста увижу, сразу к вам побегу, вы мне телефончик оставьте, – отвечал громким шепотом бывший ученый с безуминкой во взгляде, прищуриваясь и глядя прямо в глаза сотруднику органов.

После этого путь в семинарию ему был закрыт.

Ещё через несколько лет Георгий подкатил на престольном празднике²⁹ в московском храме к одному провинциальному епископу, принялся рассказывать, насколько он хотел бы быть под началом столь замечательного и крепкого в своем православии владыки³⁰ и, что мечтает лишь о беспрекословном послушании столь великому светочу Истины. Владыка был покорён настолько, что уговорил местного уполномоченного по делам религий не препятствовать рукоположению не вполне благонадежного, с подозрительными выходками москвича.

Отцу Георгию достался дальний деревенский приход, а в начале 90-х к нему прикрепили ещё один не существующий в реальности храм в соседней деревне. Именно в этот храм и был поставлен отец Глеб, по рекомендации отца Георгия быстро прошедший все формальные процедуры перед рукоположением, благо с падением Советского Союза уполномоченные исчезли и вопросы поставления новых клириков решались исключительно в епархии³¹. Старший товарищ ещё натаскивал ученика и частенько приезжал к нему на службу или звал новобранца к себе.

После второй рюмки Глеб решил, что самое время поговорить о делах: не рано, и не поздно. И начал.

– Я насчет крещения хотел уточнить... Мне в воскресенье первый раз крестить. Боюсь, чего накосячу...

– Не бойсь, я к те приеду – помогу. Ты, главное, ничего не сокращай, а детали я тебе покажу.

– В Москве, знаю, многие отцы сокращают, особенно запретительные молитвы на оглашении... для скорости и вообще, как не главное...

– *Не главное!* – передразнил наставник, – это же заклинательные молитвы на самого дьявола! Вот ты думаешь, почему сейчас самоубийств много?

– Ну, неверие, отчаяние, разочарование в жизни...

– Ты рассуждаешь, как *Московский комсомолец*, а ты – поп! Молитвы эти сокращают на крещении – вот и нет у человека должной защиты! А кругом, – выразительно поднял указательный палец отец Георгий – соблазны мира, наполненного бесами и масонами.

²⁹ *Престольный праздник* – праздник в память святого или события, в честь которого освящён храм или его приделы.

³⁰ *Владыка* – неофициальное наименование православного архиерея.

³¹ *Епархия* – в христианской церкви – административно-территориальная единица во главе с епископом (архиереем).

Мало кто мог сразу определить, когда отец Георгий переходит с серьёзного на стёб и обратно, возможно, он и сам это не всегда знал. Как-то он смог убедить целую толпу друзей, среди которых были и обладатели научных степеней, что птица Сирий существовала, и что в журнале *Наука и жизнь* была опубликована фотография её скелета, найденного нашими археологами. Кто-то даже побежал доставать указанный батюшкой номер от 1978-го года, и, когда искомое фото дивного скелета так и не было обретено там, отец Георгий без тени улыбки или намёка на смущение заявил, что номер изъяли и подменили масоны, после чего тут же предложил выпить *за победу русского духовного оружия*.

Самогон допили, и отец Глеб таки поставил чайник. Он всё вспоминал, что он ещё хотел спросить наставника из области практического пастырства. Наконец вспомнил.

– Отче, бывает люди в чём-то таком исповедуются, в чём-то особенном, тяжком... и ты должен, вроде, епитимию³² назначить строгую, дабы на себя не брать, но понимаешь, что не понесёт человек... Да и вообще, бывают же случаи, когда не знаешь, как надо. По правилам и канонам всё равно не выйдет, а как быть?

– Когда не знаешь, как поступать и что сказать, поступай и говори по любви. Между правилами и любовью выбирай последнее, – ответил бывший сотрудник советского КБ и засобирался, так и не попив чай.

Отец Глеб вышел его проводить. Заморозка не было, и ноябрьская деревенская грязь полновластно овладела дорогами и тропинками.

На двери тёмно-синей *Нивы* отца Георгия, сквозь грязь просвечивала выведенная серебрянкой, доставшейся батюшке после покраски колхозного памятника Ленину, надпись: «Масоны виноваты!»

³² *Епитимья* (греч. *ἐπιτίμια*, наказание) – исполнение исповедовавшимся христианином, по назначению священника, принимавшего таинство покаяния, тех или иных дел благочестия; имеет значение нравственно-исправительной меры.

У деревенского старца

Научи меня жить, научи меня что-нибудь делать,
Сочтены мои ночи, и дни, словно сны, коротки.
А то, что любит сквозь сон, то, что дышит от имени тела,
Это только тень на горячем песке у ленивой реки...
*Воскресение*³³, «Научи меня жить».

– Да, молод ты, отец Глеб, но и я не многим старше был, когда на этот приход приехал почти уж полвека назад.

Старый и молодой священники сидели за столом в избушке и пили чай. За окном был виден угол храма, а за ним расстилались леса, поля, холмы; снег и бескрайняя тишина.

– Я, – продолжал отец Леонид, сухенький старичок с одновременно острым и спокойным взглядом, – конечно, не из столичных был, но и не из деревенских, в райцентре всё же вырос. Недокормленное военное поколение. Выжил-то чудом, а когда в армию из-за нехватки веса не взяли, в институт местный педагогический поступил. Тогда, после войны, священников некоторых с зоны Сталин выпустил. Вот сюда, в это захолустье, отца Михаила и направили служить. Он десять лет отсидел... Сам старой школы, со многими знался из той, ещё дореволюционной церковной интеллигенции, о ком сейчас книжки пишут. Народ к нему сюда из города потянулся за молитвой и советом, так и я к нему попал. Многим он всю жизнь рассказывал...

– Прозорливым был отец Михаил. Я слышал, что и чудеса творил! – перебил только рукоположенный, отец Глеб, которому было двадцать с небольшим. Его назначили на восстановление, точнее на строительство храма почти с нуля в одной из соседних деревень.

– Да не знаю... Опыт у него большой был, мудрость, знание жизни, людей... Понять и обогреть умел. А чудеса... Я не видел, так чтоб точно утверждать... Да и о людях всё сказать не из прозорливости, а из опытности можно, – отвечал отец Леонид. – Да... По его рекомендации я в семинарию поступил, а потом дьяконом сюда вернулся. Позже и священником стал. А после смерти отца Михаила и настоятелем здесь остался. Так и служу... Только ноги – никуда. Я десять лет на велосипеде из города ездил, чтоб суставы работали, но болезнь берёт своё...

Отец Леонид встал за чайником. В глаза бросалось, как тяжело ему ходить.

– Ты, отец Глеб, человек городской, здесь тебе надо к другой жизни привыкать. Если надеешься, что бабки твоей матушке с детём по хозяйству сами помогать будут, то зря. Все эти рассказы про добрый народ... нет, встречаются, конечно, как и везде, но не часто. Бабы здесь жизнью и мужьями-алкоголиками битые, часто озлобленные и не очень-то далёкие... Ты ж поди всё по-другому представлял.

³³ *Воскресение* – советская и российская рок-группа, образованная в 1979 году.

Отец Глеб потупился. Старый священник помолчал и продолжил.

– Людей подлинно Духом живущих, вообще очень мало. Даже среди святых, заметь, не все такие. Возьми хоть даже древних: мученик Вонифатий уж совсем крайний случай... А если в жития вчитаться, то и увидишь, что большинство ляжку свою тянуло по жизни, терпели, мучились, ошибались, падали, унывали, глупости даже говорили и делали, от природы своей и воспитания, а святыми их Господь сотворил. Не без их старания, но и не всегда прям уж по их заслугам. Жить, ляжку тянуть, стараться не ломаться под тяжестью, с искушениями бороться. Хотя отлетающим уж больно в дали заоблачные и надломы на пользу бывают, кому-то их и не избежать... М-да... Главное не забывать, что на земле ты, а не в небе. И здесь, в деревне, это особо...

– Да! Отче! – перебил молодой священник. – Мы с отцом Георгием давеча одно место из *Лествицы*³⁴ обсуждали...

– А?! Лестница? – как будто не расслышал отец Леонид – У меня тоже на колокольне давно не чиненная, по ней уж никуда не заберёшься, только шею сломаешь. А отец Георгий – человек неровный, и тут дело не в том, что он выпивает... Он с людьми ладить не умеет. Пафоса много, а дела не очень. Вокруг него постоянно какой-то конфликт. К людям подход нужен, и к ситуации в целом... Вот приход мой взять. На хозяйстве у меня здесь две старые прихожанки: казначей и староста. Друг друга ненавидят... Так я – то одной начинаю больше благоволить – то другой. Так они пока за мою симпатию борются, обо всём прочем забывают. Я у них – третейский судья. Никогда на меня не жаловались, все мои решения выполняют наперегонки, чтоб сопернице насолить.

– Это как-то... не по любви, что ли...

– Эх! Батюшка, ты в деревне! Какая тут любовь?! Здесь в пять утра коров доят, а не под луной гуляют.

– А ещё, отец Леонид, я слышал, вы самоубийц отпеваете...

– Да. Я считаю, если бес над человеком посмеялся, то почему уж и мы должны, а все эти отсылы в епархию за тридевять земель за благословением – бюрократия сплошная.

– Но, извините, отче... Каноны ведь воспевают... Или это у вас подвиг такой, а от этого и болезни...

– Отец Глеб! Пойдём молиться, а-то вон Манька уже храм отворила, а я ещё облачение тебе хотел пожертвовать.

Они встали и пошли в храм. Отец Глеб часто вспоминал этот разговор, всякий раз сокрушаясь, что не то и не так сказал. А думал-то – образованным себя показать, таким ходоком в народ для его, народа, и своей пользы и спасения.

³⁴ *Лествица райская, Скрижали духовные* – сочинение преподобного Иоанна Лествичника, христианского богослова, византийского философа, игумена Синайского монастыря, написанное в конце VI века.

Второе крещение Руси

Говорит он, я знаю вас, знаете и вы меня.
Все, что я хочу сказать, свободными должны вы стать.
Собирайтесь ко мне, прямо сейчас. Все за мной!
*The Beatles*³⁵, «*Come together*».

– Жарко, батюшка! И как вы во всех этих одеждах ходите?

– Да нормально, в Греции насколько жарче, а там отцы вообще всегда в чёрных подрясниках ходят, и купаться у них не принято духовенству... Ой, как много людей собралось!...

На полянке у мостика проточного пруда стояла толпа. Мужчины, женщины, много детей. Отец Глеб испугался: как ему, первое лето только служащему, в одиночку справиться с крещением всего этого народа, правильно организовать, ничего не перепутать, ведь и последование он ещё плоховато знает, а больше одного человека вообще никогда не крестил.

– Братия и сестры! Дорогие! Пожалуйста, встаньте те, кто креститься впереди, крёстные сзади... так, полотенца у всех есть? А за крестиками подходите, сейчас я раздам всем, у кого нет.

– А верёвочки, батюшка?

Тут отец Глеб с ужасом понял, что о верёвочках для крестиков он и вовсе не подумал, но хуже было, что и крестиков-то он мало взял, никак не рассчитывая на такую толпу. За бечевкой сбегали в ближайшую избу, а крестики пришлось отдать только крещаемым. Крёстные и родственники остались без них. Только на это ушло полчаса. Всех построить, прочесть молитвы, что-то попытаться объяснить ста с лишним присутствующим, всех помазать и, наконец, крестить. Со взрослыми было ещё ничего: они заходили в воду, а священник с мостика рукой приклонял человека, принуждая троекратно нырнуть с головой.

– Крещается раба Божья Надежда. Во имя Отца-а-а-а, опускайтесь в воду, с головой ныряйте, так.

– Всё?

– Нет, ещё. И Сы-ы-ы-на, снова ныряйте. И Святого Ду-у-у-уха, ещё разок. Теперь на берег, в полотенце заворачивайтесь...

– И можно уходить?

– Нет, нет! Что вы? Ещё крестики я одену на вас и крещальные рубашки!

– Ой, а я рубашку не взяла

– Ну, тогда только крестики... И миропомазание ещё у нас, и много всего...

Хуже было с детьми. Одного маленького, но юркого отец Глеб чуть не утопил, с другим покрупнее батюшка нырнул сам, не рассчитав вес и

³⁵ *Битлз*, «*Пойдёмте вместе*», *The Beatles* – легендарная британская рок-группа из Ливерпуля, основанная в 1960 и распавшаяся в 1970 году, в составе которой играли Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ринго Старр.

собственные силы, хорошо крестные среагировали и ухватили за рясу уже уходившего головой под воду священника с четырёхлетним крепышом в руках.

Через три с лишним часа наконец-то дошли до пострижения волос. Больших трудов стоило удерживать разбредаящийся народ.

– А теперь, дорогие, пройдем все в храм, там мы воцерковим³⁶ и причастим новокрещёных! И крестики, кому не хватило, купить можно.

Отец Глеб шёл впереди. С ужасом он стал замечать, что многие идти с ним не собираются, и заворачивают по домам.

– Алексей, Наталья! Куда вы?! Нам в храм ещё, обязательно! Иначе таинство будет незакончено!

– Да в какой храм? В детсад, что ли? – ответил Алексей. Никак местные не хотели воспринимать временный молельный дом в бывшем детском саду как храм, – Да это ж не церковь... А за крестиком мы потом зайдём, а сейчас дела, и обедать пора уже.

– Поймите! Дело не в здании, таинство должно быть закончено... Без этого...

– Нам некогда, батюшка, и так столько часов на жаре... Куры, вон, не кормлены...

Эйфория в голове начинающего пастыря сменилась унынием: «Как же люди не понимают всю важность происходящего? Тут таинство, а они со своими курами...»

– Батюшка, они не пойдут, а мы зря стоим тут, – вывела священника из ступора пожилая прихожанка, крестившая вместе со всеми своего приехавшего из города внука.

До храма дошло всего человек двадцать... Отец Глеб воцерковил, причастил, дал поцеловать крест, с совершенно безрадостным лицом поздравил новокрещённых и их близких.

– Алексей? Вы за крестиком пришли? А чего ваших внуков, что крестили на пруду не привели, я б их воцерковил, причастить, правда, не смог бы, это на службу надо...

– Да некогда им всё, батюшка, а крестик мне, да, выбрать бы...

– Заходите...

Пожилой тракторист зашёл в *молитвенный детсад*, не слишком убедительно изображая на себе подобие крестного знамения.

– Вот, выбирайте.

– Да мне любой... Я знаете что? Прочёл тут, что конец света через год, это правда?

Глеб невольно улыбнулся.

– Знаете, много разных предсказаний и пророчеств, подлинных и ложных. Главное, постараться быть готовым к приходу Господа, жить не только сиюминутными заботами, но и молитвой, общением с Создателем...

³⁶ *Воцерковление* – обряд Православной церкви, *Чин воцерковления отрочати*, совершаемый в 40-й день по рождении младенца. Чин воцерковления предполагает вхождение его в ряды членов Церкви до таинства крещения либо после, если ребёнок уже крещен.

– Не, это всё не то... это вы, как на партсобрании... Вы прямо скажите: будет конец света через год али нет!

– Вы поймите, ведь конец света для каждого из нас может наступить в любую минуту, если мы умрём...

– Батюшка! Я ж не бабка с вашего прихода, мне не надо всё это! Вы ж поймите, мне через год на пенсию, я всю жизнь под этим трактором, жена, дети, внуки... Я только пожить собрался, а тут концом света грозят! Это ж как жить то?

– Вот, возьмите этот крестик, он хороший и недорогой... И... хотите *Новый Завет* вам дам, там есть *Откровение Иоанна Богослова*, это о конце света как раз, почитаете...

– А что? Там сказано, когда он будет?

– Нет, в Писании сказано, что мы не можем знать ни дня, ни часа...

– А год? Тоже не можем? Эх, пустое всё это, если толком ничего не узнаешь, когда что будет... Ладно, давайте ваш крестик, а книжку не надо. Бог даст, поживу ещё, как человек, на пенсии...

Первый спонсор на селе

За открывшейся дверью – пустота.
Это значит, что кто-то пришёл за тобой.
Это значит, что теперь ты кому-то
Понадобился.

Гражданская оборона³⁷, «Русское поле экспериментов».

Пока полуразрушенный храм, имевший целых две стены из четырёх, передавали на баланс церкви, для богослужений приходу предоставили деревянный аварийный домик, бывший детский сад. Детей в селе оставалось мало, поэтому его единственную общую группу перевели в здание школы, ведь и там классов было явно больше, чем надо было имевшимся в наличии ученикам, а само помещение было ещё во вполне приличном состоянии.

В том детсаду и начал служить отец Глеб. Прихожан почти не было, хоть село было немаленьким. Кто-то из верующих ходил по старой памяти к отцу Леониду за десять с лишним километров; кто-то обещал начать ходить, когда большой храм отстроят, потому как в детском саду непонятно, как и молиться; кому-то было просто не до того.

Глеб очень хотел сделать в этом временном молитвенном доме самый простой иконостас, чтобы привлечь хоть кого-то, кроме пяти, десяти человек, иногда приходивших на службу.

Батюшка вместе с беременной супругой Светланой и маленьким сынишкой жили здесь же. Деньги иногда появлялись от редких крестин и более частых отпеваний, совершавшихся обычно на дому у покойного, но это были буквально копейки. Благо, местные жители приносили-таки батюшке *картохи*, хлеба и яиц, а добрая соседка давала время от времени молока.

– Что вы?! Спасибо, Прасковья Васильевна, мы вам точно ничего не должны? – спрашивал отец Глеб.

– Да что вы, батюшка, меня величаете так? Прощка я, и никак иначе! Денег я с вас сейчас не возьму – у вас их и нет, а у меня хоть немного да есть. Вы лучше помолитесь, чтоб муж мой не запил, а то я с животинкой да хозяйством не знаю, как и справлюсь. Ведь и сено нужно принести и всё такое...

– Помолюсь, конечно, о здравии и спасении. Он что, буйствует, когда выпьет? Обижает вас?

– Меня обидишь! Лежит тихонько, к дружкам только ходит, и так месяц, а то и три...

– Три месяца?!

– А вы что думали, батюшка, – усмехнулась Прасковья, – три дня, што ль? Да такие мужики у нас и вовсе непьющими считаются!

³⁷ *Гражданская оборона* – культовая советская и российская рок-группа, основанная в 1984 году Егором Летовым, бессменным лидером и единственным постоянным участником коллектива.

– А вы б сами как-нибудь в храм пришли на службу, помолиться, причаститься, поисповедоваться...

– Ой, да когда мне, батюшка? И телевизор-то посмотреть некогда с тремя-то коровами, да двумя детьми, да мужем-алкашом. Так что уж вы сами молитесь да молочко моё пейте...

Наступила осень. Холодало. Дров почти не было. Светлана стала болеть, и отец Глеб был вынужден отправить её в город к родителям. Тогда-то и пришла к нему Ольга.

– Батюшка, вы могли бы мне дом освятить?

Ольга была главой местного сельпо и только достроила новый, шикарный по деревенским меркам дом, как раз за *молитвенным детсадом*, как прозвал своё прибежище отец Глеб. В селе её не любили за *богатство*, за глаза обычно звали матерно. Даже церковные бабки постоянно исповедовались в ненависти и зложелательстве к ней.

– Да конечно! Когда вам удобно?

После освящения Ольга накрыла на стол. Её муж Николай тоже сел за стол. Был он на вид молчаливым и сосредоточенным. Ходили слухи, что не всё у них ладно с Ольгой, что гуляет она от него, но отец Глеб не очень-то верил этим слухам, считая, что всё это от зависти.

– Я вам Евангелие подарю, почитайте на досуге, – обратился батюшка за столом к Ольге.

– Ой, спасибо, батюшка. Это, вон, Коле скорее. Он у меня книжками больше интересуется, и вопросами всякими... А мне вы лучше скажите, чем я храму могу помочь?

У отца Глеба даже щёки запыхали от неожиданной радости, ведь сколько он ни просил и председателя колхоза, и директоров нескольких заводов из райцентра – все в помощи отказывали: «Нечем, де» А тут человек сам предлагает!

– Не знаю даже...

– Да вы не стесняйтесь, чем смогу помогу. А больше запросите – откажу и не постесняюсь.

– Мне бы, для начала машину дров... да ещё икон... досок и фанеры купить для иконостаса... ещё книги для службы в молитвенный дом... Ну а для храма...

– Ладно, батюшка, этим я вам помогу, деньги на всё это... святое прям сейчас дам. Остальное – привезут: дрова прям завтра, а то уж Покров скоро, снег выпадет, топить надо, а о храме к лету поговорим, что там и как.

– Спаси Христос, Ольга Валерьевна! Я за вас и мужа вашего теперь всё время молиться буду!

Дрова привезли и впрямь на следующий день. Всё, что требовалось для иконостаса – буквально за неделю. Счастливый батюшка съездил в Москву и привёз оттуда книги, иконы, лампы и приятеля рукастого. С ним и соорудили алтарь в *молитвенном детсаде*.

В холодную и ненастную ноябрьскую ночь в окно постучали. «Кого ещё в такую погоду несёт? Да и на ночь глядя...» – подумал батюшка, уже улёгшийся на кровать и открывший свежеизданный томик Брянчанинова³⁸.

На пороге он увидел Николая, мужа Ольги. От него пахло алкоголем. «Вот, блин, сейчас кагор или деньги выпрашивать будет, а Ольга просила ему ни в коем случае не давать, чтоб не повадился», – пронеслось в батюшкиной голове.

– Заходите... Может быть чаю?

– Нет, я знаете... поговорить...

– Да? О чём же? Вы Евангелие почитали? – решил не упускать инициативы отец Глеб.

– Нет... не о Евангелии... не знаю... – засопел Николай.

– Ну, может тогда лучше завтра? Утро вечера мудренее.

Николай глянул прямо в глаза каким-то бездонно грустным, отсутствующим взглядом. Это было странно, он никогда раньше не смотрел прямо, всегда отводил взгляд...

– Да... завтра... – сказал он и вышел...

– Батюшка, батюшка, отворяйте? – стучала в окно Прасковья утром следующего дня.

– Что случилось? Пожар? – всполошился Глеб, вскакывая с кровати и бросаясь второпях к двери.

– Нет! Колька у Ольги повесился!

– Как?! – отодвинув наконец задвижку и открыв дверь, едва вымолвил священник.

– Ой, да он вчерась днём домой пришёл, с работы раньше отпустили, а у него дома Колька-мент с Ольгой кувыркается...

– Да откуда ж всё это известно?

– Да соседи-то – не слепые, видели, кто когда заходил. Во-о-от, Колька-то, муж в смысле, выбежал, пил с мужиками потом... А уж вся деревня знает! Ему уж мужики и посоветовали: «Де, не возникай, а то мент-Колька злой, если что – засадит...» А сами смеялись, понятно...

– Батюшка, вы Колю отпоёте? – спросила Ольга, зайдя через день к отцу Глебу.

– Не имею я права так... Поймите... Лучше к отцу Леониду... Он может это на себя взять... Хотите, я с вами поеду?

– Нет, я уж сама.

Через пару недель Колька-мент тоже погиб. Ехал пьяный на лошади, упал в канаву и захлебнулся. Так его и нашли: лицом в ноябрьскую грязь, припорошенную снегом. Отпевал опять отец Леонид. В этот раз к Глебу никто даже не обращался...

В середине декабря молодой священник выбрался в Москву, к семье. Обрато ехал прямо к утренней службе на святителя Николая. Темно,

³⁸ *Епископ Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807–1867)* – епископ Православной российской церкви, богослов и проповедник.

холодный старый автобус, окна в зимних узорах. Но, что это пламенеет сквозь иней? Глеб стал быстро расчищать заледенелое окно. Неужто *молитвенный детсад* горит?!! С той, ведь, стороны... Нет! Сбоку и выше. Это – Ольгин дом!

Тело хозяйки нашли под завалом, там, где была входная дверь. Кто-то поджёг ночью дом и подпёр снаружи палкой. Хоронили её в закрытом гробу. На отпевание Глеб поехал к отцу Леониду. Тот выслушал всю историю.

– Что я тебе могу сказать? В деревне и не такое бывает. А кто лучше жить стал, тех, да, не любят люди... А Николая-то, что не выслушал, грех, конечно... но... не знаю, – старый священник посмотрел на потупившегося Глеба, – смог бы ты ему помочь, даже если бы выслушал... Вообще, село у вас не маленькое. И культурное считается... относительно других сёл окрест... Есть деревни поглуше, где всё проще, и от таких дел не вешаются. И милиционеров-то в них нет... М-да... Вон, в Заклёпино один мужик в санаторий съездил – так теперь у всей деревни сифилис... Ладно, отворяй царские ворота, пошли отпоём новопреставленную...

Не забывайте о колёсах

На черный день – усталый танец пьяных глаз, дырявых рук
Второй упал, четвертый сел, восьмого вывели на круг.
Янка Дягилева³⁹, «На Чёрный День».

Отец Глеб с нетерпением ждал встречи. Антона он не видел уже года два, последний раз ещё до того, как рукоположился. А тут летом решил старый друг к нему нагряться. Собственно, он уже приехал пару дней назад, но по дороге завис у отца Георгия. Но сегодня-то точно приедут, ведь у Глеба именины!

Ждал он их на службу в пустом храме – всего две бабульки пришли, остальные все в огородах – но друзья не приехали. Глеб уже пал духом, когда в самом конце службы в алтарь, комнату его храма в бывшем детском саду, завалились отец Георгий, Антон и неизвестный явно пьющий мужчина.

– С днём ангела, батяня! Извини, что на службу не смог, – облобызал его отец Георгий, – ты Дары не потребил⁴⁰? А то меня болящую причастить просили... Ага, вижу, что ещё есть... Ну, да это потом, а мы к тебе с подарком! Вот, знакомься. Это Семён. Он певчим был в Сибири, но жизнь у него нескладно сложилось, и побродяжить ему пришлось... Ты всё переживал, что у тебя здесь петь и читать некому, так вот тебе и певчий, и чтец, и сторож, и на дуде игрец! Парень он не избалованный, так что согласился за жильё и хлеб потрудиться при храме.

Глеб с сомнением посмотрел на подарок. По запаху и приподнятому настроению отца Георгия ясно было, что пьёт он не один день, да и у Антона вид был заметно помятый. Вот и дождался гостей с поздравлениями...

– Да что ты смурной такой? Ща мы тебе *Многая лета*⁴¹ провозгласим, а ну! – приехавший поздравить младшего товарища батюшка во весь голос затынул: «Бла-а-а-а-годенствие и мирное жи-и-и-и-ти-е-е-е-е...»

Бывшие свидетелями этому две старушки начали испуганно креститься, а Антон с Семёном подхватили: «Многая ле-е-е-е-та...»

Глеб всегда удивлялся, как такое количество медведей могло наступить на одно несчастное Антоново ухо, но подаренный ему сибирский певчий его удивил: и голос, и слух у него оказались отменными. Даже не верилось, что так поёт этот самый, похожий на бомжа, полусморщенный и заросший, невысокий мужичок.

³⁹ Янка Дягилева (1966-1991) – рок-певица, поэтесса, автор песен, участница панк-рок-групп «Гражданская оборона», «Великие Октябри» и др. Одна из самых ярких представительниц сибирского андеграунда конца 1980-х годов.

⁴⁰ *Святые Дары* – в православии хлеб и вино, ритуально приготовленные священником на литургии, а затем во время евхаристического канона Святым Духом пресуществленные в Тело и Кровь Христа для причащения верующих. По окончании литургии дьякон или сам священник, если он служит без диакона потребляет оставшиеся Святые Дары.

⁴¹ *Многая лета, многолетие* – торжественное провозглашение за православным богослужением слов *многая лета*. Является формой пожелания долгих лет жизни и благополучия.

Глебу приходилось видеть, как ангельского вида девушка вдруг начинала кричать не своим голосом и биться, подчиняясь воле сидящего в ней беса. Здесь же было как раз наоборот: будто ангел запел из этой некрасивой, дурно пахнущей и измождённой плоти.

– У тебя дароносица⁴² где? – спросил после поздравлений и смачных лобызаний отец Георгий, – давай я отложу частичку, а ты причастишь. Там у меня в деревне тяжко болящая. Антон на машине отвезёт, а потом у меня посидим, идёт? Семён нам на аккордеоне сыграет.

– Да не вопрос! У меня Света в Москве с детьми... так что я рад...

– А что ты сам то причастить не хочешь? Твоя же прихожанка, – поинтересовался отец Глеб, трясаясь на заднем сиденье рядом с новообретённым певчим.

– Ты ж служил сегодня литургию – а я нет. Так лучше служащему требу исполнить, коль есть возможность. Да и копеечку тебе дадут какую-никакую. День ангела всё ж у тебя, чтоб не унывал!

– Ну спасибо, бать, – умилился начинающий пастырь.

– И что это у нас дороги такие кошмарные... Хоть Прибалтику взять. Тот же Совок был, а дорог таких я там нигде не видел, – не каждый раз успешно объезжая ухабы, заметил Антон.

– А это, Антох, ты не понимаешь. Русская дорога – она для спасения хороша, – отвечивал отец Георгий.

– Это, чтоб не разогнаться и не улететь, что ль?

– Не в этом дело даже. Вот ты по хорошей трассе на хорошей машине едешь, и гордость с самолюбованием тебя так и накрывает. Ты не едешь – а паришь, как гибрид Алена Делона с его одеколоном. А на нашей дороге попробуй возгордись! Как только в яму какую въедешь – тут и конец твоей гордости, сразу приземляет и смирению научает.

– Да... Конец гордости и начало ругани...

– Ругань – что? Грех. И ты это понимаешь и раскаиваешься. А гордыня – она тебя за облака уносит, прямо к духам злобы поднебесной. А оттуда поди ж ты спрыгни! Так весь Запад туда и улетел... со своими прелестями масонскими...

Глеб внимательно посмотрел на старшего товарища. Тот сидел без тени улыбки. Опять непонятно было, шутит он или серьёзно, и вообще, как к этому относиться.

Вошли в избу. Сухая старушка лежала на старой железной кровати. Её дочь, тоже совсем уже немолодая женщина, всё приготовила. Отец Георгий решил постоять и помолиться. Причем молитву он продолжал и после причащения болящей. Он вздыхал и прилагал свою руку к её лбу. Глеб с Антоном переглянулись и вышли на улицу, не желая мешать молитве.

У машины стоял Семён и курил. Завидя отца Глеба, он бросил бычок.

⁴² Дароносица, дарохранильница – специальный сосуд для переноски и хранения Святых Даров.

– Да ничего, курите. Не стоит меня уж прям бояться... – обратился к подарку именинник. – Только насчёт алкоголя, думаю, лучше бы не злоупотреблять, а то я не смогу вас у себя держать. Комнату мы вам дадим в том же помещении, что и храм – соседняя дверь. Там выпивать не следует, да и вообще... не следует... Вы сами понимаете...

– Понимаю, батюшка. Был за мной такой грех, злоупотреблял. Много из-за этого бед претерпел... Семью потерял, дом... Так что при храме, думаю, вытерплю и не посрамлю... Неохота опять бродяжить... Без Бога, без дома, а лишь с пьяным ветром в голове.

Глебу понравилась прямота сибиряка. Подумав, он решил не говорить ему это. Пауза затягивалась.

– И что там отец так долго? Отходную что ль читать решил? – не выдержал наконец отец Глеб.

– Отходную, говоришь... – Антон вдруг быстро пошёл обратно в дом.

Глеб удивился: «Что такое случилось?» и поспешил вслед за ним.

У болящей никого не было. Заглянули на кухню. Отец Георгий, покряхтывая от удовольствия, закусывал квашеной капустой.

– Отец, ё моё! Тебе ж вчера плохо уже было! Ты ж и мне, и матушке своей обещал не выпивать сегодня, – возмутился обманутый Антон.

– Ну, что поделаешь... У Глеба именины... И вообще... после молитвы, чтоб не возгордиться...

– Батюшка, там мужики пришли. Говорят, дрова поколоть для храма хотят, – сказал Семён, заходя в комнату отца Глеба.

– Странно. Не случалось такого... Потом, гляди, ящик водки потребуют. А что за мужики? Сколько?

– Из уголовников. Трое. Двое откинулись год-полтора назад, я слышал.

Глеб накинул рясу и пальто. Осень была ранней, и по утрам на улице уже был минус.

– Здравствуйте, ребята! Зачем пожаловали? Сразу говорю: денег нет, водки тоже.

– Да мы, батюшка, видим, что вы городской, и помощник ваш... не прям уж работник руками. Зима скоро, холодно, а у вас дрова не колоты... Вот мы и решили помочь, – ответил старший в телогрейке, по всему видно – бывалый урка. Раньше отец Глеб не замечал его в деревне.

Глеб был обескуражен.

– Что?... Просто так?

– Ну, чтоб Бог нам грехи простил. Грешные мы...

– Это вам, братцы, на исповедь главное надо.

– Ну, с этим мы погодим, а дрова пока поколем.

– Спаси Христос! Мне на потребу надо. Вы, как поработаете, чай попейте, Семён приготовит и книжки об исповеди и причащении подарит.

Старая женщина, до этого не ходившая особо на службу, буквально прибежала в храм в последнее воскресенье. Жила она в доме на другом конце села. Родственники у неё были, но давно переселились в город и приезжали лишь летом и иногда на выходные.

Она подошла к батюшке и начала рассказывать в красках, как бесы у неё дома изо всех щелей лезут, просто натуральный полтергейст. На вид она была вменяемой, даже спокойной. Отец Глеб исповедовал её, причастил и пообещал прийти освятить дом, что и собирался теперь сделать.

– Ой, батюшка, не забыли! Слава тебе Господи! – обрадовалась старушка, – а то сегодня вообще такие ужасы творились, что и вспомнить страшно. Видно, не хочет бес от меня уходить.

– Ничего! Мы их кадилом да кропилом! Милостью Божией – уйдут! – заверил молодой пастырь.

Перед освящением отец Глеб боялся, что в таком непростом случае могут быть искушения, вспоминал разные случаи, читанные им в патериках и подобных книжках, но освящение прошло без происшествий, легко, даже как-то обыденно. Хозяйка после пригласила за стол. От рюмочки отец Глеб отказался, но чай попить не возражал.

– Что ж, поздравляю, теперь всё у вас наладится. Не забывайте только причащаться и исповедоваться приходить почаще, молиться дома, Псалтирь⁴³ читать – тоже хорошо.

– Ох уж, я не особо в этом всё разбираюсь, да и зрение никуда... В церкву чаще ходить постараюсь, пока огорода нет... Но боюсь, батюшка, вы за порог, а они и повылазят окаянные.

– Молитесь хоть своими словами, или просто: *Господи, помилуй*, – ответил священник, сам приглядываясь, точно ли с бабкой всё нормально. – Ну, и успокоительное на ночь можно...

– Да пью я таблетки всякие, только хуже от них! Вон у меня их сколько от всего, – и она протянула корзиночку, битком набитую лекарствами.

Глеб стал рассматривать таблетки, благо в фармакологии он кое-что понимал.

Бесалол, беллалгин, беллатаминал – столько препаратов с белладонной⁴⁴!

– А как вы принимаете, по рецепту?

– Да шо ж я, на эти писюльки смотреть буду? Горстью беру, чтоб сразу от всего! Только помогает плохо.

Отец Глеб поперхнулся.

– Знаете, лучше вы как-то по одной таблеточке, тогда и всех вот этих явлений бесовских, так сказать, меньше будет... Молиться, конечно, обязательно, но и таблеточек поменьше...

– Думаете, я ненормальная? – неожиданно резко ответила старушка.

– Ну что вы... Просто... понимаете, когда много лекарств принимаешь, то утоньшается психика, и люди могут начать видеть тот мир, который лучше не видеть, – сымпровизировал священник.

⁴³ *Псалтирь, Псалтырь* (от греч. *ψαλτήριον*, по названию струнного щипкового музыкального инструмента *псалтерия*) – книга *Ветхого Завета*, состоящая из 150 или 151 песен, псалмов.

⁴⁴ *Белладонна* – многолетнее травянистое растение семейства *Паслёновые*, в состав которого входит атропин, вызывающий сильное возбуждение и даже галлюцинации.

Обратно он шёл весёлым, предвкушал, как он расскажет историю Семёну. Вообще хорошо, что отец Георгий *подарил* ему этого сибиряка. Конечно, случалось, певчий-сторож запивал. Даже как-то приходилось капельницу ему делать, возиться с ним, и отец Глеб угрожал выставить его, всячески ругал, но, глядя, как кается этот немногословный, прямодушный и добрый человек, прощал его. Священник любовался, когда Семён начинал петь. Так прекрасна была иная природа, которая вдруг просвечивала в этом человеке, наглядно показывая весь грустно-смехотворный тлен внешней оболочки.

Так прожили они зиму. Отец Глеб ездил к семье в Москву время от времени, а Семён оставался на хозяйстве. Великим постом⁴⁵, перед Вербным⁴⁶, батюшка вырвался к своим на буднях. Но тут позвонили из села: беда, сгорел храм, то есть весь бывший детский сад. Вроде бы сторож был накануне пьян и, видимо, не проследил за печкой. Сам Семён тоже сгорел...

Пасху⁴⁷ настоятель сгоревшего храма служил по соседству, у отца Георгия, а после подал прошение о выходе за штат. Решил перебраться в Москву. Владыка тянул, не отпускал, заставил поработать лето на заменах разных отправлявшихся в отпуск отцов. Но ближе к зиме всё же отпустил, сказав, что всё равно Глеб непутёвый и пусть едет в свои столицы, хоть ему и жаль отпускать грамотного парня.

Накануне окончательного отъезда в Москву отца Глеба неожиданно вызвали в милицию в райцентр. Сообщили, что раскрыли дело о поджоге его храма, и просили принести список бывших в храме ценных икон. В довольно обшарпанном, но, видно, ещё не так давно вполне цивильном кабинете, под портретом Дзержинского сидел майор. По соседству на другой стене висел портрет Ельцина.

– Вот, батюшка, раскрыли мы сразу несколько преступлений, что в ваших краях последнее время происходили. Есть признательные показания. Этих знаете?

Майор протянул ему фотографии. На них были те трое, что год назад бесплатно кололи ему дрова.

– Да, видел, помогали один раз нам по хозяйству.

– Так вот, они это и есть. Промышляли они поджогами и у вас, и в соседних деревнях. Людей, если были, убивали, а ценности выносили. Вашего сторожа они тоже как минимум оглушили и оставили внутри при поджоге. А иконы ваши мы, возможно, найдём. Кстати, пожар у этой вашей... не помню, как её... Ольги? Богатый самый дом был возле вас... Тоже их рук дело.

– А как же вам это узнать удалось?

⁴⁵ *Великий пост* — главный пост в Христианстве, цель которого – приготовление к празднованию Пасхи.

⁴⁶ *Вербное воскресенье, Вход Господень в Иерусалим* – христианский праздник, отмечаемый в воскресенье, предшествующее Пасхе, то есть шестую Неделю Великого Поста.

⁴⁷ *Пасха (от евр. Pesah), Воскресение Христово* – древнейший христианский праздник, главный праздник богослужебного года. Установлен в честь воскресения Иисуса Христа.

– Эх, батюшка, – неприятно ухмыльнулся довольный милиционер, – у органов ещё есть... помощники. А бандиты спяну в определённых заведениях любят похвастаться своими достижениями, наворованное сбывают... Остальное – дело техники! У нас любой бандит признается. Вы списочек икон не забыли?

По дороге к вокзалу отец Глеб всё думал: «Правда это или просто назначили уже сидевших мужиков?» Иконы всё-таки не нашли, и отец Глеб так никогда и не узнал ответ на этот вопрос.

Разговор в библиотеке

У меня есть шоколадный Иисус,
Он тает у меня на губах.
Всегда мне шоколадный Иисус
Помогает в моих делах.
*Tom Waits*⁴⁸, «*Chocolate Jesus*».

Перебравшись обратно в Москву, отец Глеб снова стал подрабатывать в издательстве, пока решался вопрос с его назначением. Ходил он в Ленинку подбирать книги для переиздания, заодно и сам образовывался. На многое уже стал смотреть по-другому...

Как-то в библиотечной столовой к нему за стол подседа дама средних лет.

– Вы – батюшка?

– Да.

– Можно с вами поговорить?

– Конечно! – обрадовался отец Глеб. С ним хотят поговорить, как с батюшкой, в Центральной библиотеке страны! Здесь люди образованные, культурные – не то что эти уже надоевшие бабки со своими дурацкими вопросами и пустыми разговорами.

В голове всплыли посиделки с прихожанками на праздники после службы в *молитвенном детсаде*. Во время унылого застолья батюшка каждый раз пытался заговорить о Евангелии и смысле праздника. Но разговор никогда не клеился то ли потому, что у него не получалось правильно рассказать, то ли прихожанкам, самой молодой из которых было под шестьдесят, всё это было не столь интересно. Говорить же о кормах и отвечать на бесконечные вопросы, вроде: «Кому свечку ставить, батюшка, а то опять муж запил», – молодому священнику было неинтересно, а со временем и тошно.

Но самое страшное случилось потом. Староста, уже после чая, говорила: «Ну что, батюшка, давайте теперь и песни наши деревенские споём!» – и затягивала скрипучим, рвущим нервы голосом с подвываниями: «Вот кто-то с го-о-о-о-ро-чки-и-и спустился-я-я...»

Потом отец Глеб стал сбегать с этих застолий, отговариваясь то срочной поездкой в епархию, то тем, что на соседнем приходе ждёт отец Георгий. Да и вправду не редко уезжал к нему. Шестнадцать километров на велосипеде по лесу – хорошая прогулка.

Как-то поехал он так на Крещенье. Метель, асфальтовую дорогу местами полностью замело, велосипед приходилось то там, то здесь тащить на себе, ветер со снегом обжигали лицо, глаза забивались. «Господи, помилуй! Не повернуть ли, пока далеко не ушёл?» – подумал Глеб, поскользнувшись на подъёме и выронив из рук леденеющий велик. Но в голове снова зазвучало: «Вот кто-то с го-о-о-о-рочки-и-и-и...» – и все сомнения развеялись, как

⁴⁸ Том Уэйтс, «Шоколадный Иисус». *Tom Waits*, (под. в 1949) – американский певец и автор песен, композитор, актёр.

бесовское искушение. Он взвалил на спину велосипед и пошёл дальше занесённой снегом дорогой.

– Батюшка? Вы меня слышите? – прервала его вспоминая соседка по столику, внимательно разглядывая молодого священника. Ей было где-то за тридцать. Симпатичная, но с жёсткими чертами лица и слишком обильным слоем макияжа для Ленинской библиотеки.

– Да, я вас слушаю.

– Понимаете, у меня два высших образования, научная степень скоро будет. Во всём порядок. Предмет свой знаю отлично, не хуже научных руководителей, только они этого не понимают... А мужчину нормального найти не могу. Всё какие-то не такие, недалёкие и неприятные, слишком развязные или глупые, а кто получше – все уж женаты... Вы подскажите, кому мне свечку поставить, какому святому?

– Ну, понимаете, дело ж не в свечках, надо жизнь свою пересмотреть, приоритеты, о вечности подумать, а не только о земном, житейском... Сходить на исповедь для начала...

– Исповедь? Это, где грехи говорят? Была – не помогло. Это всё не то. Вы скажите, кому свечку поставить, перед какой, может быть, святыней...

– Исповедь сама по себе не может помочь в житейских проблемах. Нужно изменение, покаяние, тогда меняется многое в жизни, и вчерашние проблемы зачастую кажутся не такими и значительными.

– Да я грамотный человек, у меня же два образования! Я понимаю. Но мне другое нужно – кому свечку поставить!

– Поймите же! Господь пришёл изменить нас, дать нам духовное понимание жизни, то, которое даёт подлинное счастье и не только на Земле, в этой нашей жизни. А то, о чём вы говорите...

– Батюшка! Я же вам русским языком конкретный вопрос задала! Ну почему меня никто никогда не слышит! Я в Бога верую! И помощь мне его нужна. Я всегда знаю, что мне нужно, а не о чём-то неясном прошу, как бабки какие-нибудь необразованные из деревни. Вот я и прошу вас сказать, кому при проблемах с начальством и для поиска нужного человека в жизни свечку ставить?!!

– Вот и я говорю, вы грамотный человек, почему же вы не хотите прислушаться? Не со свечек из-за жизненных неурядиц надо начинать, не свечки же Богу нужны. Ему нужно наше сердце! За это он даёт благодать, врачующую наши души и помогающую в житейских невзгодах! Это самое главное! Вот вы говорите, отношения с людьми у вас не клеятся. Может, об этом тоже стоит подумать? К Богу обратиться, чтоб он открыл, в чём мы бываем не правы...

– Да, я бываю иногда вспыльчива. Но я и вправду лучше них предмет знаю и вообще прекрасно во всём разбираюсь. А если я чего-то не знаю, то прямо прошу объяснить. Вот и вас прошу ответить: кому ставить свечку! А вы всё куда-то отклоняетесь! Вы семинарию-то закончили? Вы должны всё это знать и ответить без всех этих лишних разговоров!

– А причём здесь семинария?! Я же о главном вам хочу сказать, уважая вашу образованность и надеясь на желание понять суть, а не поверхность...

– О поверхностях и их свойствах я лучше вашего знаю! Если не можете ответить или... если вы вовсе не священник, то я пойду.

Отец Глеб вытер пот со лба и допил компот.

– Ну, если вы так настаиваете, сходите к мученику Трифону на Рижской, там свечку его иконе поставите, помолитесь... надеюсь... Господь Ему ведомыми путями, вам и поможет. Возможно, и вразумит...

– Вот что было сразу не сказать? А то я и Николаю Угоднику ставила, и Казанской – и ничего! Спасибо, батюшка! Могли бы и сразу, без тайн ответить. И почему меня сразу никто не понимает?

Мелкий песок в длинных волосах

Пуškai наш цвет глаз ненадежен, как мартовский лед,
Но мы станем как сон и тогда сны станут светлы.
Аквариум, «Лебединая сталь».

Опять не спали, да и как можно спать в питерские белые ночи? Чьи-то флэты⁴⁹, незнакомые, но близкие люди.

Света с Глебом встретили очередных таких же как они волосатых, с феньками⁵⁰ на руках на набережной Фонтанки. Болтали, прикалывались. Удивил странный певучий говор – оказалось, они приехали сюда тоже автостопом, но аж из самой Сибири. Потом эти ребята позвали к каким-то ещё третьим, с которыми сибиряки сами познакомились только накануне где-то здесь.

Глеб смущался, не хотел идти. Но Света согласилась – и они пошли. По дороге он ещё что-то бухтел на тему: *а может не пойдём?*, но, когда увидел, что на двери той квартиры был пришпилен листок с нарисованными пацификами, солнцем и кривой надписью «Здесь люди рады людям», сразу воспрял.

Опять пили, курили, говорили, смеялись. Потом пришли ещё ребята и принесли *вещь посерьёзнее*. Половина была не против поучаствовать. Глеб же колоться не хотел категорически. Света сомневалась, попробовать ей или нет, и тогда он решил увести ее от греха подальше.

Он позвонил своему другу Антону. Антон был художником. Его мастерская располагалась под крышей одного из старых домов на Петроградской. Света сразу согласилась поехать к Антону, ведь вчера там была отличная тусовка, а теперь вроде как кто-то из *Аквариума*⁵¹ заглянул!

В мастерскую добрались, когда гости уже разделились на тех, кто ушёл, и тех, кто завалился спать. Дверь была открыта, и они зашли.

Света с Глебом осторожно пробирались между спящими, стараясь не наступить на чью-нибудь ногу или руку.

– А Антон-то твой здесь?

– Да вон он! Валяется *одетым в кресле среди знакомых стен, и снится ему не меньше, чем сладкая N*⁵², – скаламбурил Глеб и предложил, – А, может, пойдём на крышу?

– Не, давай уж где-то прикорнем, а то через пару часов на трассу...

⁴⁹ *Флэт* (сленг.) – квартира.

⁵⁰ *Фенька* (сленг.) – браслет, как правило, из бисера или кожи.

⁵¹ *Аквариум* – одна из старейших советских, а потом российских рок-групп, основанная в 1972 году её лидером Борисом Гребенщиковым.

⁵² Слова из песни *Сладкая N*, входящей в первый альбом *Сладкая N и другие* рок-группы *Зоопарк*, записанный в 1980 году, который фактически является дебютным сольным альбомом лидера группы, Майка Науменко.

– И что, не боишься ты к этим чухонцам ехать, да ещё с девушкой? – спросил Глеба водитель попутного *КАМАЗа* с тверскими номерами, когда они подъезжали к Ивангороду.

– Ну не звери же здесь...

– Да ладно, это они так не звери, а русских ненавидят люто. *Чухна* – одно слово.

– Не знаю... Ребята ездили – ни с кем ничего не случилось. Это вот в Грузии, вроде, да. Бывали всякие случаи...

– В Грузии? Ну там вам же вас бы сразу натянули по самые не балуйся! Причём обоих, – ухмыльнулся водила. – У тебя там сколько баб-то было? Да ладно, не смотри ты на эту свою, спит она.

Отвечать шофёру резко не хотелось – ведь мог и высадить, а Света и впрямь мирно, как ребёнок, спала, положив голову на колени Глеба. Он попробовал сменить тему.

– А что местные... ну... *чухна*... не сажают стопщиков⁵³?

– Да я ж тебе говорю: ненавидят они русских! Не, ну на трассе авось кто и подберёт, наши скорее, но с трассы сходить – не советую... Ну а про баб... Вот ты молодой, а мне уж за полтинник. Не долго ещё стоять моему осталось, чувствую, опускается уже. А я б хотел сотню добить, а пока семьдесят девять всего... Вот я всё же не понимаю, ну почему у нас в СССР публичных домов нет? Чем они мешают развитию социализму... или, чё у нас там ща? Вот всё бы так же – только публичные дома, как при царе! Ну, и парнуху чтоб крутили по телику! А там пусть партия, гэбэшники⁵⁴ – похрен!

– Может, оно так и будет скоро, – ляпнул, не зная что ответить, Глеб.

– Думаешь? Хорошо б, пока у меня ещё стоит... Эх, добрый ты парень! Ладно, до Риги доедем – ночь уже будет. Я вас в машине оставляю на ночь, а сам в гостиницу пойду при заводе. Потрахаётесь хоть, как американцы в видюшниках говорят, – подмигнул водила.

– Не, ложки надо взять обязательно, если мы отдельно встанем, и стрельнуть негде будет.

– Ну, так сопрём в любой кафешке!

– Не хочу я воровать... грех... Я куплю пойду.

– Давай скорее только! Электричка уже скоро на Гаую! – ответила Глебу Света и осталась на вокзале в Риге, ждать поезд.

Глеб по дороге заметил хозяйственный магазин и теперь быстро направился к нему. На витрине красовались алюминиевые ложки. Молодой человек тут же подлетел к кассе и пробил. Вернулся к прилавку и протянул продавщице чек.

– Две ложки, будьте добры.

– Ну и чо ты мне даёшь?

– Чек...

– А карточка покупателя?

⁵³ *Стопщик (сленг.)* – человек, путешествующий автостопом.

⁵⁴ *Гэбешник* – сотрудник КГБ, Комитета Государственной Безопасности.

– Какая карточка?... Я же приезжий...

– Я уже поняла! Без карточки – не продам. Закон теперь такой.

– Послушайте, ну... я же в любой столовке сейчас стащу эти несчастные ложки. Это ж не что-то такое дефицитное.

– Ну и что? Воруй! Это твоё дело, а моё – закон соблюдать! А то едут тут всякие в нашу Латвию...

Глеб присмотрелся к продавщице повнимательнее. Едва ли она была этнической латышкой, да и говорила она на чистом русском... Но времени на дальнейшие переговоры у него не было. Злой он побежал к выходу.

– Падаждиттэ! Дайтэ ваш чек! – остановила его женщина средних лет, говорившая с заметным прибалтийским акцентом. – Я очэн нэ люблю, что так дэллают у нас.

Глеб отдал ей чек. Женщина вернулась к прилавку и протянула недовольной продавщице свою книжку вместе с Глебовым чеком. Той ничего не оставалось, как нехотя выдать две алюминиевые ложки.

– Никого нет. Наверное, опять менты с берега согноли, и пипл⁵⁵ ушёл на озеро, – сказала, глядя на сосны и море, Света.

– Мне Димка Дикобраз говорил, тут помимо ментов ещё и местные гонять стали. «Наши сосныы, а вы – рууские оккупантыы», – передразнил местный акцент Глеб. – Хотя... и русские, и латыши разные есть... Дикобраз, кстати, где-то здесь должен быть... Пойдём на озеро?

– Давай здесь останемся на пару дней, а? А потом уж к пиплу пойдём. Даже хорошо, что здесь сейчас никого.

– Ну, как скажешь...

– Это хорошо, что ты согласился. Знаешь... тут место такое... что... Ты только не смейся! Вот... ты о Боге много говоришь. Правильно, наверное... А я Его здесь чувствую... Как-то Он мне именно здесь открылся, и я начала Его ощущать во всём... и себя в Нём и во всём зримом немного и много незримом... Понимаешь? – Света внимательно посмотрела юноше в глаза. – Давай так и побудем. Он, сосны, небо, море, песок... ты и я...

⁵⁵ Пипл (сленг.) – люди, как правило, из системы, движения хиппи.

Ворошиловский стрелок

Не будет за грехи ответа
Когда и будущего нет.
Мы увядшие цветы,
Мы смертельный яд,
Мы сами будущее, твоё будущее.
*Sex pistols*⁵⁶, «*When there's no future*».

Получив желанное назначение в богатый московский храм, отец Глеб сразу туда поехал.

– Простите, вы не настоятель? – спросил он у пожилого батюшки, которого увидел возле храма.

– Нет, а ты что? Пополнение? Дьякон новый?

– Да служить сюда прислали, но я священник...

– А-а-а, а то ещё дьякона обещали. М-да... Помню я одного дьякона, суров был... Лет двадцать назад это было... Настоятель – митрофорный протоиерей⁵⁷, из маститых, проскомидию⁵⁸ совершает, а дьякон в алтарь приходит, а от него перегар... Настоятель ему: «Ты служить сегодня не будешь, ты пьян!» А тот: «Как не буду? Я готовился!» Настоятель: «Да знаю я, как ты готовился». А дьякон ему – рррраз в хлебало! Аж митра⁵⁹ из дьяконских дверей выкатилась... Меня, кстати, отцом Василием звать.

– Меня – Глебом. А где мне настоятеля, отца Константина, найти?

– А... он у себя в кабинете, наверное...

Отец Василий был ветераном войны, ворошиловским стрелком. В 50-е рукоположился где-то в провинции. Семья, дети, небедная поповская жизнь, но вот беда: супруга скончалась, когда трое его детей ещё маленькими были.

Второй брак для священника запрещён по канонам, но отец Василий женился, уйдя за штат. Все всё понимали, и отца Василия стали приглашать в разные храмы помогать. В штат не брали, хотя у некоторых настоятелей была та же, а то и похлеще, история, но они не афишировали. А отец Василий был человеком весёлым и открытым – скрывать толком ничего не умел. Приживаться и изворачиваться, правда, умел изысканно и феерически. При этом подхалимом не был, хоть и умел его изображать. Настоятель, считал отца Василия позором храма, порой и не без повода.

Как-то вызывает настоятель всё духовенство, старосту и казначея к себе. Знак недобрый.

⁵⁶ *Секс пистолз*, «*Когда нет будущего*». *Sex pistols* – британская панк-рок группа, образованная в 1975 году в Лондоне, ставшая олицетворением субкультуры панка, а его участники – инициаторами так называемой *панк-революции* в Великобритании.

⁵⁷ *Протоиерей* – старший иерей, титул, даваемый лицу белого духовенства как награда в Православной церкви.

⁵⁸ *Проскомидия* – первая часть Православной литургии.

⁵⁹ *Митра* – головной убор православных архиереев, архимандритов или митрофорных священников, которым разрешено ношение митры в качестве награды.

– Отцы, я позвал вас, потому что поступает много жалоб на ваше служение. Я не обо всём докладываю владыке, но вы знаете, что он всё равно всё знает. Вот вы просили повысить зарплату, увидев мою новую машину, так, отец Вячеслав?

Второй священник стал оправдываться.

– Ну отец, у нас же зарплата смешная, только на требах и зарабатываем...

– Храм не бедный, но расходов много. А машину мне спонсоры подарили. Служите лучше, а не по требам бегайте с утра до ночи, и у вас спонсоры будут! Ты, вот, отец Вячеслав! Вечно службу начинаешь раньше положенного, а это – непорядок!

Отцы потупились. Стало ясно, что к зарплате, меньшей, чем у школьного учителя на полставки, прибавлять не будут. Попам-то ещё ничего на требах, а вот дьяконам – совсем кисло. Эх, зря они, настоятеля взбаламутили только... А отмаз про спонсоров вообще издевательство. Все ж понимали, как деньги настоятель пилит с благотворителями, отстёгивая кому надо в патриархию.

– Отец Василий! На тебя особая жалоба! Ты отчитывать *бесноватого* ходил на дом?

– Ну отец настоятель, просят, я и хожу...

– А две недели назад был? Да я знаю, был. Отслужил молебен об изгнании злой силы у какого-то на голову больного, когда и дома никого не было... а потом полквартиры вывез!

– А, это... Отче, он сам всё отдал, я и не просил ничего... меня мать его позвала, говорит: «Батюшка, приходите, когда вам удобно». Я и пришёл. Отслужил всё. Он сам и говорит: «Спасибо, мне полегчало, берите чего хотите, для вас ничего не жалко».

– И ты сына с машиной вызвал...

– Ну... я ж не мог один унести всё. У меня ж в ногах осколок с войны. Но я же не себе, я ж – сироткам! У меня же у дочки погибшей четверо осталось...

– Да знаем мы про твоих внуков! Все уши прожужжал! – заорал настоятель. – А мать этого больного домой пришла, а полквартиры нет... как говорит...

– Отец Константин! Ну, не полквартиры же я на *Жигулях* вывез...

Первым не выдержал протодьякон, закашлявшись, чтобы скрыть смех. Настоятель смерил отцов гневным взглядом. Все старательно давили в себе раздирающий их хохот: кто закусывал губы, кто прикрывал рот, кто прятал глаза. Настоятель заорал.

– Достали вы все, лоботрясы! Отец Василий! Всё вернуть! Я сказал.

– Батюшка, миленький, а у меня ж ничего нет! Я всё отдал сироткам...

Тут даже у старого гэбэшника-старосты лицо расплылось в улыбке.

Тот случай с попыткой экзорцизма на дому отец Василий ещё долго пояснял так: «Вот видите, всегда так, когда отчитываешь! Потом – бесовские искушения».

Настоятель на праздничных храмовых трапезах, случавшихся нередко, после где-то пятого-шестого тоста становился крайне многословен.

Последующие его тосты превращались в длинные речи, исполненные пафоса со стремительно уменьшающимся смыслом.

Отец Василий как-то принял по старой памяти, не подумав, что развозит его в таком возрасте быстрее и сильнее. Молчаливо слушать настоятельские рассуждения ему наскучило, и он начал потихоньку разговаривать с сидевшими рядом с ним гостями застолья.

Настоятель – громче, отец Василий – тоже. Настоятель ещё громче. Отец Василий, громыхая, придвинул стул поближе и, заглушая и так уже почти крик настоятеля, обратился к соседу.

– Что вы сказали?

Но вместо ответа услышал громкий голос настоятеля.

– Отец Василий! Ты смотри!... Ты держись за наш храм!... – с ехидной злобой обращался к ветерану настоятель.

– Держусь батюшка! – ворошиловский стрелок тут же проворно повернулся, стремглав подлетел к настоятелю и ухватился за его руку. – Ножки не ходят! Сил нет! Годы какие, а я держусь с Божией помощью! Вашими молитвами, дорогой наш отец Константин! Держусь... за храм... ножки-то... а я держусь всеми силами.

И в доказательство силы, с которой он держится за храм, отец Василий принялся трясти руку отца настоятеля и лобызать его в пухлую щёку, вытирая старческую слюну об ухоженную настоятельскую бороду.

Как он был похож в этот момент на быковского скомороха из *Андрея Рублёва*⁶⁰! Нет, не внешне, а скоморошьей удалью и глазками остренько бегающими.

– Ладно, садись уже, – миролюбиво ответил настоятель, вытирая пострадавшую бороду.

Иногда отец Василий рассказывал, каким лихим пулемётчиком он был на фронте. Как самое страшное, вспоминал он бойню под Харьковом в 42-м.

Энергии в нём было очень много. Со своей палочкой он уже успевал обежать весь район, пока молодые отцы ещё только собирались. Народ любил его, да и со служащей братией он был в хороших отношениях. Несмотря на то, что он был много старше всех, держался всегда открыто и не пытался создать себе привилегированное положение. На примирение в случае конфликтов он шёл легко, и уже не изображая из себя скомороха, как частенько делал это перед настоятелем.

Отцу Глебу хорошо запомнилось, как они повздорили из-за какой-то ерунды, а отцу Василию надо было литургию служить. Глеб стоял в алтаре, вынимал просфоры⁶¹, стараясь не смотреть в сторону отца Василия. Старый священник подошёл к молодому, потянул за рукав и серьёзно сказал.

– Прости ты меня, отец Глеб...

⁶⁰ *Андрей Рублёв* – фильм Андрея Тарковского, снятый в 1966 году.

⁶¹ *Просфора*, (др.-греч. *Προσφορά*, *приношение*) – богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания во время Проскомидии живых и мёртвых.

Что такое *панк-молебен* отец Василий, конечно, и знать не мог. Но уже исполнял его в то время, как будущие участницы *Пусси Райот* ещё писали в подгузники и слушали стих про качающегося бычка...

Дело в том, что голос у отца Василия был когда-то громким и красивым. Громкость к старости осталась, чего не скажешь о красоте. Да и слух куда-то исчез. При этом он очень любил служить панихиды и заводил в конце *Вечную память*⁶², исполняя её на стыке стилей: аритмичного фри джаза и раннего Егора Летова⁶³...

Народу это нравилось. Народ начинал... подпевать – не скажешь, скорее – дружно орать. Настоятель аж присаживался, когда это слышал. Особенный эффект был, когда эта *Вечная память* раздавалась после витиеватых песнопений правого хора на поздней литургии и высокопарной проповеди настоятеля! Фактически, это был настоящий колхозный панк сразу после *Голубого огонька*⁶⁴!

Ветеран служил до конца. Последний раз пришёл в храм за две недели до кончины. Исповедовал, сходил на молебен...

В последний путь провожал его весь храм, многие плакали.

На девятый день отец Глеб с протодьяконом служили панихиду. Хор уже закончил петь *Святый Боже*⁶⁵. Отцы переглянулись. Чего-то не хватало. Они поняли, чего и затагнули *Вечную память* по-отцевасильевски.

Протодьякон пытался придать своему голосу роковое звучание, Глеб орал во весь свой слабый голос... До отца Василия им было далеко и по драйву, и по разрушающей все музыкальные понятия мощи, но народ подхватил сразу...

После панихиды пожилая прихожанка подошла к отцу Глебу.

– Батюшка! Эххх! Да-а-а!... Так! – прорекла она, махая в восторге руками.

Традиция была сохранена.

⁶² *Вечная память* – песнопение, используемое в Православии для поминания усопших.

⁶³ *Егор Летов (1964 – 2008)* – советский и российский рок-музыкант, поэт, художник-оформитель, основатель, лидер и единственный постоянный участник рок-группы *Гражданская оборона*.

⁶⁴ *Голубой огонёк* – телевизионная музыкально-развлекательная программа, выходившая с 1962 по 1985 гг. на первом канале Центрального телевидения СССР.

⁶⁵ *Святый Боже, Трисвятое* – молитва, входящая в состав церковной службы.

Инок и архимандрит

Я опять возвращаюсь к границе,
Чтобы больше не быть проклятым,
Чтобы чистой водой умыться
Я насквозь пропитался ядом.
*Elton John*⁶⁶, «*Border song*».

– Чего так рано, Глебушка? – обернулся облачающийся к началу будничной литургии отец Вячеслав к кладущему поклоны у престола сослуживцу. – Народу будет немного после праздника. Не знаю, зачем тебя настоятель помогающим поставил на сегодня? Я бы сам справился, там исповедников на пол-аналоя.

– Ну, с ним не поспоришь ведь... А я всё равно в келье⁶⁷ ночевал, дома все болеют... Вот и пришёл пораньше на службу.

– Ну так, поисповедуешь не торопясь, ты ж любишь с разговорами, как старец.

– Это, если есть с кем и о чем поговорить, отченька. А старец это у нас – ты... после отца Василия, покойника, – отшутился отец Глеб.

– Да, тот всем старцам старец и чудотворцем чудотворец был... Упокой его Господи!

Отец Глеб взял крест и Евангелие, не торопясь вышел из алтаря. У аналоя для исповедников собралось всего человек пять: завсегдатаи-прихожанки в платочках и незнакомый молодой человек с длинными волосами и жиденской бородкой в кирзовых сапогах. «Поди ж ты, какого-то залетного из святых мест занесло. Ща начнёт мшелоимство с непостными конфетками исповедовать», – подумал священник.

Молодой человек подошёл последним.

– Недостойный инок Афанасий, отче. Как благословите... очень хочется причаститься, но не знаю, стоит ли приступить к чаше или воздержаться... – начал он.

– А в чем дело?

– Я из N-ского монастыря. Слышали, наверно, о нашей святой обители? Прибыл в столицу. Хочу сюда перебраться на учебу и несение послушания. Вот... хотел причаститься сегодня, чтоб Господь благословил начинания... но, знаете... Вчера друга встретил, мы давно не виделись, соскучились друг по другу, и мы с ним были... ночь провели вместе...

– Перебрали, что ль?

– Да не особо... не в этом дело... Мы в интимном смысле вместе были. Вот я и подумал, не грех ли мне причащаться сегодня будет? Духовник у нас в

⁶⁶ *Элтон Джон*, «*Пограничная песня*». *Elton John* (род. 1947) – популярный британский рок-певец, композитор и пианист.

⁶⁷ *Келья* – жилище монаха, отдельная комната в монастыре.

монастыре благословлял омываться и воздерживаться следующий день от причастия в таких случаях.

– Не понял?!... Вы гомосексуализмом занимались что ли?!!

– Ну, можно и так сказать. Но это по взаимному...

– Да вы что, издеваетесь?! – почти крикнул отец Глеб и посмотрел на исповедующегося юного монаха. Тот глядел ясным, чистым, даже смущенным взором, никак не подразумевавшим издевку.

– Извините...

– Вы что? Не знаете, что это содомский грех? Что мужеложники царства Божия не наследуют? Ну... минимум в этом надо серьёзно каяться! По канонам за это положено отлучение от причастия на годы!!! А вы – инок! И так спокойно об этом говорите, как будто речь о какой-то ерунде! Не знаю... как будто съели чего-то непостное...

– М-да... Ну, видимо, у вас здесь другие правила. Не как у нас в обители... Что-ж, тогда благословите, причащусь в другой раз.

Глеб онемел, не знал, что и сказать. Посмотрев на монаха еще раз и понял – едва ли будет услышан.

– Знаете... Бог да благословит вас почитать каноны и святых отцов о грехе мужеложества и да поможет избавиться от него... или хоть воздерживаться.

– Да я понял! Постараюсь воздерживаться перед причастием... но, знаете... так хотелось причаститься!

Отец Глеб вернулся в алтарь, положил на престол⁶⁸ крест, поставил Евангелие. Отошёл к окну, задумавшись. Вспомнилась ему, как молодым парнем ездил устраиваться в подмосковный храм к почтенному архимандриту⁶⁹ алтарником.

Возил его тогда знакомый регент. Всю дорогу рассказывал о своих прежних двух женах, с которыми разошёлся, и о нынешней, смущая неженатого юношу подробностями интимной жизни.

Приехали к архимандриту поздно, остались ночевать. После ужина батюшка предложил Глебу выйти пройтись.

– Онанизмом занимаешься?

Глеб был смущен таким поворотом разговора. Прямо перед этим вопросом он расспрашивал архимандрита о богослужебном уставе, поэтому удивился.

– Отче, а обязательно сейчас об этом?

Старый архимандрит вдруг хватанул юнца за тощий зад. Глеб резко двинул его по руке...

Вернулись с прогулки молча. Регент хитро на него посмотрел. Архимандрит из-за спины Глеба, видимо, подал ему какой-то знак.

⁶⁸ *Престол* – в православном храме стол, находящийся в середине алтаря, освящённый архиереем для совершения на нём Евхаристии.

⁶⁹ *Архимандрит* – один из высших монашеских чинов в Православной церкви.

– Что ж, Глеб, вижу, не хочешь ты у почтенного архимандрита поучиться... А зря! Оно б и в карьере тебе помогло. У батюшки хорошие связи, авторитет. Ну, да твое дело. Насильно мил не будешь. Иди тогда спи на чердаке, а я здесь, с батюшкой останусь – нам есть ещё чем заняться.

Глеб ушёл на чердак, запер ненадежный засов, придвинул стул. Оглядевшись, нашёл палку и положил её возле койки на случай вторжения.

Спал он тревожно, тем более что в комнате под ним не было тихо: скрипела кровать и раздавались всякие звуки, казавшиеся в лучшем случае подозрительными...

Позже, уже священником, Глеб видел по телевизору интервью с этим архимандритом. Тот с большим энтузиазмом говорил о духовном возрождении и ещё о чём-то патриотическом.

– М-да... – произнес отец Глеб вслух.

– Что мдакаешь и стоишь с молитвенной скорбью на челе? А, Глебушка? За весь мир слезы проливаешь, что ли? – иронизировал вернувшийся в алтарь после причащения мирян отец Вячеслав, – иди уж крестить, там двое записалось. Быстрей отстреляешься – быстрей по требам пойдешь.

Рождественская история

Ветер пронизывает насквозь,
Здесь не место старикам.
Когда ты впервые взял меня за руку
В холодный сочельник,
Ты обещал мне,
что нас ждет волшебная сказка.
*The Pogues*⁷⁰, «*Fairytale of New York*».

Холодно. Градусов двадцать да ещё и ветер. Отец Глеб думал сэкономить и не ловить тачку, но пилить пешком на потребу по такому морозу совершенно не хотелось. Поднял руку. Не новая, но чистенькая шестёрка остановилась.

– Тэбэ куда? – спросил пожилой водила-кавказец.

«Эх, опять хач... дорогу наверняка не знает и вообще...» – подумал Глеб и хотел даже отказаться, но стоять на холоде не хотелось сильнее, чем ехать с кавказцем.

– Да тут по району, N-ская улица.

– Дорогу покажешь?

– Да... – вздохнул молодой священник.

– Ну садыс, давай!

Поехали. У проспекта попали в пробку – авария. Эх, если бы не погода, как хорошо было бы пешком!

– Ничего, чта я курить буду? – достал сигарету водила.

– Ваша машина... – без энтузиазма ответил Глеб.

– Эй, а что смурной такой? Если тэбэ нэприятно – так скажи! Зачем злышься?

– Знаете, я священник, еду на потребу... ну, по вызову. Не очень хорошо, если от меня табаком разить будет.

– Ну вот! А то ви всэ масквичи такой сложный: и сказать нэ могут, и сидят злой. Нахчывань не так висё...

– Ну так, чего ж вам там не жилось?

– Да жили карашо в савэтский врэмь. Я таксист всю жизнь биль. А шас работа нэт, дэньги нада, внуки... Вот адын сын суда приехал, а я и там, и здесь ездюю... А дед у меня тоже, как ты, священник биль...

– Священник? Но вы же, кажется... мусульманин...

– А какой разница? Бог адын! Я нэ панимаю разница! Зачэм? Вот с армянами у нас война. Наши их убивают, гонят... А они наших. Какому Богу эта нада? Скажи? Как эта висё началось, мы адын жэнщин армянский с ребьёнком в свой квартапра прятали тры день. Патом вывез. Меня астанавиль двое с калашом: «Давай её стрэлять будэм, она сабака!» – гаварят. Я им: «Аллах

⁷⁰ *Погс*, «Сказка Нью-Йорка», *The Pogues* – англо-ирландская фолк-панк-группа, образованная в 1982 году.

тэбэ кагда эта сказаль? Или мама? Ты видишь жэнщина и рэбёнок, а нэ сабак и шэнок! Каго ты стэрэлять хочеш? Вэщи беры её, если совэсть нэт тэбэ, но стэрэлять – тэбэ Аллах накажет!»

– И что?

– Борзый называль мэнэ. Па рожэ пирикклад даль. Сказаль, што если ещё армян вазит буду – убьют мэнэ. Ей тоже пирикклад в лицо, вещи взяль и ушоль.

– М-да... А ты говоришь, у нас народ злой. Нервный – да... Хотя, если до резни дойдёт... Ну, вот мы и подъезжаем... Сколько с меня?

Пятиэтажка, третий этаж, дверь старая, не металлическая, даже номер квартиры ещё тот, советский, по краям чуть заляпанный краской. Дверь открыл пожилой мужичок, на вид не старик, но уже пенсионер, должно быть.

– Я священник Глеб. Вы записочку оставляли по поводу освящения квартиры. Я звонил вам.

– Ах да, батюшка, проходите. Я тут один живу... Супруга моя полгода как отошла... Я тоскую очень... Вот, освятить хотел.

Квартирка была под стать двери: скромненько, чистенько, но как-то очень уютно, хотя непонятно из-за чего. Ничего ведь особенного – типичное жильё советских работяг шестидесятых-семидесятых годов.

– Вы, батюшка, простите, мы люди-то простые, не учёные... Что делать-то мне надо?

– Сейчас помолимся вместе, крестики я наклею. стакан для святой воды нужен, масло ещё растительное чуть-чуть в какую-нибудь ёмкость небольшую... А иконки у вас есть? – спросил отец Глеб, наклеивая на стены наклейки с крестами для освящения.

– Да. Там, на кухне.

На старенькой, крашенной масляной краской полке над столом на крохотной кухоньке стояли разные дешёвые печатные иконки. Некоторые уже почти выцвели, а рядом с ними на той же полке почему-то стояла деревянная кремлёвская башенка, которую к тому же венчала голова Олимпийского Мишки.

– Что ж, давайте помолимся.

Отец Глеб начал читать молитвы, поглядывая на иконостас. Он всё время ловил на себе хитрый взгляд символа того далёкого праздника спорта восьмидесятых. Вдруг вспомнился впервые в жизни увиденный Глебом пьяный милиционер, мочившийся под дерево в Сокольниках в то олимпийское лето... Глеб старался отогнать эти мысли и воспоминания и сосредоточиться на молитве, но получалось не очень...

– Ну, вот. Всё мы сделали. Целуйте крест. Надеюсь, теперь вам будет лучше здесь жить, но... знаете, надо вам прийти в храм, исповедоваться и причаститься. Вы когда-нибудь причащались?

– В детстве, только... У меня больше супруга по этой части была... А вы чайку со мной не попьёте?

На улице было холодно, да и мужичок явно хотел пообщаться, одиноко ведь человеку. Глеб же считал своим долгом объяснить ему что-то о православной вере.

Сели. Хозяин разлил чай. Он стал рассказывать о том, как всю жизнь проработал на ЗИЛе, как любил свою жену, с которой Бог не дал детей. Рассказ его для рабочего был немного странным: много наблюдений и мало осуждения. Просто, но без грубости. Священник же всё пытался объяснить необходимость участия в жизни Церкви через принятие Таинств.

– А вот ещё, посмотрите. Видите? – указал мужичок на треснутое и заклеенное ровное отверстие в стекле, на которое отец Глеб уже давно обратил внимание. – Это напротив, в лесопарке, бандиты разбирались, а ко мне шальная пуля и залетела. Следовательно приходил, пулю прямо в косяке нашли. Хорошо, я в комнате был, а не здесь, на кухне.

– Да, Господь вас уберёт. Ну что ж, спасибо! Пора мне.

Отец Глеб пошёл одеваться, но видел, что хочет пожилой работяга ещё что-то сказать. Наконец решился.

– А ведь я знаю, правда это всё у вас...

– Где?

– Ну, в Церкви... Я, заболел как-то серьёзно, на операцию меня повезли, я боюсь страшно, прям трясусь весь. А тут эти... у вас на стенах рисуют... Летают ещё... Ну, с крыльями... Вокруг меня, пока везли в операционную, а другие их не видят... ну как их...

– Ангелы?

– Да, точно!

– Да это может вам под эфиром так показалось? Ангелов-то только святые, да и то редко видят... Ну, или когда прелесть бесовская... но это тоже вряд ли ваш случай...

– Не знаю, про какие такие прелести, батюшка, вы говорите, но так вот они летают вокруг... может и без крыльев... но, как в церкви рисуют точно, такие же какие-то... а я ж совсем испугался, думаю, чего летают-то? Один мне и говорит по-простецки, так: «Да не бойся ты, брат, чего дрожишь? Всё нормально будет!» И мне как-то хорошо, спокойно стало... А потом мне как раз эфир дали, и я ничего больше не помню, но знаю теперь, оно правда всё, что у вас там, и оно такое... Доброе всё...

Глеб навсегда запомнил эту башенку с головой Олимпийского Мишки. Вспоминался он часто в тяжёлые моменты, и как-то становилось чуть-чуть смешно и немного легче...

Протодьякон

Здесь так одиноко, ведь некого больше пытать.
Дай мне полный контроль
Над каждой живой душой
Ложись рядом со мной, считай, что это приказ.
*Leonard Cohen*⁷¹, «*The future*».

– Поисповедуй, Глебушка!

Протодьякон Николай пришёл на службу насупленный. Дочитывали часы⁷² перед литургией. Отец Глеб не любил его исповедовать и отсылал обычно к отцу Вячеславу. Но сегодня бы это не удалось – будничная служба. Никого, кроме них двоих в расписании не стояло.

– Чё? Срочно? До воскресенья не дотерпишь?

– Давай сейчас... не дотерплю...

– Ну, подходи. Что случилось у тебя? Опять нажрался?

– Да, и не только, – протодьякон подошёл и наклонился к престолу, – Бабы опять... По пьянке проституток позвали с друзьями... Дорогие. Не халтурщицы-хохлушки из деревни. Я выбрал себе молодую, симпатичную... с задницей такой... ну, да это не в тему... Всё сделали. Ребята ещё кувыркались, а я пошёл её чаем на кухню поить. Поговорили за жизнь. Она студентка, подрабатывает так. Потом, говорит, бросит. Я ей про себя рассказал, что дети есть, что служу... Она меня и давай поучать, что так жить нельзя, что она по молодости на шмотки и хорошую жизнь, это ладно, а мне это всё ни к чему... Бать, представляешь?!

– Ты... эта... не знаю... может тебе и вправду сан снять?... Или, нет, просто уйти лучше на время... Прости... Я понимаю... Но...

– Да не-е, – отпрянул протодьякон, – экий ты, брат! Не могу я без службы, хоть и зовут друзья на фирму. Понимаю, каноны, будь они неладны. Блудник-прелюбодей, и всё такое. Но я хочу служить Богу! Хоть и говно, и служу не пойми чему...

Протодьякон плакал, что с ним бывало не часто, даже когда он бывал сильно пьян. Вообще, в нём уживались как бы два человека: один был весёлый малый, смахивающий на лесковского разухабистого персонажа, другой... который сейчас плакал.

Когда-то, совсем молодым столичным студентом, уверовав, он стал ездить к популярному *старцу*. Многие считали того батюшку *прозорливым*. Всё шло как по маслу. Духовное окормление, молитвенное правило, пост.

⁷¹ *Леонард Коэн, «Будущее». Leonard Cohen (род. 1934) – канадский поэт, писатель, музыкант и исполнитель песен.*

⁷² *Часы* – христианские богослужения, молитвословия, читаемые в храме в определённое время суток.

У Николая прекрасный голос и хороший слух. Его стали приглашать читать и петь на клиросе⁷³. *Старец* всё говорил о приближающемся антихристе, о трёх шестёрках и о том, что в городе одни соблазны и грехи, и надо ехать дальше, учиться жить в деревне, как жили благочестивые предки.

Однажды батюшка позвал Николая в крестилку⁷⁴ отдельно, после службы. Там стояла девушка, которая тоже не в первый раз приезжала сюда, Николай её уже видел.

– Вот, Коля, знакомься – Анастасия! Она из-под древнего русского города N. Девка хозяйственная и богобоязненная. Ты давно меня про женитьбу спрашивал, вот меня Господь и вразумил это дело обустроить. А ещё, тебя обрадую! В области, в которой Анастасия живёт, владыка – мой старый приятель. Он тебя в дьяконы рукоположит, а потом и в священники! Во славу Божию будешь служить в деревне подальше от всей этой бесовщины и детей лучше вырастишь, если Господь время продлит, но если и антихристово время придёт – быстрее там уберёжешься.

Разве мог Николай от такого отказаться?! Да и девушка была вполне себе красивая, хоть и строгая на вид. Но оно ж Коле даже и лучше, что строгая, чтоб от греха подальше и за хозяйством. Чтоб, как в святую старину! Как же всё славно устраивается!

Родители Николая хоть и охали, но что уж сделаешь? Двадцать два года – сам решает. *Старец* их обвенчал и отправил в N-скую область с письмом архиерею. Тот обрадовался, особенно когда услышал, как замечательно Николай читает и поёт.

Рукоположил он его в дьяконы и оставил у себя. Квартиры в городе не было, и новопоставленный дьякон жил, где придётся. Когда через пару лет отдали монастырь, то Николаю выписали там келью, а Анастасия жила у себя в деревне, в ста с лишним километрах от областного центра. Зарплаты у дьякона почти не было. В начале 90-х даже соборные попы жаловались и всё вспоминали прежние *благие времена*.

К жене Николай выбирался раз в две недели где-то. Жила она тяжело, в доме без воды, с больной матерью поднимала всё появлявшихся детей.

Сначала Николай спрашивал владыку о том, скоро ли его пошлют батюшкой на приход, как благословил *старец*. Епископ сперва отшучивался. Погоди, мол, прыткий больно столичный соловей! Потом стал сердиться. Де, это владычнее дело – и старец ему не указ! А что с семьёй порознь живёт, так это уже его не касается. Квартиры ему для дьяконов не выдают, а платить больше он не может. Итак, он, владыка, чрезмерно добр, что вообще на такие вопросы отвечает. Другой бы на его месте за одни такие разговоры Николая отправил бы под запрет, чтоб знал, как с архиереем разговаривать надо.

⁷³ *Клирос* – место в православном храме, где располагаются чтецы и хор.

⁷⁴ *Крестильня* – пристройка к церкви или отдельное здание, предназначенное для совершения крещения.

Николай смирился. Служб хоть и много, и они тяжёлые (владыка любил монастырский устав и долгое пение), но и трапезы на престольные праздники, на которые владыка всегда Николая брал с собой, были обильными. Знай своё дело: ешь, пей, да многолетие Святейшему да нашему Преосвященнейшему владыке возглашай. А чем больше выпьешь – тем лучше многолетие выходит...

Через пять лет Николай стал вторым архиерейским протодьяконом. К жизни такой привык. Денег не много, но подкидывать на престольных праздниках стали, да Николай и сам научился правильно подойти к встречающему архиерея дрожащему настоятелю, чтоб тот *не обидел* владычного протодьякона.

Семья так и оставалась в деревне. А что он мог сделать? Хорошую квартиру в городе снять, у него денег не хватило бы. А в плохой – жить вместе тяжело, да и *старец* благословлял не оставлять деревню.

Ещё через пару лет у Анастасии умерла мать, а после и сама протодьяконша слегла... Врачи сказали, что после третьих родов тяжести ей носить совсем нельзя. А как не носить, коль в деревне живёшь? Да ещё без газа и воды?

Владыка не дал своему протодьякону даже отпуска за свой счёт. Служи, мол, Господь всё устроит! Негоже из-за бабы службу архиерейскую оставлять!

Сильно это подломило тогда Николая. Как-то всё накопилось и хрустнуло...

Отправил протодьякон жену в столицу. Благо в однушку покойной бабушки родители ради внуков впустили. Лучше там стало супруге – расцвела прям. Оказывается, столько зависит от условий! Отказалась она возвращаться, не смотря на все уговоры. Даже из *старца* смогла выбить молчаливый кивок-благословение остаться по болезни.

Николай запил по-серьёзному. На престолах часто из-за стола его стали выводить под руки. Владыка всё спускал любимчику, до одного случая.

На трапезе после Епархиального собрания⁷⁵ протодьякон подвалил к группе батьков с Украины и начал им доказывать, что служить они не умеют. Да и вообще непонятно, что тут делают. И даже, возможно, они агенты НАТО! Говорил он это громко и не стесняясь в выражениях, так что епископ, проходивший мимо в окружении благочинных⁷⁶ и наместников⁷⁷, решил сделать ему замечание.

– Отец Николай! Потише! Не на базаре!

– А-а-а! Владыко! Погоди, я те ща тоже скажу!

⁷⁵ *Епархиальное собрание* – в Русской православной церкви орган управления епархией, возглавляется епархиальным архиереем и состоит из клира, монашествующих и мирян, проживающих на территории епархии и представляющих её благочиния.

⁷⁶ *Благочинный* – в Русской православной церкви специальная должность, предназначенная для надзора за порядком в определенном церковном округе, благочинии, в составе епархии.

⁷⁷ *Наместник* – в православии священнослужитель из монашествующих: иеромонах, игумен или архимандрит, поставленный архиереем для управления подчинённым ему монастырем.

Старый епископ решил разобраться потом, не при всех, и когда здоровый протодьякон протрезвеет и будет безопасен. Но Николай увидел, что владыка отходит в другую часть зала, и заорал на всё Епархиальное собрание.

– Владык! А хули ты уходишь! Я те ещё не сказал! Что ты, блять... – И направился, расталкивая попов напрямую к архиерею.

– Уймите его, – закричал Преосвященнейший. Первым опомнился монастырский послушник⁷⁸, он в спецназе служил раньше...

Утро протодьякон встретил привязанным к кровати в монастырской келье. Сушняк и головная боль.

Отвязали. Повели к владыке. «Как в кино», – подумал Николай, идя по длинным, со сводчатыми потолками, коридорам монастыря.

Архиерей долго говорил, как он разочарован в Николае, чем тот отплатил ему за всю его владычную доброту, что он не представляет его более служителем вверенной ему епархии, но, поскольку он преисполнен христианского милосердия, то не будет запрещать Николая в служении, а только почислит его за штат.

В Москву Николай вернулся в общем вагоне. Да и на это соборные отцы ему денег накидали втихаря от владыки.

Анастасия приняла холодно: вчетвером в однушке и так тесно, а тут ещё один безработный, да ещё пьющий. Они и раньше-то почти не знали друг друга, а теперь и вовсе никакого взаимопонимания не выходило. Жена постоянно злилась и срывалась, а ему так была нужна её помощь...

Николай, оглядевшись в столице, через полгода смог устроится неофициально, как заштатник, к отцу Константину в храм. Больно уж тому понравился весёлый протодьякон с хорошим голосом.

Пошла привычная жизнь: службы, праздники, застолья. А жена всё отказывалась исполнять супружеский долг. Говорила, что детей она больше рожать не может, а предохраняться *старец* запрещает настрого. Как-то Николай пришёл сильно пьяный.

– Хочешь, *лядь, как в древности? Так получай домострой! – процедил Николай и взял жену силой.

Наутро он извинялся, а она даже не плакала. Зло молчала и взглянула один раз только. У Николая всё сжалось: «Господи! Что я! До чего докатился!... Но и она – дура... Бред это всё какой-то».

Он не раз то умолял простить, то пытался весело шутить, старался больше уделять время детям и помогать по дому. Ни тени прощения, ни намёка на хоть какой-то мир. Так жить он больше не мог. Боялся, что, выпив, либо с собой, либо с ней чего-нибудь сделает.

Собрал вещи и ушёл жить к родителям.

А тут со старыми, ещё институтскими, друзьями встречаться стал. Он всегда был любимчиком-балагуром. А многие однокашники его карьеру давно сделали, разбогатели. Стал протодьякон подгуливать с ними. И вкус анаши вспомнил, и кайф абсента познал. Само собой, и до девочек дошло...

⁷⁸ *Послушник, послушница* – лицо, готовящееся к принятию монашества.

Через пару недель после той исповеди заходит протодьякон на Родительскую субботу на ранней литургии в алтарь. По расписанию он служить должен, но уже начали без него. А он и не торопится даже.

– Отец Вячеслав, ты служишь? Слушай, я чё-та с ребятами вчера засиделся, в клуб ездили. Да... Послужи сам, а я те записки помогу прочесть, да пойду сосну перед поздней.

– А? Соснуть?... Ну, сосни...

– Эх, батя, при те, прям, ничё не скажешь!

Записок было много. На помин на амвон⁷⁹ вышли все отцы и алтарники. Последним, в широкой греческой рясе, благоухая дорогим парфюмом, не торопясь вышел протодьякон. Глядя на него в упор отец Вячеслав загремел на весь храм:

– Помяни, Господи, о здравии протодьякона Николая... Путешествующего... В Горний Иерусалим!

⁷⁹ *Амвон* – возвышение в христианском храме перед Царскими вратами для чтения Священного писания, пения и проповедей.

Духовное трезвение или обновление ума

Устало ты дышала и еле текла,
Но ты меня любила до самого дна.
Ногтями впивался я в бедра твои,
Тебя нагибал и просил: «Повтори!»
Бутылка водки! Бутылка водки!
Звуки Му⁸⁰, «Бутылка водки».

– Да, клёвый твой отец Георгий, настоящий боец старой школы во всех смыслах!

– Ты, отченька, того... От тебя разит не по-детски. Ты уверен, что исповедовать тебе идти надо? Ты хоть спал сегодня сколько-нибудь? – вглядываясь в красные глаза старшего собрата, спросил отец Глеб, – или вы с Георгием всю ночь зажигали?

– Ну-у-у-у, считай так, – признался отец Вячеслав.

– Да я ж от тебя уехал часов в восемь, а у вас водка уже кончалась и денег не было!

– Ну и что? Я ж те говорю – классный твой деревенский батя! Бухло кончилось, а он говорит: «Пошли!» Ну, мы и пошли. Он – к ларьку. Заглядывает в окошко и говорит: «Дайте мне бутылку *Распутина*⁸¹!» Ему: «А деньги?» А он: «Какие деньги?! Ты на меня глянь!» Ну а он, ты знаешь, когда в лоб так смотрит безумным взором да подмигивает, – чистый Распутин с бутылки. В общем, приколотся ларёчник и батл отдал за просто так! Идём обратно. Я думаю, надо тоже в грязь лицом не ударить. Говорю: «А закусывать чем?» «Ну, ты пижон московский! Те ещё и закусывать!» – это он мне говорит. А я ему: «Погодь, ща организуем!» Подхожу к развалу с арбузами. Зову айзера-продавца. «Дай, – говорю, – арбуз, чтоб торговля была хорошая. Я – мула!» Тот: «Чем дакажешь, чта мула?» Я крест достаю, свой нательник монастырский, говорю: «Вот видишь? Это, как полумесяц, только лучше!» Он мне хиленький такой арбузёныш протягивает. Мы с Георгием переглянулись, головами покачали. «Такой арбуз Аллаху не угоден!» – отвечаю. Мы развернулись и пошли. А айзер нам в след: «Эй, мула, стой! Падажды! Хороший арбуз тэбэ дам!»

– М-да... Знал я, что вы друг другу понравитесь, но чтоб до такой степени, что служить за тебя сегодня придётся, – не думал.

– Да ладно! Ща я нормально... переоденусь, одеколон в рожу и вперёд! Не впервой ведь! – ответил отец Вячеслав и чуть не грохнулся на кровать.

⁸⁰ *Звуки Му* – советская и российская рок-группа, созданная в начале 1980-х годов Петром Мамоновым.

⁸¹ *Rasputin* – популярная в начале 90-х в России марка немецкой водки, на этикетке которой была голограмма с изображением подмигивающего Григория Распутина.

– Эх тебя заносит! Не-е, давай уж лучше я один послужу и поисповедую. Сегодня всё равно народу немного будет. А то настоятель здесь найтал⁸²! Тоже после позавчерашней пьянки в Лавре на Сергия никак не отойдёт... А он, сам знаешь, свиреп бывает с перепою. Опять ты в патриархию объясняться пошлёт или ещё как мозг высосет, так что – уж лучше отлежись! Не пойманный – не вор!

Эти резонные доводы убедили отца Вячеслава, и он остался в своей келейке.

Людей на службе и впрямь мало было: будний день. После праздников причастников вообще несколько человек всего. Всё шло легко, как по маслу. На крестинах только неожиданность вылезла. Родственник крещаемого младенца оказался евангелист, и баба Надя, помогавшая на крестинах, пыталась изо всех сил выгнать его из храма.

К моменту появления отца Глеба богословский спор перерос в перепалку с упоминанием адского пламени, как последнего коронного железобетонного аргумента со стороны православной охранительницы купели.

Священник успокоил, как мог, обоих. Разрешил сектанту остаться на крещении. Баба Надя, правда, была крайне недовольна. Возмущалась, что *нехристям нечего на крещении делать, и вообще, порядку никакого*, обещала пожаловаться на отца Глеба настоятелю.

После крещения молодой и явно ещё не прожженный протестант не торопился уйти. Ему хотелось поговорить со вступившимся за него священником.

– Мне многое непонятно в православии: и поклонение иконам, и почему *батюшкой* священника называют и вообще, почему так к людям в храме относятся, ведь *по тому узнают, что вы Мои ученики, что любовь имеете между собой*⁸³.

– На все ваши вопросы есть ответы. Ну, а про главное – да, призыву Господа не все мы следуем, и я тоже не есть образец для подражания, но разве и у вас всё и всегда по Евангелию и с любовью? Разве не надо пройти сложный и тернистый путь, чтобы достичь не внешнего, а внутреннего единения с Богом в любви?

– Да! Это вы хорошо сказали, как и апостол говорит: «Обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины»⁸⁴.

– И какие правильные, глубокие слова: *духом ума!* Давайте только вдумаемся, – входил в ажиатацию священник, – ведь это ещё и понять надо, это серьёзная работа, не вдруг это происходит! Внешнего эффекта достичь не так уж и сложно, а вот *дух ума* изменить – другое. Тут и действие со стороны Бога

⁸² *Найтать* (сленг.) – ночевать.

⁸³ *Евангелие от Иоанна, 13:35.*

⁸⁴ *Апостола Павла послание к Ефессянам, 4:23–24.*

нужно, и наше со-участие, и принадлежность к Его Церкви, и трезвение духовное⁸⁵, которому Церковь, святые отцы и учат.

– Но разве принадлежность Церкви это значит обязательно в храм ходить и свечи ставить? Разве Церковь не больше православия? Не знаю уж, что это за *духовное трезвение* такое, но проявление Духа и у нас есть.

– Как вам это объяснить... Поймите, без Церкви Единой соборной и Апостольской, без таинств ею преподаваемых нет спасения в Боге. То есть Бог спасает, кого хочет, но не благодаря, а вопреки, и не стоит на это рассчитывать.

– Не очень вас понимаю, – смутился юноша.

– Знаете, я, наверное, не могу вам всё как надо объяснить, да и сам, грешный, не обновился ещё *духом ума*, как святые отцы, а то бы вы почувствовали это дыхание благодати, и вопросов бы у вас не было... Я сейчас лучше книжки вам принесу: там и про Церковь, и про таинства, и про *трезвение духовное*, и про неложное действие Духа Божия. Вы почитайте, а потом приходите – поговорим. Уверяю, вы ещё так мало о православии знаете, многого просто не видите. Подождите, я сейчас.

С этими словами окрылённый батюшка направился в книжную лавку, располагавшуюся на территории храма, зашёл сзади в открытую почему-то дверь и почти натолкнулся на пытающегося подняться из кучи коробок настоятеля.

Одна из торговок духовным знанием стояла, согнувшись в три погибели, и стонала, другая, вжавшись в стену, еле слышно шептала: «Простите, батюшка».

– Понаставили, сучье племя, чё вы здесь, а?! Оборзели совсем! – с этими словами пьяный в кафельный дым отец Константин швырнул в стоящую увесистой коробкой с Житиями Новомучеников.

Та попыталась увернуться, но коробка попала ей прямо по шее.

– Охxxx, – вскрикнула несчастная, сползая по стенке.

– Что, *ох*, тварь! Всем вам только деньги давай, я вам ща!... А ты что здесь? – увидел отца Глеба настоятель.

– Я?... Пойдёмте отец Константин, я вас к себе отведу, вам там... из патриархии звонили.

– Кто там? Я с ними в Лавре молился только, что им? Опять бабла надо? Ладно, веди...

Отец Глеб уже и забыл про паренька евангелиста и с неудовольствием заметил, как тот смотрит на него, волокущего настоятельскую тушу.

Этого протестанта Глеб больше не видел.

Женщина из книжной лавки, которой досталось коробкой с книгами, попала в больницу с сильным сотрясением. Вернувшись, она всё просила у настоятеля прощение за своё нерадение и недостаток смирения с послушанием.

⁸⁵ *Духовное трезвение* – одна из основных христианских добродетелей, потребность в абсолютно честном, незамутнённом взгляде на самого себя и на окружающий мир, свобода от самообмана, состояние, противоположное прелести.

Алёна

Я могу надеяться только на свои ноги,
Поэтому мне нужно спешить дальше.
Но пока меня не будет, я хочу, чтоб ты знала:
Все будет хорошо!
Поэтому, женщина, не плачь,
Нет-нет, женщина, не плачь,
Давай, сестренка, не роняй слезы.
*Bob Marley*⁸⁶, «*No, Woman, No Cry*».

Она стояла с коляской под навесом у крыльца храма.

– Батюшка, благословите!

Отец Глеб благословил. Алёна поцеловала его руку.

Эти маленькие трещинки на её красивых тонких пальцах... прячущийся, но очень выразительный грустный и понимающий взгляд... грациозная лёгкость движений...

Глеб едва сдержался, чтобы не обнять её, вырвал руку и вышел из под козырька под дождь.

Года полтора назад Алёна первый раз пришла на исповедь, прочтя Евангелие и книгу *Сын человеческий*⁸⁷. Глеб тогда долго с ней разговаривал, объяснял. Она всё схватывала на лету, точнее, многое уже знала и понимала тоньше, чем сам Глеб, хотя ей было едва за двадцать, а ему уже за тридцать, и попом он был больше пяти лет. Её вера была глубже и точнее прочувствована, исполнена мудрости, а не умозрительного интеллекта. И она вся прямо-таки светилась, о чём бы они не говорили: о кино, о книгах, о живописи или житейских ситуациях.

Однажды, после вечерни она подошла заплаканная.

– Отец Глеб, батюшка! Я...я...беременна...

Глеб знал, что у Алёны есть парень. По описаниям, хоть и интересный, но безвольный, лёгкий и беззаботный человек из богатой семьи.

Как священник, Глеб уже со многим сталкивался и прекрасно понимал, что у них едва ли что хорошее выйдет. Девушка колебалась. Делать аборт она не хотела, но денег никаких, мать без работы, отца нет...

Глеб поддерживал её всей силой медицинских и богословских аргументов. Надежду на то, что отношения с молодым человеком образуются, не вселял, но и не развеивал, хотя уже точно понимал, чем всё закончится. За *наивного мальчика, обманутого коварной девкой* вступятся родители; в лучшем случае, отпишут Алёне какую-нибудь не очень большую сумму; и – адьо! Так, в конце концов, всё и вышло...

⁸⁶ Боб Марли, «Нет, женщина, не плачь». *Bob Marley*, (1945 – 1981) – ямайский музыкант, гитарист, вокалист и композитор, самый известный исполнитель в стиле регги.

⁸⁷ *Сын человеческий* – книга, повествующая о земной жизни Иисуса Христа; является последним седьмым томом *Истории религии* протоиерея Александра Меня.

Алёнин ребёнок стал настоящим *сыном полка* в храме. Историю прихожанки знали все отцы, кто чем мог – помогал. Даже настоятель, хоть от себя ничего не давал, но таки раскрутил одного из спонсоров на 100 долларов (серьёзные деньги в 90-е), рассказав, как весь возглавляемый им приход помогает бедной местной девушке, отказавшейся от аборта.

– Привет, батянь, заходи, – открыл дверь в свою келью отец Вячеслав. – Как там, сильный дождь? Смотрю, опять тебя Алёнка у храма поджидала, а ты чуть и не сотрясся весь...

– Ты прям всё сечёшь... Да, я как раз об этом с тобой поговорить хотел, – отозвался Глеб, заходя в тесную комнатку и присаживаясь на единственный стул. – Ты ж сам бывалый. И хипповал в 70-е, и у старца столько лет в послушниках... Ну, во всяких историях бывал...и с бабами в том числе... Знаешь, оно как. Я себе ничего не позволяю. Держусь... Ну, и она тоже... Но ведь думаю всё время о ней. Ведь моя так меня не понимает, не чувствует. Всё невпопад, не то... А с Алёной – как на одном дыхании... С другой стороны, я вот ещё чего подумал сегодня. Я же полгода служил, до того, как в Москву перевёлся, у монаха одного, бабами себя окружившего и всех их на себя замкнувшего в этакой духовёности... Ну, ты понимаешь... А может, и я не напрасно её так к себе притянул? Тащусь от этих наших бесконтактных отношений, а она – молодая девчонка... хорошая... У неё ж ничего такого в голове не было. А я со своими *благими пожеланиями*. Вот кого я из неё сделал? Церковную побирушку?

– Не-не, Глебушка, давай без достоевщины этой. Из тебя тот монах, что из меня Папа римский. Не умеешь ты онанистическую духовёность создавать вокруг себя, и слава Богу... А Алена... и вообще всё это... знаешь... оно ж нормально – влюбляться.

– Что?

– Ну да. Это ж естественно. Вообще представь себе, как бы мы в раю жили плодимшись и размножамшись. Обязательно каждый со своей женой! И ангел бы под деревом познания нас венчал! И мы б потом через ребра размножились? Это ж всё монашеский бред!

– Не. Мы ж, как ангелы, на Небе будем. Ни жениться, ни посягать...

– Сам ты *какангел* со своей Алёной! Нормально мужикам всех баб любить, а бабам – всех мужиков. И иметь общих детей! Это хорошо. Это и есть рай, то есть жизнь по любви. Но дело-то в том, что мы же не можем всех, а хотим только тех, кто нам приятен. И не можем мы без страстей. Так, чтоб не делить и не присваивать, а именно – любить...

– Вот сам говоришь без достоевщины, а такое несёшь, прям *Лето любви*⁸⁸ какое-то...

⁸⁸ *Лето любви* – лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско Хайт-Эшбери собралось около ста тысяч хиппи, чтобы праздновать любовь и свободу, создавая тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта.

– Не путай Божий дар с яичницей! То есть, любовь с Достоевщиной! Да... Поэтому и дана нам моногамия для воздержанности, но это ж именно что из-за испорченности нашей...

– Хоть и на том спасибо, падре!

–...но лучше уж плотью согрешить, чем этак *духовно* под себя людей подламывать и считать, что святостью всякой занимаешься, – продолжал старший священник. – Это я не то что призываю тебя к этому – нет. Ничего хорошего не выйдет. Вот даже трахнешь ты эту Алёну, если даст, конечно... Ну, или уйдёшь к ней. Это ж всё равно ничего не решит, а только запутает. Поверь уж моему опыту!

– Да я понимаю, не маленький, чай... Но... всё равно хорошо, что ты это всё сказал. Всё легче как-то... Хотя насчёт любви ко всем... это я как-то по-другому представлял... м-да...

Глеб шёл к метро, думал... Любить без страсти и без всей этой поддельной фигни, и бесконтактного, но от этого ещё более мерзкого использования человека – вроде просто, а поди ж ты... И красивая такая Алёна... Как представишь её, когда она... Нет, лучше не представлять! Лучше молиться...

Он глубоко вдохнул сырой осенний воздух и стал про себя произносить *Молитву мытаря*⁸⁹. Тупик стал превращаться в подобие тоннеля.

⁸⁹ *Молитва мытаря* – покаянная молитва, которую произносил сборщик податей, покаявшийся и получивший прощение. Текст молитвы взят из Евангелия от Луки 18:9-14, которое передаёт слова Иисуса Христа, рассказавшего притчу о мытаре.

Крещение троекратным снегометанием и другими способами

Я обернулся и вздохнул: Ох!
Я обернулся и вздохнул: Эх!
И засверкало Северное сияние,
А она сказала со слезами на глазах:
Будь внимательнее, там где прошли хаски,
и не ешь желтый снег.
*Frank Zappa*⁹⁰, «*Don't Eat The Yellow Snow*».

Со звуковиком с телевидения, Виталием, отец Глеб познакомился у друзей на Пасху. Актёры, художники, писатели, режиссёры – все вместе отмечали Воскресение Христово.

Виталик оказался в компании единственным некрещеным. Более того, креститься он не хотел сознательно, хотя не был атеистом и не имел других религиозных предпочтений.

Не слишком трезвые отец Глеб со товарищи начали Виталика грозно увещевать, объявив, что если он не согласится в три дня покреститься, они окрестят его насильно. Нехристь шутку не понял, и это превратило её в многосерийную комедию.

Каждый раз, когда батюшка встречал звукорежиссёра, он начинал к нему приставать по этому поводу и всячески стебаться. Виталик боялся абсолютно серьёзно, и это лишь разогревало аппетит.

Один раз – отец Глеб начертал пальцем на снегу, запорошившем капот машины жертвы: «Крестись, гад!» В другой раз – батюшка принялся гоняться за несчастным телевизионщиком, кидая в него снежки и возглашая: «Крещается раб Божий Виталиус троекратным снегометанием!» Звуковик уворачивался изо всех сил, так и не понимая, шутка это или его взаправду крестят...

Апофеоз случился аккуратно после праздника Крещения Господня, когда жена Виталика, Таня, решила освятить дом.

Отец Глеб пришёл к вечеру, всё подготовил. Сидят они с Таней разговаривают, ждут хозяина. Виталий пришёл с работы не то что пьяный, а вообще непонятно, как пришёл. Кое как его уложили. Что делать? Надо освящать. Отец Глеб посмотрел на Таню.

– Давай свечку ему в руку вставим!

– Так он лежит.

– Ну и что? Скажем, что как хозяин дома, глава, так сктъ, он должен быть со свечкой в руке...

– Давай.

⁹⁰ Фрэнк Заппа, «Не ешь этот жёлтый снег». *Frank Zappa (1940 – 1993)* – американский композитор, певец, музыкант, продюсер, автор песен, звуко- и кинорежиссёр. За более чем тридцатилетнюю карьеру охватил такие жанры, как рок, джаз, академическую и конкретную музыку.

Пьяный звукорежиссер лежал ровно на спине, руки были ниже живота. Когда Таня впихнула почти ничего не соображающему мужу свечку в руки, батюшка засомневался.

– Не, давай вынем, а то это смотрится... как будто у него в штанах встало и ещё горит... Глядя на это, я просто молитвы от смеха читать не смогу...

Виталик уснул. Отец Глеб с Таней пошли на кухню отметить.

– Слушай, Тань, а давай завтра скажем, что я его покрестил? Он же всё равно ни фига не вспомнит.

– Давай! А что мне ему рассказать? Как всё должно происходить?

– Скажи, что от сатаны отрекался, плевал, что крестик ему купить надо.

Наутро, понятно, жертва обмана встала в состоянии тяжелейшем. Наливая мужу стаканчик айрана, Таня невзначай так и говорит:

– Ну что, поздравляю!

– С чем, с похмельем?

– Виталь, ты что не помнишь? Тебя же батюшка окрестил вчера!

– Ребят, вы чё? – ещё больше побледнел несчастный, – ты шутишь, да?

– Какие шутки! Ты ж сам согласился! Свечку, помнишь, держал? А как на сатану плевал! Тебя ж остановить не моги! Отец Глеб говорит: «И дунь, и плюнь на него!» Ты и давай плеваться в разные стороны, мы уж подумали, что у тебя того... белка, и ты их везде видишь... Крестик ещё батюшка сказал купить. Так ты по дороге в метро купи, лучше в храме, там дешевле.

Таня – прекрасная профессиональная актриса, и не поверить ей было невозможно.

Полдня звукорежиссёр проходил *крещёным*. Позвонил *поздравить* отец Глеб... Злой Виталий снял трубку.

– Что, батя, улучил момент, да?!

– Это ж для твоей же пользы, – отвечив священник, с трудом сдерживая клокочущее внутри гоготание.

К обеду Таня раскололась...

А ещё через пару лет Виталик с Таней поехали в монастырь, где служил её сокурсник по театральному училищу, и там Виталий крестился совершенно добровольно. Тогда же он решил совсем завязать с алкоголем.

Ближе к Страстной

Рука нащупала нить на веретене
Конец или начало здесь во тьме?
Чаша наполнена, тост вновь произнесен.
Я всю любовь отдам только тебе.
Один лишь голос слышу я сквозь сон.
*Led Zeppelin*⁹¹, «*All of my love*».

– Ох... Господь и Бог наш Иисус Христос... – начал читать разрешительную молитву отец Глеб. Он был искренне удивлён и не находил, что ещё сказать.

Этого прихожанина он хорошо знал и любил. Ещё в 80-е, будучи выездным учёным, Валерий Павлович нелегально привозил из-за рубежа духовную литературу. У него отец Глеб брал те, ещё западные, издания митрополита Антония Блума.

От кого уж, а от Валерия Павловича, отец Глеб никак не ждал такой дикости в понимании телесного поста.

В алтарь он пришёл с явно пришибленным видом. Отец Вячеслав был в приподнятом настроении.

– Чё, Глебушка, ещё девятый час читают, а ты уже всех поисповедал?

– Да. Сегодня вроде среда, а народу на исповеди немного. Предпоследняя Преждеосвященная⁹² до конца Четырнадцатницы⁹³. На Вербное и на Страстную⁹⁴ народ причащаться готовится, видать... Загружают только всякой ерундой... Причём, вполне грамотные и умные люди, а уши вянут, что несут...

– Да что там! Мужики – дрочут, бабы – давать не хотят и сугубым постом это считают, а от всякой такой духовки повышенной у них крыши текут на этих самых мужиков. Варианты возможны, но всё где-то рядом, – усмехнулся бывалый священник.

Шальная мысль промелькнула в мозгу: «Уж не прозорливец ли? Ведь в молодости у старца жил отец Вячеслав». «Не-е-е. Опыт, да и прихожан хорошо знает. Что-то я совсем уже, раз такие мысли в голову лезут», – отвечала на это другая часть сознания отец Глеба. Вслух же он сказал:

– Циничный ты! Люди ж не только сексом живут и всякой шизнёй...

– Случается, но не часто... А постом и вовсе редко. Я с годами всё никак решить не могу, что мы больше: психи, дураки или грешники...

– Истину глаголишь, старче! – встрял в разговор протодьякон Николай. – Мы с отцом Сергием давеча офис один крутой освящали. Ну, там – все дела!

⁹¹ *Лэд Зеппелин*, «*Всю свою любовь*». *Led Zeppelin* – британская рок-группа, образовавшаяся в 1968 году и признанная одной из самых успешных, новаторских и влиятельных в современной истории, считающаяся основоположниками хэви метал рока.

⁹² *Литургия Преждеосвященных Даров* – литургия, во время которой предлагаются для причащения Святые Дары, освященные прежде, на предыдущей полной литургии.

⁹³ *Четырнадцатница* – Великий Пост.

⁹⁴ *Страстная седмица* – последняя неделя Великого Поста перед Пасхой.

Мужики с похмелья, бабы в коротких юбочках, некоторые – ничего так, но уж больно солидного включили. Стоят, свечки держат. Серёга им про церковь, исповедь, таинства. То-сё. Записки сказал, написать как. Я эти записки собираю, а ко мне один из начальников подходит. Говорит: «Батюшка, а как нам хозяина перенести?» Я ему: «Какого хозяина?» «Ну, – говорит, – домового со старого офиса. У нас там всё хорошо было: и не ругались, и бизнес шёл. Нам бы его сюда! Мне бабка одна говорила, что надо метёлкой в углу замести...» Я уж тут не выдержал и перебиваю его: «Я дьякон. Вон, отец Сергей, – батюшка, он вам объяснит». И к Серёге его подвожу... Тот ему долго втирал, что и как, но мужик так и не врубился. По лицу видно было, что пойдёт заметать домового своего.

– Смешно, но это люди непросвещенные, а только крещёные. Когда же и книги разные правильные читали, и внутренний духовный опыт, какой-никакой, пережили, не должно же быть так... – отвечал, возбуждаясь отец Глеб после молитвы Ефрема Сирина⁹⁵.

– Ничё, просвещённые тоже заечь могут. Слышал, наш настоятель решил чин омовения ног⁹⁶ провести в Чистый четверг, как на архиерейской службе? Сам нам ноги мыть будет! – продолжал Николай – Даже и нам, дьяконам. Лучше б денег нормально дал! Я, вообще, думаю маникюр разноцветный на ногах сделать по этому случаю и пальчиками шевелить буду, когда он мне ноги полотенчиком вытирать станет...

– Да это вообще – дурь! Форма без содержания. Разве по-настоящему просвещённый Духом станет такое делать?

– Эх ты завёлся что-то со своими *просвещёнными*, как Руссо⁹⁷ какой-то. Батянь, не в образовании дело! Да и вообще, не в том, кто что пережил и кого чем торкнуло. Ладно, надо литургию начинать... Поди записки почитай, потом поговорим... – вмешался отец Вячеслав.

Преждеосвященная. На кафизмах⁹⁸ начались сложные перемещения дьякона со служащим священником перед и со Святыми Дарами: каждение, поклоны, перенос на жертвенник⁹⁹.

После отец Глеб продолжил.

– Ну вот, что это? Зачем-то переносим на жертвенник, потом обратно, разворачиваем и потом обратно складываем антиминос¹⁰⁰. Все эти приседания...

⁹⁵ *Молитва Ефрема Сирина* – великопостная покаянная молитва, читаемая по православному церковному уставу на богослужениях ежедневно с наступлением Великого поста кроме субботы и воскресенья до Великой среды Страстной седмицы. Составлена преподобным Ефремом Сириным.

⁹⁶ *Чин омовения ног* – обряд, совершаемый в православной церкви в Великий четверг архиереем, который оmyвает ноги 12 священникам или монахам в воспоминание омовения, исполненного Спасителем над апостолами пред Тайной вечерей.

⁹⁷ *Руссо, Жан-Жак (1712–1778)* – французский философ, писатель.

⁹⁸ *Кафизма* – раздел Псалтири. Название происходит от греческого слова, означающего *сидение*, что указывает на практику сидения на богослужении во время чтения *кафизм*.

⁹⁹ *Жертвенник* – стол в алтаре православного храма, на котором совершается проскомидия, готовится жертва для совершения евхаристии: хлеб и вино.

Кому и зачем это нужно? Литургия у нас исполнена всех этих потерявших смысл ритуалов, которые попробуй тронь! В богословии, кроме пафоса и всяческих разговоров про нашу исключительность, мало чего и осталось! Народ не пойми чему учим. О Евангелии забываем ради *предания старцев*¹⁰¹, а, казалось бы, чего проще? Любовь и Евангелие во главу угла поставить, собраться нормальным людям и нормально Богу служить, без всей этой дури и бессмысленного чинопочитания!

– Был у меня один поп знакомый зарубежно-катакомбный¹⁰². Всё домашнюю церковь создать хотел. Ещё в советские годы. Да только никому не нужно это оказалось, даже своим! Либо уж секту делай, хоть и внутри церкви! Это народ любит. Как один епископ говорил: «Прихожане любят, когда им чего-то дарят, и когда их насилуют...» Про высокое и приятное научиться рассуждать несложно, а ты тронь легонько локтем такого, что про любовь с евангельской простотой проповедует. Тут все разговоры и закончатся и обиды с хлопаньем дверьми тебе по носу начнутся. Люди терпеть и прощать друг друга не умеют, и мы часто сами такие же! Как по Любви жить-то сможем? Какую соборность, понимаешь, построим, даже если начальство дурное убрать от нас? Переобижаемся и перессоримся из-за какой-нибудь ерунды, вот и вся любоф... Эх, Глебушка, мы достойны того дерьма, в котором живём, в том числе и церковного...

– Отцы! Кадило, врата! – прервал алтарник.

Пошла суета, возгласы дьякона и священника.

– Повели-и-и-и-те-е-е-е... – громыхнул протодьякон.

Отец Вячеслав с кадилом и свечой повернулся к народу в открытые Царские врата.

– Свет Христов просвещает все-е-е-ех!

¹⁰⁰ *Антиминс* – в православии четырёхугольный плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии.

¹⁰¹ *Священное Предание* – в православии, католицизме, древневосточных и англиканской церкви один из источников вероучения и церковного права, наряду со Священным Писанием.

¹⁰² *Катакомбная церковь* – собирательное именование представителей российского духовенства и общин, которые начиная с 1920-х годов отвергли подчинение юрисдикции Московского патриархата, обвинив его в сотрудничестве с коммунистическими властями, и перешли на нелегальное положение.

Могилы мусульман

Моя душа уже давно черным черна.
Мою красную дверь покрасили в чёрный цвет.
Может, если я исчезну, мне больше не придётся это видеть.
Невыносимо жить, когда весь мир стал черным.
*Rolling Stones*¹⁰³, «*Paint it black*».

Светлый осенний день. Солнце отдает свое последнее мягкое и неуверенное тепло, чтобы стать скоро ярким и холодно-жгучим светилom морозного дня. Глеб с грустной нежностью любовался этой картиной, глядя из окна машины.

Подъехали к кладбищу, водитель замедлил ход.

– Сейчас, батюшка, приедем, где-то тут... А! Вон они стоят!

Остановились у тропинки между захоронениями, возле которой стояло человек пять. Отец Глеб вышел из машины. К нему подошёл седой кавказец.

– Здравуйтэ! Махмуд Рашадович мэнэ зову. Моей женэ умерла сегодня тры год назад. Хочу, чтоб ви молитву служили... Ваня, можешь покурить пока, – последние слова заказчик панихиды адресовал уже водителю дорогой блестящей иномарки, который привез отец Глеба.

С Глебом о требе договаривалась какая-то женщина, но здесь её не было. За ним прислали русского немногословного шофера, а здесь собрались, кажется, одни кавказцы. Причем, судя по всему, азербайджанцы-мусульмане. Молодому священнику стало неудобно. Идя к могиле, Глеб спросил Махмуда:

– Извините, а супруга ваша – православная?

– Канэчна! Она верущий была, молилась очень дома, такие картины у нас были... как их?...

– Иконы? – с тревожной надеждой подсказал Глеб.

– Нэ знаю... Как в цэрквы! Дева Мария с младенцем, Рафаэль¹⁰⁴, кажется, или эта... Лэонардо¹⁰⁵...

Глеб совсем пал духом. Куда и зачем его ведут? Что за женщина? Католичка? Некрещёная?

Ну, вот и пришли. Глеб обомлел. С шикарного нового мраморного памятника на него смотрел... Махмуд Рашидович!

Священнику захотелось бросить кадило и, подняв полы рясы, броситься через могилы наутек.

¹⁰³ *Роллинг Стоунз*, «*Покрась это чёрным*». *Rolling Stones* – британская рок-группа, образованная в 1962 году, как «бунтарская» альтернатива *The Beatles* и многие годы соперничавшая с ними по популярности. Считается одной из самых влиятельных и успешных групп в истории рока.

¹⁰⁴ *Рафаэль Санти* (1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор.

¹⁰⁵ *Леонардо да Винчи* (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, учёный, изобретатель, писатель, один из крупнейших представителей искусства Высокого Возрождения.

– Красыва вышьла, да? – перехватил взгляд отца Глеба живой Махмуд, – Это я сэбэ сделал! Нелзэ вэрить, шта хорошо сделать будут потом, а так –сам всё слежу! А Наташа моя – здэсь рядом, вот сбоку, смотрите!

Опешивший священник и не заметил, что сбоку углом стоит меньший памятник с портретом красивой славянки. Наталья Ильинична... только фамилия длинная у нее и на-оглы заканчивается. Даты жизни: 1940-1994.

– Тебэ как зовут? – спросил живой вдовец.

– Ах да... извините, я не представился... Священник Глеб.

– Так вот, брат Глэб, помолысь хорошо, как надо! Моя Наташа очень хороший жена была! Я горячий был, много её обижал и не прав был, а она терпела и меня жить учила всэму: как с людьми, как зло нэ держать, нэ мстить... У меня нэ простой жизнь был... Я бэз нэё бы и жив-то нэ был... А она заболэл – я всё дэлал! Лучший врач... Жаль только, дэтэй у нас нэт... Она вобшэ сирота жыла... Всэ в войну погыбли...

Махмуд достал платок. Глеб начал готовится к панихиде. Хотел встать лицом к могиле усопшей, но как-то было не развернуться, и служить пришлось лицом к глядевшему с памятника усатому Махмуду. Глеб отводил взгляд, но неизменно упирался глазами или в Махмуда живого, или в людей, внешне похожих на него, стоявших с разных сторон. Тогда он закрывал глаза или устремлял их к верхушкам осенних деревьев...

– Представляешь! Служил сегодня на могиле живого мусульманина, да он ещё рядом стоял! Вот до чего я докатился! – объявил отец Глеб своему приятелю отцу Сергию, заходя к нему в келью.

– Не понял? – удивился тот.

Ликующий Глеб рассказал, как дело было.

– А я черных видеть не могу теперь... Особенно, когда они с бабами русскими, – сказал коротко стриженный крепкий мужчина, сидевший тут же на стуле. Глеб, желая поскорей похвастаться необычной историей, сразу и не заметил гостя отца Сергия.

– Знакомься, отче! Это мой друг по военному училищу – Александр. Он в спецназе в Чечне воевал... Так что, сам понимаешь, почему у него такая реакция.

– Священник Глеб! Очень приятно, – представился батюшка, разглядывая гостя.

Тот сидел прямо, взгляд у него был жесткий и усталый. На столе перед ним стоял пустой стакан.

– Вы понимаете, здесь совсем другая история. С этим азербайджанцем и его женой... хотя, конечно... вы там на многое насмотрелись.

– Насмотрелся на разное. И на подвиги, и на такое дерьмо... Дерьма было больше.

– Да оно, Сань, и везде в жизни так, – отозвался отец Сергий.

Гость криво усмехнулся, поднял глаза. Они как будто были сделаны из смеси льда, металла и мутного стекла. Внимательный взгляд был наполнен лишь бесстрашной осторожностью и абсолютным безвременьем. Глеб не мог понять: то ли спецназовец настолько пьян, то ли он по жизни с таким взглядом.

Посмотрев пристально на Глеба, он ухмыльнулся ещё раз и, переведя взгляд на иконы, сказал:

– Эх, батюшки, видели б вы то, что видел я, не знаю, как бы вы в Бога верили... Но и без веры нельзя...

Сказано это было так, что в келье стало тихо. Паузу прервал офицер.

– Когда на задание идешь, а по дороге, кого встречаешь – сразу мочишь без рассуждений... У тебя, бля, приказ! И ничто не должно помешать его выполнению... Пацана помню. Мы через сад пробирались, а он поссать вышел... Старик ещё был... Но это всё фигня. А вот когда на точку выходишь, и этих уродов бородатых в прицел видишь, а тебе приказ отступить... Вот тогда кроме мата ничего уже не остается! Когда понимаешь, что всё это зря было... И пацан этот, и старик... А ведь почти всегда этот приказ приходил, отступить...

Отец Сергей достал ещё один стакан, поставил Глебу. Разлил всем. Повертел стакан в руке. Наконец, подыскивая слова, произнес:

– Ну, а что сделаешь? Война – зло. А когда оно ещё бессмысленное... Это уже ад... Чтоб тебе, Санек, прошедшему через этот ад, самому в себе его не держать... Господь не оставит, если мы сами этого не хотим...

Выпили. Глебу вдруг захотелось что-то сказать, продолжить мысль друга.

– Верно всё. Хорошо, отче, ты сказал. Мы сами себе ад создаем по большому счету. Сами и путь свой выбираем, часто того не ведая...

– Что ты говоришь, батюшка? – повысил голос спецназовец, – красиво так говоришь! А кто, ты думаешь, ад создал той чеченке, которой я живьем ребенка из живота вырезал? Она снайпером не была. И вообще не при делах... Ничего такого она не выбирала, я по глазам её видел. Она и ничего ещё выбирать-то не умела... А ад ей я создал, понимаешь? Я!!! Без всякого дьявола вашего! И похуй, по приказу или без...

Риголетто и духи

Посмотри на себя,
А впрочем, лучше не смотри.
О как же крышу сносит,
Если ветер внутри.
*Умка и Броневик*¹⁰⁶, «Посмотри на себя».

Отец Глеб после больших праздников всегда выпивал. Сначала – на общей трапезе под трели настоятеля. Настоятель брал соло уже поднажравшись, а до этого любил, чтоб *говорили братия*. И отцу Глебу приходилось нести всякую ахиною из смеси высокопарности и, насколько возможно, умеренного славословия начальства, заканчивающуюся обычно многолетием патриарху, епископу, настоятелю или кому-нибудь из *уважаемых гостей*, сидевших за столом с топорно-довольными физиономиями.

Понятно, после всей этой тухлятины догонялись в келье узким кругом младшего клира¹⁰⁷ с алтарничками. Дальше, если летом, – долгий путь загород, на дачу, периодически превращавшийся в дополнения к известному описанию дороги в Петушки. До ангелов с хересом, правда, пока не доходило, но нечто, напоминающее *Слезу комсомолки*¹⁰⁸ порой уже поблёскивало.

Домой после праздника за день удавалось добраться не всегда. Что, в общем-то, и к лучшему – зачем жену с детишками пугать. Зависалово у друзей – всегдашнее спасение на пути.

К Виталию, тогда ещё некрещёному, в его уютный дачный домик, он приехал никакой. Ввалившись, сразу заорал: «Московская патриархия – ФАК!»

Незнакомый, улыбчивый гость, сидевший с Виталием за столом, с интересом посмотрел на закинувшего руку с соответствующим фразе знаком батюшку.

За столом гость всё пытался поговорить о чём-то духовном и церковном. Но отец Глеб, узнав, что гость – режиссёр и сценарист, переводил разговор в область кино, особо восхваляя достоинства *Криминального чтива*¹⁰⁹, Тарковского¹¹⁰, Бунюэля¹¹¹ вкупе с некрореализмом Юфита¹¹².

¹⁰⁶ *Умка и Броневик* – российская рок-группа. Песни лидера группы Умки (Анны Герасимовой), аранжированы в стиле американо-британского гитарного рока 60-70-х, который варьируется от жёсткого ритм-энд-блюза до психоделики.

¹⁰⁷ *Клир* – в христианстве сословие духовенства, отличное от мирян.

¹⁰⁸ *Слеза комсомолки* – название коктейля из поэмы Венедикта Ерофеева *Москва – Петушки*.

¹⁰⁹ *Криминальное чтиво* – фильм Квентина Тарантино, снятый в 1984 году.

¹¹⁰ *Андрей Тарковский (1932–1986)* – советский кинорежиссёр и сценарист. Народный артист РСФСР.

¹¹¹ *Луис Бунюэль (1900 – 1983)* – испанский кинорежиссёр, один из крупнейших представителей сюрреализма в кинематографии.

¹¹² *Евгений Юфит (род. в 1961)* – российский кинорежиссёр-экспериментатор, сценарист, художник-некрореалист, фотограф.

Потом, кажется, батюшка упал... По крайней мере, дар прямохождения его явно оставил. Борьба с помыслами закончилась полной победой над ними.

Утром он проснулся от нестерпимой головной боли. Его потрясывало, но не сильно – можно было сразу не похмеляться. Виталия не было, а вчерашний гость оказался тут как тут.

– Воды? Пивка? Может, чаю крепкого?

– Чаю, – хрипло ответил отец Глеб.

– А у вас вчера риголетто случилось... – с улыбкой молвил киношник, наливая чай.

– Что?...

– Ну... проблевались вы... Но я всё убрал, не волнуйтесь.

– Извините...

Глебу стало уже совсем неудобно. *И куда, блин, Виталик ушёл так рано?...или не рано уже сейчас? Часы здесь вечно стоят.*

А режиссер всё продолжал с интересом поглядывать на смущенного взъерошенного батюшку, не оставляя того в покое. Задавал ему всё какие-то вопросы, на которые Глеб отвечал без былого запала и энтузиазма.

И вдруг, прищурившись уж совсем по-ленински хитро, воодушевлённый киношник выдал окрыливший его замысел.

– Знаете, мы снимем фильм! Триллер. По сюжету там священник будет исповедовать преступника... маньяка... перед казнью. И дух этого преступника вселится в этого священника... И, я хочу вас обрадовать, главную роль хочу предложить вам!

Отец Глеб не знал, за что хвататься: за голову или полетевшую на пол чашку с кипятком...

Джентльмены на выезде

Наша жизнь едва виднеется во мраке, как чьё-то лицо во тьме.
Тайна рождения, детские тайны. Смирненное кладбище.
Что нас призывает оттуда? Отчего мы молимся в рыданиях?
Мы закрываем глаза, протягиваем руки и распахиваем окно,
Едва болтающееся на петлях. Линия жизни. Ветка дерева.
Его руки и клятва, что он благословен среди жён.
Боже, я люблю тебя.
*Patti Smith*¹¹³, «*Dancing Barefoot*».

– Коль, давай на твоей машине съездим в больницу? Там детей в том, тяжёлом состоянии... причастить надо, – вернувшись в алтарь после исповеди, обратился отец Глеб к протодьякону, – не бойсь, участие оплачивается лично мной.

– А когда?

– Да сразу после службы. Женщина пришла оттуда попросить. Там у них умирающий лежит... а заодно и других...

– Туда ж из монастыря кого-то приписали?

– Да она говорит, что он раз в две недели бывает. Соборует¹¹⁴ и причащает, да и то не всех... Натощак требует, блин, а сам после двенадцати часов дня только приходит. В общем – монах, сам понимаешь...

– Понимаю – одному возится тебе неохота и на троллейбусе ехать, что и понятно. На моей *Короллочке* куда приятнее! Ладно, разберёмся...

Вывеска: «Детская онкология». Скрипит тяжёлая дверь. Пациенты и их родители перетекают из палат к большому холлу с телевизором. Маленькие лысые головки высовываются отовсюду.

– Сюда, батюшки! Здесь у нас Сашенька, мальчик добрый и очень стойкий... Сколько перенёс – всё терпел и мало плакал. Всё маму жалел... и другие дети его очень любят. Он на днях отойдёт, врачи так сказали... Да он и сам знает... Мать решила не скрывать... – рассказывала провожатая, как выяснилось, бабушка одного из больных детей, ведя в конец коридора.

Они подошли к отдельному боксу.

Исхудалый мальчик лет шести едва дышит на не по размеру большой для него кровати. Рядом высокая женщина с заплаканным лицом. Во взгляде тяжесть смирения перед обречённостью...

– Его сначала причастите? – спрашивает провожатая.

¹¹³ *Патти Смит*, «*Танцующая босиком*». *Patti Smith* (род. 1946) – американская певица и поэтесса, считается крёстной панк-рока.

¹¹⁴ *Соборование или елеосвящение* – одно из семи таинств православной и католической церкви, заключающееся в помазании тела освящённым елеем, служащее духовным врачеванием от телесных недугов, а также дарующее больному оставление тех грехов, в которых он не успел или забыл раскаяться.

– Простите, вы мама? Я так понимаю, – обратился к заплаканной женщине отец Глеб, – а он проглотить сможет? Жидкое, капельку хотя бы.

Ребёнок полуоткрывает глаза. Резко и тяжело вздыхает.

От этого стало не по себе...

– Батюшка, он всё слышит. Мы тут молитвы с ним читаем... разговариваем... Он проглотить сможет. Правда, Саша? Причастисься?

Мальчик отвечает кивком.

– Давайте так. Все, кто причащаться будет, встанут здесь в коридоре. Мы все помолимся с Сашей, потом я поисповедую быстренько старших, потом Сашу и всех причастим, только столик нужно.

Провожатая бабуля-активист всё быстро организовала.

Отец Глеб разложил дароносицу, договорился с протодьяконом, что и как читать будут. Решили совместить несколько молебнов с чином причащения тяжко болящих.

– Дорогие дети и взрослые! Сейчас мы все вместе помолимся о Саше и о нас. Все вы слышали о пришельцах? Фильмы, мультики смотрели, да? Так вот, все мы с вами и есть пришельцы на Земле! Да, так и есть! Наша Родина не здесь. Все мы рождены для вечности, то есть навсегда, а не только для временной жизни здесь. И рано или поздно все мы уходим в эту вечность. Кто-то раньше, а кто-то позже... И очень важно уйти в эту вечность к её Творцу, к Богу, который есть Любовь. В мире очень много всякого зла, и важно всем нам поменьше испачкаться в этом зле. А если уж испачкались, то постараться исправить... – отец Глеб очень вдохновился. Говорил он легко, только всё время боялся усложнить и сбиться на непонятные термины и сложные объяснения.

Потом начали молебен. Потом отец Глеб исповедовал почти всех детей, пока дьякон читал *Правило ко причащению*. Первого причащали Сашу.

– Мама, а ты тоже умрёшь? – неожиданно спросил мальчик после причастия.

– Конечно, родненький! – не задумываясь, с какой-то радостной решимостью сказала мать.

Отец Глеб смахнул слезу. Он обернулся, чтобы начать причащать остальных. Прямо перед ним стоял полный молодой священник.

– Отче, отойдёмте отсюда!

– Я вас слушаю, – сказал отец Глеб ведомый за рукав неизвестным в рясе.

– Иеромонах¹¹⁵ Макарий. Моё послушание – приглядывать за этим отделением. Вы причащали умирающего – ладно! Но зачем вы собираетесь всё отделение причащать?! Они все завтракали, не готовились!!! Я приучаю к дисциплине! Слежу, чтоб всё по правилам было, а вы не натошак причащать собираетесь! Это как понимать?!

– Так и понимайте, отче. Меня позвали не к одному умирающему, и я причащу других. У вас нет права мне это запретить.

¹¹⁵ *Иеромонах* – в православии монах, имеющий сан священника.

– Ладно! – полное лицо монаха побагровело. – У нас в отделении лежит еретик-армянин. Смотрю, вы и его причастить собрались! Я предлагал ему и его родителям перейти в православную церковь, но они отказываются!!! Говорят, они и так христиане и не понимают разницы, хоть я и пытался объяснить! Упираются, что в Армении всё равно в свой храм ходить будут! Вы не должны его причащать!!!

– Отче, мальчик смертельно болен... Какая, в такой ситуации, разница...

– Какая разница?! – вскипел иеромонах, уже почти накидываясь на меньшего ростом отца Глеба. – Да вы что?! Вы где учились?! Это ЕРЕТИКИ!!! Вы хотите дать святыню псам?! Надругаться над святыми Телом и Кровью Спасителя?! Я не позволю!!!

– Какое надругательство? Это больные дети.. – срывающимся голосом начал было оправдываться отец Глеб.

– Отец Макарий, на пару слов! – вдруг командным тоном перебил его протодьякон. Уводя иеромонаха в холл, он махнул отцу Глебу, – причащай, де.

– Эх, спасибо Пельменю-дружбану! Славную *Короллку* он мне подогнал, когда на *БМВ* пересаживался! А ведь мог продать! Не-е-е! Мне спонсировал, – не мог нарадоваться на свою новую машину дьякон, открывая её.

– И как же те удалось? Он же совсем озверел уже, этот аэромонах! А пока я причащал, его и след простыл... – удивлялся отец Глеб, усаживаясь в машину.

– Да чё там... Я ему сказал, что у меня полпатриархии родственников и знакомых, и что его живенько из Москвы выпрут, если я только скажу... Он ещё чего-то завякал про каноны, а я ему вломил легонько под рёбра и сказал, что я его урою прямо здесь – и мне ничего не будет. Доступно так объяснил! Он сразу и свалил, просрамшись.

– Ну ты даёшь!

– Да мне насрать, таким же не объяснишь по-другому...

– Слышь, там родители денег накидали... Я отказывался, но они сказали, что обидятся, если не возьму... – отец Глеб стал доставать из кармана мятые купюры, – Распилю сейчас пополам...

– Не-е, бать, бери всё себе!

– Да хоть на бензинчик-то возьми!

– Нет, не возьму! *То бензин, а то – дети!* Помнишь *Джентльменов удачи*¹¹⁶? Ну так настоящий дьякон и есть такой *джентльмен!*

¹¹⁶ *Джентльмены удачи* – один из популярных советских полнометражных художественных фильмов, снятый в 1971 году режиссёром Александром Серым.

Исповедь и Вознесение¹¹⁷

Жизнь со вкусом и в роскоши крайней
И в разврате любые желанья,
А с раскаянья редкой слезою
Справлюсь легким движеньем рукою.
Iggy Pop¹¹⁸, Private Hell

– Ты завтра на поздней литургии сможешь обе чаши потребить, отец Николай? Я тогда на ранней причащусь, – просил молоденький, пары месяцев ещё не прослуживший, дьякон, старшего товарища, когда разоблачались после всенощной¹¹⁹ на Вознесение.

– Не называйте никого отцами, особенно дьяконов! И уж тем более, если сам дьякон. Не учили тебя такому в семинариях, Аркаш?

– Нет. *Отец дьякон* – вполне в ходу было...

– Да ладно, не парься. Потреблю или кто из батьков мне поможет.

– Слышь, а ты не знаешь, патриархия завтра работает?

– Ты чё? С дуба рухнул? В двенадесятый праздник¹²⁰? Патриархия? Ну, ты точно ладаном обдышался с непривычки! А чё те там так срочно понадобилось?

– Да я, понимаешь, все удостоверение клирика никак не получу...

– Да ты что?!! – изменился в лице протодьякон, – как же ты служишь?!!

– А что?

– Тебе ж нельзя! После месяца службы, если удостоверения нет, то служить не имеешь права! Это ж постановление такое патриархийное. Уже несколько лет действует.

– Ты шутишь...

– Да ты чо? Разве над таким шутят? Тебя ж за это под запрет запросто отправить могут! Настоятель знает?

– Нет...

В алтаре и так было душно, а после этого известия молоденький дьякон вообще побледнел как мел.

¹¹⁷ *Вознесение Господне* – один из 12 важнейших христианских праздников, отмечаемый на 40-й день после Пасхи.

¹¹⁸ *Игги Поп*, «*Мой личный ад*». *Iggy Pop* (род. 1947) – американский рок-вокалист, один из основоположников альтернативного рока. Считается крестным отцом панк-рока.

¹¹⁹ *Всенощная, Всенощное бдение* – в православной церкви вечернее богослужение в канун воскресенья и больших христианских праздников, продолжающееся всю ночь. В настоящее время проводится сокращенно. Полная служба проходит только в монастырях строгого устава.

¹²⁰ *Двенадцатые праздники* – 12 важнейших православных праздников кроме Пасхи: Рождество Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне, Успение Богородицы.

– Бегом к нему, пока он не уехал! Кайся! Валяйся в ногах! Проси прощения! Объясняй, что ходил, но не попал, но на следующей неделе получишь, чтоб он на тебя не писал пока докладную, а то, если он от кого другого узнает, что ты скрывал... Конец тогда тебе...

– Но ты же не расскажешь? – с испугом и надеждой в голосе пролепетал Аркадий.

– Не знаю, брат... Я с тобой под запрет не хочу... Так что – беги скорее к настоятелю, если сегодня не скажешь, то завтра может быть поздно!

– Ну что ты человека напугал так? Хватит уже прикалываться! Смотри, он и впрямь уже собрался бежать и под настоятельские колеса бросаться, – не выдержал укладывающий рядом своё облачение отец Глеб.

– Ну, блин, бать! Зачем такую разводку обломал?! Аркаша бы мне сейчас бутылку выставил, чтоб я на него не стукнул... Ты ж поверил, правда, Аркаш?

Бледность сменилась краской на лице молодого служителя культа, он ничего не ответил.

– Да ладно, тебе! Вырастешь – сам желторотых дьяконов подкалывать будешь, учись! Это, брат, наши православные традиции. А традиции – наше всё! – воздел палец к небу протодьякон.

Сирень на церковном дворе благоухала. Близкий закат наложил свои мягкие оттенки на окружающий мир. Пели птицы. Редкое время, когда в Москве не холодно, не жарко, а так красиво и приятно.

У крыльца приходского дома стоял отец Андрей, прислуживавший когда-то в семинарские годы в алтаре у весьма популярного в православной, особенно женской среде, отца Иосифа.

– Привет! Христос Вознесся! Как это ты после всенощной у себя в храме к нам успел? – приветствовал Глеб старого знакомого.

– Да я после канона отпросился. Сказал, что надо за лекарством ребенку заехать...

– Заехал?

– Да не, я к тебе... Мне поисповедаться срочно надо...

– Вот, понимаешь... Я уж домой собрался... Ну, пошли обратно в храм.

– Я тебя потом на машине подкину...

– И что ты ко мне-то зачистил? К отцу Иосифу или ещё кому пошёл бы... Вон, у нас Вячеслав – тоже с опытом батюшка, пьющий, правда...

– Да я тебе доверяю, а остальным не решусь всё выкладывать, ты ж понимаешь... А к Иосифу я уж давно не ходок, он человек святой жизни, ему нельзя такие вещи говорить... Как он мне тогда сказал, что в пост с женой, если захочу перепихнуться, то должен в гамак, и за окно, и как я представил себе этот *гамачизм*... ни ногой к нему с тех пор... Да я ж тебе рассказывал всё это не раз.

– Ну да, я как-то не подумал... Не знаю, зачем про Иосифа ляпнул...

Через полчаса они ехали по вечерней Москве. Отец Андрей был напряжен. Впереди затормозила машина.

– Ну... твою-то мать! Только исповедовался, а они так и норовят в грех ввести!

– После исповеди – всегда искушения, – сам не зная, иронизирует он или серьёзно, ответил отец Глеб и продолжил прерванный разговор, – затонировать стекла, говоришь...

– Да это не я, а Катя... Затонируй, говорит, батюшка стекла, а то неудобно в машине этим заниматься...

– М-да... Погоди, её же Надей звали?

– Надя – раньше была. А эта – Катя...

– Так это другая у тебя уже? Ну, ты даешь! Извини, конечно, но мне твоя исповедь анекдот напомнила. Приходит мужик домой, а там любовник у него в кровати. Он садится на стул, молчит, потом говорит любовнику жены: «Понимаю, я попал... Но тебе-то зачем всё это нужно?» Вот и я не понимаю, зачем тебе это нужно? У тебя – жена. Хоть и не ангельского нрава, но красавица, несмотря на то, что пятерых родила. И не отказывала тебе, насколько я знаю...

– Да не могу я её ни видеть, ни что-то с ней иметь. Стерва! Я ей говорю: «Заткнись! Слушай меня!» – а она продолжает мозг выносить. Я говорю: «Ща не замолчишь – в пост ДПС въеду!» – как раз мимо проезжали. Она продолжает. Я и завернул... крылом... Так она из машины выбегает и кричит: «Караул! Милиция! Помогите! Он меня убить хочет!» Представляешь?! Менты за автоматы, не знаю, чем бы кончилось, не будь я в подряснике...

– Да, уж... Но ведь ты тоже виноват...

– Да я понимаю. Но не могу я с ней! А Катя – она нормальная девчонка, дочь спонсора храма нашего... У неё уже два брака несчастных было, мы друг друга хорошо понимаем... Кончатся только она плохо умеет...

– Ну, этих подробностей мне не надо, а про понимание – и про Надю ты, помнится, то же самое говорил. Вообще... Знаешь, у нас у протодьякона такие же проблемы семейные. И он – не без греха по женской части... Ты не подумай, это я не тайну исповеди раскрываю, он и без исповеди мне рассказывал. Вот у него принцип: никаких романов на приходе! Хоть за ним и ходят девки табуном по храму... И вообще, веру в это дело не вмешивает, и, думаю, прав он. Если уж грешен, то не надо одно на другое нанизывать, а то такой винегрет получится и в голове, и в жизни... Да и стуканут в патриархию скорее с прихода... Дочь спонсора храма... Ну, ты догадался...

– Думаешь, я не понимаю? Я ж, знаешь, тебе кратко на исповеди про суицид... Я прям в келье нашей поповской повеситься хотел, на люстре... Теперь мы без света там сидим...

– Ну, ты ж знал, что люстра не выдержит? Зачем это всё...

– А ты хотел бы, чтоб выдержала? Не знал я... правда... Не думал даже...

– Вот и я говорю, пора тебе, дорогой, уже думать начинать. Ты парень-то добрый, заботливым можешь быть, чутким. Надо как-то что-то менять. Извини, что советы даю. Просто больно за тебя, и за твоих. Ну, вот и приехали, спасибо, что довез. Зайдешь? Света пироги обещала.

– Да не... Мне раннюю служить – отдохнуть надо... Спасибо за исповедь и понимание...

Чаепитие в коридоре

Ты смелый, а я такой,
я жду, я слежу за тобой,
три шага и мы друзья.
Кто дома? А дома я!
АуццИон, «Заведующий (Копорье)».

Настоятель очень редко заходил в то крыло, где были кельи-раздевалки на двоих для служащих отцов. У него были свои апартаменты в другом крыле. Отцы Вячеслав, Сергей и Глеб с дьяконом-Аркадием пили чай в небольшом общем коридорчике, как из-за угла как-то необычно тихо появился отец Константин.

– Чай пьёте? И мне налейте!

– Садитесь, отец настоятель, – вскочил дьякон, собираясь принести ещё один стул.

– Да я постою! – стоя в коридоре, ответил настоятель, – ты мне сюда чашку дай!

Это было уж совсем удивительно. Глеб с Сергием тоже поднялись со своих мест.

– Нет-нет, отцы, – сидите! Я сегодня уже насиделся, не хочу...

– Да где ж вы насиделись-то после службы?

– Сказал – не хочу! Сиди и не спрашивай, отец Глеб! – раздражённо ответил настоятель, – конфету лучше дай мне, вон ту!

Продолжить разговор никто не решался, пока снова не начал настоятель.

– А что, отцы, как живётся вам здесь?

– Тесновато немного вдвоём на семи-восьми метрах. Да и туалет, и душ бы один на всех не помешал, – начал было отец Глеб. Отцы ведь часто между собой говорили о своих стеснённых условиях, глядя на шикарные, с кабинетом, залом, несколькими комнатами и всяческой дорогой экзотикой, покои настоятеля. Всё собирались поговорить с отцом Константином и попытаться выжать из него хоть что-то, а сейчас момент показался удобным. И Вячеслав с Сергием могли поддержать. – Но... – глянув на настоятеля, Глеб тут же осёкся, –...но мы не в обиде!

– Вот, то-то! Не на что обижаться-то! Благодарить надо Бога, что есть у вас всё это. В советское время ничего такого не было! Отец Вячеслав, помнишь?

Второй священник утвердительно кивнул, а настоятель продолжил, обращаясь к Сергию, Глебу и Аркадию.

– Да... А вы, молодёжь, не видели этого. Староста на тебя смотрит, как хозяин. Сколько захочет – столько и заплатит! Чуть что не так: сказал что, да или просто какому стукачу чего не понравилось – уполномоченный на чеку! Объясняться пойдёшь! Меня тоже вызывали... Я ж, отец Глеб, тоже недовольным был, как и ты. Возмущался и всё хотел чего-то... Воскресных

школ... Книжки всякие нелегальные читал... Захожу, трое сидят. Один сотрудником совета по делам религий представился. Ещё один в гражданском – просто по имени отчеству. Гэбэшник явно. И отец Марк...

– Бывший благочинный? – спросил Глеб.

– Да! Старая школа! Его специально, как я потом понял, в кресло такое глубокое посадили сбоку, чтоб не лез особо. Ну, эти двое меня распекают, рассказывают, что было и чего не было. В общем, ясно становится, что одним разговором дело не обойдётся. Я и огрызался ещё... Вот этот, из совета и выводит: «Вы, – говорит, – Константин Евгеньевич, оказались не готовы служить в столице! Не осознали всей ответственности, возложенной на вас! Подверглись влиянию чуждых нашему обществу сил. Думаю, надо бы вам проветриться, послужить на природе, подальше от городов с их соблазнами». Тут отец Марк как-то быстро встал из кресла, не опираясь даже на подлокотники, и сразу уверенно так: «Позвольте! Отец Константин молодой, горячий, увлекающийся, но дело своё знает! Нареканий на него не так уж и много. К критике он чувствителен, и, я уверен, что выводы он сделает правильные, ошибки исправит и впредь будет разумнее». Так он им уверенно сказал, что они согласились, и меня не перевели... Вот, как жили! А сейчас? Вот вам и воскресная школа, и власть не мешает, помогает даже...

Дверь на половине настоятеля скрипнула. Отец Константин быстро посмотрел в ту сторону, потом поставил чашку.

– Ладно, отцы, пошёл я...

После того, как настоятель закрыл дверь на свою половину, заговорил отец Вячеслав.

– Да, уж. Всё так, конечно... Только отец Марк-то другом отца Евгения был, родного папы нашего Константина. Вместе после войны семинарию заканчивали. Так что не так просто он за молодого попа заступился... Да и вообще, не разводка ли всё это... М-да... И старосты, оно конечно, жали! Но я вот, дьяконом, четыреста рублёв получал! Начальнику цеха на хорошем заводе не всегда столько платили! А сейчас?... Аркаш, сколько ты получаешь? Да не отвечай... Тьфу... Ладно, мне тоже пора. Квартирку у новых русских освятить надо, может там хоть денег срублю...

– А я домой, пожалуй, – встал грустный молодой дьякон.

За чайным столиком остались Сергей и Глеб.

– Серёг, ты только подумай!... Откуда он про мои разговоры знает, недовольства?... Я же при нём или на проповедях шифруюсь, напрямую ничего такого не говорю...

– Ну, во-первых, настоятель у нас не дурак, сам знаешь. Тосты за Святейшего и весь этот пафос – одно, а дело – другое. Во-вторых, – Сергей оглянулся и продолжал уже тише, – Аркадий... Ты аккуратнее с ним... Он очень хочет в попы на твоё место... Постукивает он на тебя настоятелю...

Дверь настоятельской половины опять хлопнула. Кто-то вышел на лестницу. Отец Сергей встал и подошёл к окну.

– Иди-ка сюда, Глебушка. Видишь, вон машина с госномером отъезжает? Это – депутат. А вон другой джип с охраной! Кстати, охрана с ментовскими номерами, заметь! Это – Семёныч.

– Тот самый?

– Да, спонсор настоятельский. Но для него это – копейки. Семёныч – конкретный авторитет, чуть не пол-Подмосковья держит, не считая всего остального. Стрелка у них здесь была. Церковь – надёжное место вопросы решать щекотливые... А настоятель наш – на стрёме стоял, поэтому и к нам чай пить пошёл. Понял, как оно?!... А ты всё со своими шмеманами да соборностями, смешной человек...

Исповедь озверевшего батюшки

Возьми его в свои руки,
Пусть он поймёт,
Весь мир зависит от тебя.
Жизнь не закончится никогда.
Ты должна его любить.
Всадники бури,
Всадники бури.
*The Doors*¹²¹, «*Riders on the storm*».

Отец Глеб уже отслужил раннюю литургию. Окрестил десять человек. Теперь ему надо было бежать на позднюю – исповедовать. Один из батюшек их прихода в спальном районе Москвы от этой мерзкой октябрьской погоды заболел напрочь. Другой – задерживался в приписном храме: то ли требы какие, то ли косит, типа, *устал*.

Голова у отца Глеба раскалывалась ещё с утра. Теперь она превратилась просто в какую-то гранату с выдернутой чекой, которая может вот-вот взорваться.

Густой баритон протодьякона возглашал уже Мирную ектенью¹²² – значит, начали чуть раньше. Батюшка с ужасом поглядел на толпу исповедников: «Понаехали, блин, с дач своих, и всем причащаться теперь срочно надо», – пронеслось в его мятежной голове. Но, прочтя положенные по чину молитвы и перечислив некоторые из обычных грехов, батюшка обратился к прихожанам с совершенно другими словами.

– Дорогие братья и сестры! Апостол Павел учит нас относиться друг к другу с предупредительностью. И тем более такая предупредительность необходима на богослужении, при совершении таинств. Оглянитесь и посмотрите, сколько сегодня исповедников. Больше ста человек, а я – один, принимающий исповедь. Через час мне надо будет идти в алтарь, помогать причащать из второй чаши. Сколько же я могу уделить каждому времени? Посчитайте сами. Среди вас наверняка есть люди, которые первый раз на исповеди или очень давно, больше года не исповедовались, или имеют действительно тяжкие грехи. Давайте оставим время для них! И я прошу, кто первый раз на исповеди, больше года не был или у кого случилось что-то особенное, обязательно сказать об этом, когда подойдёте сюда на разрешительную молитву. Но всех остальных, коих большинство, прошу

¹²¹ Дорз, «Всадники бури». *The Doors* – американская рок-группа, созданная в 1965 году и оказавшая сильное влияние на культуру и искусство 60-х годов. Мистические, иносказательные тексты песен и образ лидера группы, Джима Моррисона, сделали её одной из самых известных групп своего времени.

¹²² *Ектения* – в православном богослужении название последовательности молитвенных прошений, одна из главных составных частей богослужения, входит в состав большей части богослужений в православной церкви. *Мирная, Великая Ектения* – предваряет большинство служб православной церкви.

обойтись общей исповедью, ничего не называть конкретно, кроме своих имён! Пожалуйста! Кто первый? Подходите!

Подошла начинающая по виду пенсионерка.

– Батюшка, вы знаете, я конфетку вчера съела, так не знаю, постная ли была? И ещё с соседкой мы...

– Подождите, – перебил её отец Глеб, – вы не слышали, что я говорил?

– Да я быстренько! Мне ж надо! Так вот, захожу я к соседке...

Сопrotивляться рассказам о соседке, конфетках, искушениях от просмотра сериалов и тому подобного у батюшки сил не было.

Так прошло минут десять, за которые исповедовались всего три-четыре человека. Боковым зрением отец Глеб видел, что очередь на исповедь за это время увеличилась ещё человек на двадцать.

Вот подошла молодая, знакомая на вид прихожанка. «Ну эта хоть должна понимать!» – подумал батюшка.

– Ваше имя? – спросил он, стараясь побыстрее укрыть голову исповедницы епитрахилью¹²³.

– Нет, отче. Подождите. Я должна покаяться!

– Что-то случилось?

– Понимаете, я вчера была у свекрови, и она ТАК на меня посмотрела, когда я её сковородку взяла! А я ведь не хотела её обидеть, но простить этот её взгляд до сих пор не могу...

– Всё? – почти вскрикнул батюшка.

– Нет, – ничтоже сумняшеся, отвечала исповедница, – я ещё сдобную булочку вчера съела и, когда муж телевизор смотрел...

– Простите, – перешёл на тихий рык батюшка, чувствуя, что граната в его голове уже взрывается, – вы слышали, что я говорил? Вам плевать на людей, которые тут стоят и у кого и впрямь что-то серьёзное?

– Но мне ведь надо... Я же...

Договорить он ей не дал. Как сеть набросил епитрахиль на несчастную и с силой наклонил её голову к аналою. Быстро читая молитву, батюшка, сильно ударяя пальцами, перекрестил голову исповедницы.

– Крест, Евангелие целуйте!

Отпущение грехов явно не принесло радости только что исповедавшейся. Она, поправляя очки, с обидой посмотрела на батюшку.

Когда-то отец Глеб был противником и обличителем общей исповеди, но теперь он громко обратился к толпе:

– Братия и сестры! Правила меняются. Объяснять я больше не буду! Но если кто-то ещё подойдёт сюда и будет рассказывать о бытовых, обычных грехах, вроде того, кто что съел и куда и зачем посмотрел, будет отлучён на сегодня от причастия и получит епитимью!

¹²³ *Епитрахиль* – принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа, длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь. Во время чтения разрешительной молитвы на исповеди, священник накрывает ею голову исповедующегося.

На успех отец Глеб не рассчитывал... но, он пришёл! Прихожане пошли живее и, если и говорили что-то не слишком уж особенное, то быстро, кратко и чётко, не задерживая очередь. Времени, хоть и немного, хватило уделить всем тем, кому и впрямь это было необходимо здесь и сейчас.

К началу причастия батюшка зашёл в алтарь. Настоятель храма как раз запивал после причастия.

– А-а, пришёл? Сколько исповедников-то?

– За сто пятьдесят где-то...

– Точнее считать надо, отче! *Где-то* – это в деревне, а здесь – столица! Ты что там на исповеди ворон считаешь, а не исповедников?... Ладно. Бери чашу, пойдём причащать.

Вышли причащать. Отец Глеб справа у иконы, с этой стороны специально отворяли обычно закрытую дверь храма и запускали на причастие детей.

– На правую руку положили, та-а-ак. Рот... ага... имя? Раб Божий, младенец Даниил, причащается Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа...

Алтарник ловко вытер рот младенца. Повезло: орущих и бьющихся младенцев на этот раз было мало. Один мегапупс саданул-таки чашу снизу ногой, но отец Глеб держал крепко. Тут раздался настоятельский крик:

– Нет, я сказал! Всё! Без разговоров! Не держите очередь.

Отец Константин опять не причастил Ларису, колясочницу с церебральным, иссохшую девушку лет двадцати с небольшим, которую мать привозила почти на каждую службу.

Уже пару месяцев, как её не причащали. Настоятель отлучил её от чаши за то, что она причащалась во время месячных. Кто бы мог подумать, что у этого едва живого создания они вообще могут быть... Собственно, настоятель и решил, что она специально решила похвастаться этим, когда после службы её подвезли к нему за благословением, а она громко и полученнораздельно произнесла:

– Ба-а-а-тю-ка-а-а-а, а нчехо, шэ я пхгичашалась, а у мя кровь тче...

На холёном лице протоиерея изобразились гнев и брезгливость.

– А чё ты на исповеди это не сказала?

– Забы-и-и-и-а, батг-хю-ка-а-а-а...

– Не забыла ты! Знаю, врёшь всё! Если б не болела – вообще проституткой бы была! Вот ты Бог и наказал, чтоб меньше грешила! А за враньё и глумление над святыней на пол года тебя от причастия отлучаю!

Младшие священники не решались перечить настоятелю, зная, что легко попадут под раздачу. Лишь бывалый и немолодой отец Вячеслав как-то на трапезе, когда отец настоятель подвыпил и раздобрился, в шуточной форме пытался попросить шефа смягчить свой гнев, что не стоит так уж строго с этой дурочкой.

– Шлюха она в душе, отец Вячеслав! И не говори мне ничего, знаю, что вы с Глебом хотите её причастить, но не вздумайте!!! Ты меня понял?! Отец Глеб, ты тоже слышал! С тобой, вообще, будет разговор короткий!

Глеб понимал, что выйдя за штат в провинции, на московском приходе он живёт на птичьих правах, а отец Константин близок к владыке и даже имеет

особое расположение патриарха... С тех пор отец Глеб проходил мимо Ларисы быстро и старался отворачиваться. Когда же она подъезжала за благословением, натужно улыбался и говорил, что очень торопится...

После причащения отец Глеб направился снова к аналою с крестом и Евангелием – доисповедовать тех, кто хотел только покаяться, не причащаясь. Ритм теперь был не столь бешенный: можно и выслушать человека. Но лимит времени всё равно был ограничен, надо было успеть на панихиду – помочь дьякону прочесть записки.

Последней подошла молодая девушка. Прыщавая, некрасивая и не обаятельная, затравленная какая-то.

– Знаете... я с детства на исповеди не была... Я из под Саратова, здесь учусь в институте...

«Могла бы и не говорить, по всему сразу видно, что из соседней общаги провинциалка».

– Я аборт сделала... вот...

То ли как-то она это сказала, то ли ещё что-то подействовало на возбужденную до предела психику отца Глеба, но его вдруг наполнило какой-то особенной тихой болью сострадания к этой несчастной дурнушке и её ещё более несчастному нерождённому ребёнку.

Ответил он не сразу... Собственно, самое главное и происходило в эти мгновения молчания. То понимание и единение в печали и, одновременно в радости, которые, если и можно описать и объяснить словами, то всё сразу опошлится, зазвучит искусственно и пафосно, настолько лишними окажутся слова...

– Вы... хорошо, что пришли... Я понимаю, что в общаге очень много романтических соблазнов, а вы молоды совсем... Сколько лет-то?

– Восемнадцать.

– И родители ничего не знают?

– Не...

– Ну и ладно... Грех большой, вижу, вы это понимаете и от этого страдаете... Но Господь милосерд и принимает искренне кающихся. Да и вообще больше понимал блудников и грешников, чем праведников, по видимости... – дальше батюшка говорил всякие банальности про покаяние, как изменение жизни, про необходимость помощи Божией через таинства Церкви и т.д. и т.п. Ему даже самому было неловко, что говорит не то, и как-то не так... но он понимал, что главное уже произошло...

Много лет спустя отец Глеб снова встретил и узнал эту девушку, уже повзрослевшую. Это было в одном из женских монастырей на престольный праздник. Отец Глеб исповедовал. Он уже давно не служил в том столичном храме. Поседевшего и пополневшего, в очках, она его не узнала. Не глядя на священника, она достала бумажку и начала читать, заправив прядь, выбившуюся из-под плотного платка.

– Согрешила нерадением о спасении, нарушением постных дней, сластоядением, смехом, имею своё мнение, непослушанием... Дальше – весь знакомый компот.

Отец Глеб попытался выйти на откровенный разговор. Он был уверен, что получится, что не могла эта девушка за какой-то десяток лет так засохнуть, что это всё внешняя шелуха, форма.

– А смех – разве грех? – улыбнулся он.

– О чём вы, батюшка? – бывшая студентка с удивлением повернулась к исповедующему священнику. Ледяной взгляд, строгая бледность, сжатая нитка губ, гневное всепонимание... Отец Глеб отвернулся... Как когда-то отворачивался, проходя мимо колясочницы Ларисы...

–...и, дорогие, за нашего Святейшего отца хочу тост предложить! За патриарха Алексия! Ему мы обязаны тем, что у нас есть. Ведь как звучит: СВЯТЕЙШИЙ! Он молится за нас, храм наш любит, сердечко за нас надорвал... Мы должны беречь сердце Святейшего! Не раздражать его! Проявлять послушание и понимание. Скоро престольный праздник, и мы должны как следует подготовиться к приезду его Святейшества! – громыхал подвыпивший отец настоятель.

Воскресная трапеза шла уже около часа, а отец Глеб только освободился после венчания. Он надеялся, что хоть сегодня обойдется без широкого застолья, и он в тишине и спокойствии поест после основной трапезы. Но к настоятелю опять приехали какие-то то ли бандиты, то ли депутаты, и обед устроили по полной.

«Нет худа без добра – зато выставили нормальные бухло и закусь». Усевшись, отец Глеб налил себе двенадцатилетнего вискарика...

После трапезы отец Глеб перезвонил по требам и перенёс их на другой день. Сил идти не было, тем паче, что вечером ему акафист служить.

Отец Сергей, тот, что служил сегодня в приписном храме, вышел после трапезы благодушным и позвал Глеба к себе в келью продолжить.

– Я лучше полежу, а то мне ещё на вечерню... – попытался отказаться Глеб.

– Да ладно те, чисто для дегустации... Мне такой коньячок перепал на освящении ресторана! Эксклюзив! Такого вообще в продаже нет. Потом жалеть будешь!

Сопrotивляться сил уже не было, да и аргумент был серьёзным. И вообще, настоятельское застолье хотелось запить чем-то хорошим в нормальной компании, а с Серёгой у Глеба отношения были почти дружескими. Отец Сергей был человеком позитивным и прямым в общении, а именно это зачастую восстанавливает лучше, чем провал в нервный и тупой сон между службами.

Коньяк оказался, и правда, выше всяких похвал. Опыянение от него было мягким и закуски он не требовал по определению, зато располагал к неспешному дружескому разговору у *камина*.

– Слышал, ты сегодня ударника-стахановца выдал! Хоть и с лёгкой дозой озверина на исповеди. Ты уж извини, что помочь тебе не смог... Покойника всё равно ждать надо было, а туда-сюда мотаться... сам понимаешь...

– Да ладно, проехали, – отвечал разомлевший Глеб, и, помедлив, продолжил, – знаешь... Всё нормально, правильнее сказать – обычно... Но, как

я подумаю, что мы с литургией делаем, а через это и со всей нашей верой... Ведь чего есть ценного в христианстве, среди кучи исторического и прочего дерьма? Так, прежде всего, это благодарение Творцу в Его любви, прости за пафос. А что у нас осталось? Требы, требы, требы... Моя исповедь, моё индивидуальное причащение. Всё моё, всё мне! Нет, это всё нужно, но нельзя же и литургию, наше главное общее, в собрание треб превращать! Предстоятель чёй-та там магическое читает, алтарники просфоры режут, хор свои трели заливает, народ на исповедь рвётся и о съеденных конфетках думает... не все, конечно... А ты стоишь и думаешь, только б успеть, чтоб от настоятеля опять не получить... Сплошной страх и хрень – а не любовь! И эту хрень мы сами и воспитываем, и нормой считаем. Какое у нас может быть христианство, если у нас такая литургия?...

Отец Сергей критически посмотрел на собрата, вздохнул.

– Ммм...не туда ты гнёшь, Глебушка, не туда... Что ты хочешь? Церковь изменить? Твоё это дело? Не, вроде всё правильно, но наше ли дело?! Ты чё? Святой? Нет. Такой, как все, только думаешь много, а семинарию не кончил...

– Ну, так я ж на сельском приходе свой семинарский срок оттрубил, среди леса без бабок... во всех смыслах...

– Я же тебя не укоряю этим! Просто в семинарии ничему ж не учат, кроме одного: *жить в системе!!!* А именно с этим у тебя проблемы, хоть ты и нормальный поп. Думаешь чего-то, мечтаешь, а надо не думать, а делать своё дело без лишних фантазий... Тем более у тебя детей сколько, и жена не работает. Ты ведь и за них отвечаешь.

– М-да, – насупился Глеб.

– Во-о-от! Значит, беречь себя надо, а не мученика, извини, из себя делать. Пошёл, например, исповедовать, сразу смотришь: с кем тебе приятно поговорить, кто потенциальный спонсор, кто только и ждёт, чтоб батюшке подчиниться и послушание во всём проявлять. От этих есть прок! А кто мозг тебе выедать будет, тех – гони! Ведь свалишься – тебе никто спасибо не скажет. Ты знаешь, сколько до тебя здесь служило и надорвалось? Где они? Сказать? Сказал бы, да матом в келье не хочу. И где те, что их рвали: «Батюшка помоги! Батюшка благослови!»? Все отвернулись! Чё не так: исповедь их не дослушал, крест слишком быстро дал, сказал не то, ещё что – всё тебе вспомнят, когда полетишь! А если и хорошее о тебе вспомнят, что толку? Скажут: «Воля Божия, раз начальство решило». И всё... А полетишь, если отношение не изменишь. Даже то, что шустришь, тебе не поможет. Шмеманисты и меневцы на хрен не нужны, даже если они правы. Партизана видно по глазам, так что хватит партизанить и выдумывать всякое такое... Будь проще, друг мой, будь проще! Но и понимай, что грешник, что не совсем всё по совести делаешь, тогда за

смирение тебе Господь воздаст! *Спаси себя сам, и вокруг тебя всё будет.* Знаешь же, как батюшка Серафим¹²⁴ говорил.

– Ты прав... отчасти... Но себя самого на вранье и подменах тоже не спасёшь... И грешник, и *так и надо* – это ж не смирение. А шизу заработаешь, как у каждого второго настоятеля... Бред какой-то... Ведь для чего мы в Церковь шли? Требы исполнять и бизнесом заниматься? Бизнес много на чём другом делать можно. Когда главное в загоне, когда везде подделки вместо настоящего... Вот и думаешь: почто это всё надо?

– Ладно, брат, – сказал, вставая, отец Сергей, – бизнесом?! А кто тебя в другой бизнес возьмёт? А? Никто не возьмёт! Так что маши кадилом и не думай много. А я сейчас кофе заварю. Через пятнадцать минут тебе на вечерню идти, а ты вона – распереживалси с хорошего коньячка-то...

Замолчали. Первый удар колокола заглушил громкое бульканье закипающего чайника.

Дьякон Аркадий разжигал кадило.

– А чего сам-то? Алтарника опять нет? – спросил отец Глеб, сделав поклон и приложившись к престолу.

– Если им зарплату не платят, зачем они ходить будут? Так, чисто для себя, когда захочется. Это дьякону деваться некуда. Ни зарплаты человеческой, ни треб, а на службу ходи...

– Ну да, ну да... – произнёс священник, а про себя подумал, – быстро Аркаша сдулся, только второй год из семинарии, а уже никакой эйфории, никакой поп-романтики. Оно понятно: быть вторым дьяконом с графиком пять рабочих дней в неделю, да ещё и на архиерейские и патриаршие службы постоянно гоняют. Ни денег, ни самореализации, ни возможности где-то ещё нормально подработать. Сплошное *послушание* непонятно чему и зачем. А настоятель поповства не обещает Аркадию, постоянно им недоволен и шпыняет по любому поводу... М-да... В этом мы с Аркашей братья – обоих он нас не любит...

– Ну чего? Сам кадило возьмёшь? А я пойду Предначинательный псалом почитаю, а то эти девки с клироса, сам знаешь, как затянут... – сказал дьякон Аркадий, раздув уголь в кадиле.

– Да, давай там как-нибудь – без исихазма¹²⁵...

Вечерня прошла быстро. Затем шестопсалмие, а после него... эх, нужно выходить на акафист. Аркадий знал, что Глеб не любит их, и пока на клиросе читали, сказал:

– Чё? Мучаешься? После такого напряжного воскресенья ещё и акапист, как ты его называешь.

– Да понимаешь, некоторые ещё ничего, особенно три древних. Но порой просто радуешься, что народ не врубается толком, что читают. Вон, акапист

¹²⁴ *Преподобный Серафим Саровский* (1754–1833) – один из наиболее почитаемых русских святых, иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевского женского монастыря.

¹²⁵ *Исихазм* – христианское мистическое мировоззрение, древняя традиция духовной практики, составляющая основу православного аскетизма.

князю Владимиру, по другому и не назовёшь... Написано там, что, типа, *возрадовашася византийцы ревностью по Богу Владимира*, когда он Константинополь осадил или взял! Язычник, блин, твою столицу осаждают, а ты радуешься, что он, вроде как, креститься хочет! Это ж полный бред!

– М-да уж...

– С другой стороны, понимаешь, людям-то живой молитвы хочется да и вообще радость ощутить. Ведь чувствуют же люди, что общение с Богом радость должно приносить, а не одно сокрушение о грехах, и всяческие терзания. Литургии-то нет, как общего служения, общего благодарения, общей радости – вот и заменяют её этим простым *Радуйся* акафистным...

– Ну ладно, выходить пора. – прервал священника дьякон.

После акафиста отец Глеб грохнулся в кресло справа от Царских врат. Начали читать канон.

– Отдыхаешь, бать? Ну, отдохни... А я постою, – сказал Аркадий.

– Да ладно, на канонах и по уставу сидеть можно.

– Кстати, о канонах. В смысле не тех, что на службе читают, а о правилах. Ты вроде говорил, что есть даже такой, по которому всех епископов судить можно?

– Да их много! Ведь у нас как каноны используют? Здесь читаем, здесь нет, а здесь я рыбу заворачивал. Что надо из них – то и возьмут. Вот я про что говорил... А если про епископов, тогда вот 59-е Апостольское правило: «Кто епископ, или пресвитер, или дьякон некоему от клира нуждающемуся не подаёт потребного: да будет отлучён. Закосневший же в том, да будет извержен, как – послушай – УБИВШИЙ БРАТА СВОЕГО!» – во как!

Глаза молодого дьякона блеснули.

– Да что ты говоришь! А я и не читал такого. У нас сейчас не то что алтарник, а и дьякон нуждающийся. У меня вон жена уже уйти грозитя от этой нищеты. Дьякона сейчас, сам знаешь, и на машине бомбят, и чем только не зарабатывают, а при этом им говорят, что не должен по канонам священник или дьякон работать, должен *от алтаря питаться*.

– Во-во. То, что работать не имеешь право, тебе завсегда напомнят, а про 59-е правило никто как будто и не слышал...

После службы отец Глеб хотел быстренько, бочком, смотаться из храма, пока никто и ничем не загрузил. Но одна прихожанка все-таки отловила его у выхода.

– Батюшка, вы мне обещали квартирку сегодня освятить вечером.

– Да? Вы знаете, я очень устал сегодня, может перенесём? Вам ведь не срочно... Никто ж не умирает?

– Да как же?... У меня сын... болеет... И вообще мне очень тяжело... – она заплакала, – жить не хочется-я-я... Вы б освятили квартирку, может, я хоть спать смогу...

Глеб посмотрел на неё повнимательнее. На простую истеричку она не была похожа, да и видел он её не первый раз, исповедовалась как-то у него уже, кажется, то есть не захожанка.

– Ладно, подождите, сейчас я соберусь.

Квартирка оказалось недалеко. Маленькая двушка в доме 70-х на первом этаже. За дверью слышна музыка. Прихожанка открывает дверь.

«Дорз! Давно не слышал...» – вздохнул про себя Глеб.

– Это у вас кто музыку слушает?

– Сын, батюшка. Я бы очень хотела, чтобы вы с ним поговорили. Он у меня... наркоман... А музыку сейчас попрошу его выключить. Коля! Батюшка пришёл, квартиру святить будет, ты музыку выключи! Выйди поздороваться!

Из комнаты вышел парень лет за двадцать вполне здорового вида. Больным или наркоманом с виду его назвать было трудно.

– Здасьте!

Глеб протянул руку.

– Здравствуйте, мы сейчас квартиру освящать будем, вы не хотите помолиться с нами?

– Ну... Я не верующий, вообще-то, но со свечкой постою, если надо...

– Коль, ну что ты говоришь? Ты ж с детства в церковь ходил... – вмешалась мать.

– Ладно, ма... Сказал постою, ты не волнуйся...

Священник следил за Колей во время освящения. Тот стоял и держал свечку совершенно безучастно. Чем-то этот парень понравился Глебу, хоть он никак не мог понять чем.

После освящения поставили чайник, Коля ушёл к себе, закрыл дверь.

– Батюшка. Попейте с ним чай, поговорите, может, он вас послушает?

– Он сам-то не против?

– Нет, что вы? Мы договаривались с ним... Коля! Батюшка с тобой чайку попьёт! Пусти его.

Дверь открылась. Чайник и две чашки, конфеты с баранками были принесены и оставлены.

– Я пойду, – пожилая женщина вышла и закрыла за собой дверь в комнату.

Священник подошёл к столу, на котором были рассыпаны кассеты. Один Дорз – больше ничего.

– Что, Николай, собрались вслед за Джимом¹²⁶?

– Да, – ухмыльнулся Коля, но как-то спокойно, без вызова, демонстрации или пафоса.

– Вы думаете это выход?

– Выход? Не знаю, но это честно... Я, знаете, тоже верующим был, мама меня ведь с детства в храм водила... А потом я не зону попал. Там мужики быстро объяснили, как что в жизни происходит, а не в сказках. Этот мир

¹²⁶ Джим Моррисон (1943–1971) – американский певец, поэт, автор песен, лидер и вокалист группы *Doors*. Употребление галлюциногенов, в частности LSD, оказало влияние на творчество Моррисона и *Doors*: мистицизм и шаманизм стали частью сценического акта. По официальной версии Моррисон умер от сердечного приступа, однако, точная причина его смерти не установлена: передозировка героином, самоубийство или инсценировка самоубийства ФБР.

слишком жестокий, чтобы здесь было место всему этому... святому... Добрый Бог не смог бы это терпеть...

– Но Господь Сам страдал...

– Ну и что? Теперь все от этого страдать должны? Ладно, не начинайте. Понимаете, я мать люблю, и мне её жалко. Она даже не знает всё, что я делаю... Она попросила, чтоб я поговорил с вами, вот я и говорю... А переубедить меня вы не сможете, я слишком много видел...

– Но и другие видели – и от этого к Богу приходили...

– Знаю, а у меня не так... Вообще, не тратьте силы, зря это всё... Я много чего плохого сделал... иконы крал и продавал на дозу...

– И это вы называете честным выходом?

– Нет... Джим иконы не крал... И, вообще, честно сторел, не обманывая никого... А вы никого не обманываете? У вас всё честно?

– Нет... – потупился Глеб, – знаешь, но Христос тоже не я... и не мы, в смысле люди из церкви... Думаю, вполне можно считать то, что ты мне сказал про иконы... и про себя... как исповедь. Я могу прочесть молитву разрешительную, думаю, тебе станет легче, что-то новое более светлое может открыться...

– Да пойми ты, поп, не верю я! А врать не хочу... Не, ты нормальный и всё такое, но я НЕ ВЕРЮ!

Глеб шёл по улице, представляя, как эта несчастная прихожанка будет хоронить своего единственного сына, ушедшего в открытую Джимом Моррисоном дверь. В голове крутилось: *Riders on the storm*¹²⁷ ...

¹²⁷ *Riders on the Storm* (рус. *Оседлавшие бурю*) – песня группы *The Doors* из альбома 1971 года *L.A. Woman*.

Отпетые священники

Вот тогда и настал,
Настал совсем другой день
Чтобы припомнить всё,
Вспомнить всё, не закрывая глаз,
С широко раскрытыми глазами.
Я никогда не закрываю глаз,
Ведь никогда не знаешь.
Что ещё предстоит увидеть.
*King Crimson*¹²⁸, «*Eyes Wide Open*».

- Отец Сергей, подвезёшь до метро?
- Садись, отец Глеб! Когда себе машину-то купишь уже?
- Куплю когда-нибудь...

Они выехали с территории храма. Шёл противный косой дождь. Прохожих почти не было, только недалеко от угла храма просил милостыню знакомый бомж. К храму его не пускали.

– Вот, вози тебя, а меня теперь ещё и в часть МЧСную настоятель посылает, – бухтел отец Сергей по дороге, – Раньше ж ты всё время к ним ходил на присягу и на беседы всякие, а я к ментам-срочникам, а теперь на меня и этих повесили...

– Извини, бать, это, наверное, после последней моей проповеди...

– Ты и там отличился?! И чему ж ты МЧСников научил, что в персоны нон грата тебя записали?

– Я им сказал, что они служат в ангельских войсках.

– Что??? – отец Сергей чуть не проскочил поворот.

– Они же – МЧС, ну я и сказал им, что они, как ангелы-хранители, призваны помогать и защищать в беде... Потом не выдержал да и добавил про Карлсона... Что помимо ангелов есть ещё такой летающий герой, и что служить в армии надо как он... типа, намекнул, что призываю косить, придуриваться и ни фиги не делать... по возможности... Я же общался там не один раз и с солдатами, да и с офицерами. У них там тоже муть и дурдом... Ну, а потом смотрю, как-то мало до кого мои намёки доходят...

– И чё дальше?

– Тогда я прямо и сказал: «Коси и забивай, но людей не забывай! Вот вам моё пастырское благословение!» Тогда только наконец дошло... Всем, в общем, понравилось, сверхсрочники некоторые даже разулыбались... Ну, а полковник взял и настоятелю рассказал... не особо вроде и гневаясь... Ну, типа: «Глеб у вас весёлый, с приветом, но надо бы, не переходя границы...» А наш в бешенство пришёл. Ну ты знаешь, как у него это бывает, когда что не по чину.

¹²⁸ *Кинг Кримсон*, «*С широко раскрытыми глазами*». *King Crimson* – британская рок-группа, созданная в 1968 году, музыка которой представляет собой прогрессивный рок. Название *King Crimson* – синоним Вельзевула, принца демонов.

– Батянь, ну на хрена, скажи ты мне? Не, ну шутки-прибаутки, понимаю, но ведь опять на рожон лезешь!

– Ладно, не читай нотации, без приколов у меня от всего этого вообще крыша съедет. Расскажи лучше, чего там, в приделе¹²⁹, икона всё мироточит¹³⁰? Я сегодня не заходил, – перевёл разговор отец Глеб, – думаю, молебен там ещё отслужить. Может завтра?

– Да, я прикладывался. С Николаем акафист вчера там прочли. Ну, и исследовали. Никак оно там ниоткуда взяться не может естественным путём. И ровно из глаз на лике! Но масло без вариантов – мироточит.

– Ну, а чё шеф?

– Да он зашёл один раз, но всё как-то старается не замечать, а то шум поднимется, в патриархии объяснять и вообще... А оно ему надо?

– Ну да, ну да...

Дождь лил ещё сильнее. Они остановились на светофоре. Молодая симпатичная девушка в коротенькой юбке, накрыв голову какой-то газеткой, быстро перебежала переход, стараясь аккуратно перепрыгивать через всё разрастающиеся лужи. Следом шла старушка с палочкой, уже зажётся зелёный машинам, а она всё никак не успевала перейти своими мелкими шажками. Глядя на неё, отец Глеб вдруг вспомнил, что хотел рассказать другу.

– Помнишь отца Петра? У него ещё Вадим, регент будничного хора, пел там в праздники.

– Ну да, крутой батёк! У него всегда всё в ажуре...

– Было... Теперь он отпетый священник...

– Блин, батянь, у тебя то войска ангельские, то священники отпетые... Неужто помер?

– Да, без шуток.

– Да что ты говоришь?! – перекрестился отец Сергей. – Он бухал, вроде... и немало...

– Не то слово! Да потом всё время за руль садился, к разговору о машинах. Один раз по встрече пьяный ехал – ждуть надоело ему в пробке! И – прямо в ментовскую машину со всей дури! Она на разделительной стояла... Ему офигевшие менты тогда пятнадцать суток дали. Он даже откупиться не смог...

– Жесть!

– Да... Добухался... Теперь дали им нового настоятеля из крутых патриархийных – так он зарплаты урезал, половину поувольнял, хамит всем... Оказалось, у отца Петра бизнес был. Чего-то с машинами мутил, автосервис что ли... Так он с этих денег не только в патриархию башлял, но и церковным своим приплачивал: кому на рождение ребёнка, кому премиальные, кому, если

¹²⁹ Придел – специально выделенная часть здания храма, либо пристройка к нему с южной или северной стороны для размещения дополнительного алтаря с престолом для богослужений.

¹³⁰ Мироточение – явление, связанное с появлением маслянистой влаги, мира, испускающего благоухание на иконах и мощах святых, которое считается чудом.

ещё что-то случилось... А теперь – ни фиги! Вадим, регент который, рассказал, что они к настоятелю новому после Рождественской службы пошли колядки спеть. Тот послушал и говорит: «Это вы на халяву пожрать хотите, ничего не выйдет!»... Вот так вот... Мертвечина у них там теперь...

– Мертвечина, – повторил, останавливая свою машину у метро отец Сергей, – ладно, Глебушка, хорошо мы с тобой пока не отпетые священники... во всех смыслах.

Ощущение дежавю

Мне больно отпускать тебя на волю,
Но ты никогда не пойдешь вместе со мной.
Шутки в стороны. Конец добрым сказкам.
Конец ночам, которыми мы не смогли умереть.
Это конец.
The Doors, «The end»¹³¹.

– Отец Сергей, открой...

– Ты чо, Глебушка, такой убитый? – Сергей впустил друга к себе в келью.

Тот сразу грохнулся на стул.

– Прихожанка одна... Я ей квартиру освящал. У неё сын наркоман... повесился. Подходила сейчас – отпеть просит...

– А чего ты так распереживался? Не впервой ведь. Отправляй в патриархию за разрешением.

– Да нет, не в том дело... У тебя выпить есть что-нибудь?

– Найдём... Вискарика или водку? Что будешь?

– Давай водку. Со мной-то выпьешь?

– Я, вообще-то, за руль. Но время есть ещё, посижу с тобой, раз уж такое дело...

Отец Глеб налил и выпил подряд две стопки, что на него не было похоже. Отец Сергей слегка пригубил от своей. Глеб помолчал, налил себе ещё, но пить пока не стал.

– Понимаешь... Она, мать то есть, этого наркомана, плакала, так смотрела... Да нет, не в том дело... Николаем покойника звали, а у меня уж не первый такой Николай... Тоже фигню какую-то говорю... Не о том...

– Батянь, ты чего-то того, заговариваешься. Понимаю, неприятно, расчувствовался. Николай этот – не первый у тебя самоубийца или наркоман, тоже понятно. Да и вообще, это ж теперь явление распространённое, а убиваться из-за каждого наркомана – никакого здоровья не хватит, да и вообще... У меня сколько друзей в Чечне положили из тех, с кем в военном училище в самоволку бегали, да на губе сидели! А кто уже после войны с собой покончил, а кто и без войны спился-сторчался... Что ж теперь? Нежности, извини, какие-то телячьи... Силы есть – молись, а нет... чего рассусоливать-то? Или я чего не понимаю?

– Эх, и понимаешь, и нет... Если по-простому сказать: бывало у тебя, когда ты с человеком не поговорил, не понял, что ему совсем хреново, а он после этого того... в петлю? – Глеб отпил еще половину.

– Блин, вона о чём ты... Не знаю за собой такого... Не помню – но и не исключаю...

– А я знаю, что точно! Однажды уже было, что человек ко мне пришёл, а я не услышал, не увидел, что ему помощь нужна срочно... Да и теперь тоже

¹³¹ Дорз, «Конец».

чувствовал, что что-то должен сделать... Может ещё раз прийти, поговорить... Не знаю. Тонкое такое взаимопонимание было... а я... Испугался, наверное...

Глеб махнул до дна.

– Отченька, ты не нажрёшься у меня здесь часом? – забеспокоился Сергей, но Глеб не обратил внимания.

– Да, это страх! Парень не боялся умирать, идти путём Джима Моррисона! Это путь саморазрушения, но без страха, а у меня – во всём страх! Вся моя вера из страха. Ведь как я к вере пришёл, знаешь?

– Нет.

– Я хипповать начал лет в шестнадцать. Однажды сидим мы у дружка одного на квартире и коноплю курим. Я косяк передал, а мне сосед и говорит: «Встань, закрой дверь, чтоб никто траву не учуял». Я встал и закрыл. Сажусь, а он мне снова: «Встань, закрой дверь, чтоб никто траву не учуял». Я встаю, закрываю, сажусь, а он снова: «Встань, закрой дверь...» И опять по новой, и ещё несколько раз так. Тут меня и прошибло, что я вечно теперь буду эту дверь закрывать, никогда это не кончится... И так меня пропёрло, что я ломанулся оттуда – меня уже в подъезде отловили. Я ничего не соображал – только боялся этой двери! Только б не такая вечность! М-да... Этот страх меня и в церковь первый раз привёл... Страх... Понятно, на исповеди мне объяснили, что это такой ад и есть: бесконечность без Бога... Дверь, кстати, я раньше с этим не связывал. Но это ж и есть *дорз* по-английски... Та ли это дверь?... Если боишься, то, наверное, она самая и есть: дверь страха... ворота в ад. Но Джим не боялся, и Николай этот... Точнее, не страхом руководствовались, понимаешь? А у меня везде, во всём страх! Мук адовых испугался и решил жить по-правильному, блахачестиво, понимаешь!

Заметно подвыпивший отец Глеб говорил всё громче, но Сергей не хотел его прерывать. «Пусть выговорится человек», – решил он.

– А что толку? Благодетельство из страха – это ханжество и ничего более! Бог здесь не при чём. Я к Нему-то не пришёл. Только они: Джим, Николай и все такие, как они. Они честны перед этой пустотой без Бога. А я картинки благопристойные себе нарисовал, обманываю и себя, и людей! А мне – страшно!!! Понимаешь?! И, главное, страх свой я этот берегу!!! Я ж этой пустоты у них в глазах испугался! Лезть в неё испугался! Честности их! За мирок свой уютненький, блин, испугался! Его не трожь! Ненавижу себя! Ненавижу всю эту лживость!...

Глеб налил ещё, расплёскивая водку мимо стакана. Маханул.

– Все эти разговоры, тёрки, дела, на славянском служить или на русском, это всё ффффигня! Мы играем, а не верим, не любим... Да что – *мы*! Я... Я вру и боюсь... Любви нет, а без неё один страх, ложь и мутотень!

Помолчали.

– Ладно, Глебушка, иди в келью к себе или, лучше, здесь у меня ложись. А я поеду... И знаешь... Не бери ты это всё в голову! Это уныние, и бес тебя искушает, вот. Да, грешные мы. Но не так же, что совсем уж... *Мутотень*! Где слово-то такое выискал?

– Отпою я этого Николая, безо всяких патриархий... Отдельно. Мать его позову и отдельно отпою... Как отец Леонид... И прощение у неё попрошу!

– Ложись, ладно уж! Ещё махани немного, если надо, да и ложись без помыслов. У тебя там в келье Аркадий... Чтоб ты ему чего не ляпнул, а он не стуканул – ложись здесь, а после разберёшься.

Глеб послушался. Выпил ещё и лёг на кровать Сергия, не снимая ботинок, отвернулся к стене и тут же заснул. Отец Сергей погасил свет и вышел.

Спасёт ли красота

Жара в городских Джунглях...
Ну, прежде всего,
Я даже не видел его лица.
Я не разглядел его лицо.
У него в руке был пистолет.
Уфф... Я подумал...
Это опасное место...
King Crimson, «Thela Hun Ginjeet»¹³².

– О! Здорово, Глеб! Сколько зим и прочих неприятных осадков!

– Привет! Да как-то так... учёба... семья...

– Да ты что? Женился? На Светке?

– Да, венчались тут у батюшки одного хорошего под Москвой. Мы, знаешь, тихо. Поехали сами, без родственников, всех этих пьяных *горько* и прочей мещанской тусни. Ну а теперь и распишемся. Она ж на шестом месяце уже у меня...

– Дык ты по залёту?

– Да не, Димк, ну ты что? У нас всё по-честному... Это она уже после венчания залетела.

– А-а-а-а! Ну это славно! А я уж думал ты того... перекрасился...

Глеб и его приятель-хиппи, Дима по прозвищу Дикобраз, стояли у кафе *Турист*, известной точке слёта всяких неформалов. Денег особо ни у кого не было, и в само маленькое стеклянное кафе заходили нечасто, но на близлежащих широких каменных подоконниках и приступках соседних зданий обычно кто-то всегда сидел.

– В общем, слушал ты *Кинг Кримсон*, – а теперь наслушаешься кинд криксон! Это я тебе со знанием дела говорю! Так что, предлагаю пойти выпить, пока не началось, – предложил Дикобраз. – Тут недалеко портвейн дают, но штурмом брать придётся.

– Ну дык пошли, не впервой! Помнишь, как на Гае на танке без башни за пивом ездили?

– А то! С этими работягами с танкового завода нам было по пути, они ведь тоже пиво любят... Но, не подкати они к ларьку, этак нам бы пива не дали! Типа: «Пива нету!» Но оно ж всегда так: если правильно идёшь, ветер тебя сам несёт. Ну, или танки...

– Ладно, помчались уже! И танки наши быстры... А то, глядишь, разберут всё...

Переулками они вышли к винному. На улице перед входом – толпа. В дверях магазина маячила фигура здорового бугая. Он пускал будущих и нынешних алкоголиков и прочих желающих выпить граждан внутрь

¹³² *Кинг Кримсон, «Thela Hun Ginjeet»*. Название песни представляет собой анаграмму к англ. *heat in the jungle*, жара в джунглях.

небольшими группами человек по десять-пятнадцать, дабы не сломали прилавки и не передавили друг друга прямо в предприятии советской торговли.

Где-то через полчаса, когда запускали очередную партию жаждущих, Глебу удалось проникнуть внутрь. Димка же остался по ту сторону мускулистой руки. Оно бы и ничего, но давали-то всего по две бутылки желанного *Агдама*¹³³ на брата, и тут, понятно, надо брать двоим. Дикобраз присмотрелся к бугаю и вдруг неожиданно воскликнул:

– Масёл! Это ты?

– Да... А ты кто, волосатик?

– Димка, из соседнего двора! Ну, помнишь, в Харитоньевском вы к нам приходили. Мы ещё снежную крепость слепили, а вы её брали! Ты всегда за главного был...

– Не, не помню. Ну да ладно, пролезай, давай, под рукой.

В это время в толпе раздался чей-то сдавленный голос:

– Ребят, навались! Он своих пропускает – а бухло кончается!

Герой дворов, подобно Антею, изо всех сил пытался сдержать напирющую толпу. Как ему это удавалось – было непонятно. На улице под сотню человек стремились пробиться к заветному прилавку. И тут Масёл не выдержал. Развернулся к толпе.

– Я, вашу мать, что, Достоевский, чтобы считать, что красота спасёт мир?! – и с этими словами он запустил тяжёлый кулак прямо в гущу толпы наотмашь. Ещё пару резких ударов – кто-то ойкнул, и толпа оттринула.

Довольные Глеб с Дикобразом шли по переулку возле Чистопрудного бульвара. Бутылки едва торчали зелёными горлышками из карманов длинного Димкиного плаща.

– Та-а-а-к... А ну-ка стоп, чмошники! Чё за дела? – произнёс коренастый коротко стриженный парень в спортивном костюме типа *Адидас*.

Друзей окружила группа гопников.

– Вас мама стричься не учила? А на руки что, б...ь, нацепили, как девки? А? Не слышу ответа?!

– Ребят, да вы что? Мы местные, я живу тут рядом, – попытался договориться Димка.

– И чо? Я не понял? Ты от того, что живёшь рядом, можешь, как говно по Москве ходить? – раскоचेгаривался главный гопник, – нормальные пацаны в армии, в керзачах дрочат, а вы на хрена такие нашей, б...ь, стране нужны? Не, ну если вас школа и комсомол не научили, то мы, б...ь, научим.

– Ребят, хотите выпить? У нас портвейн есть, возьмите бутылку, да и разойдёмся, ну чо вы? Все ж русские люди! – сделал свою попытку примирения Глеб.

– Чо, ханурик? Какой ты, нах, русский, а? Да ты ваще урод, вас убивать надо, понял?! Вينية ты и так отдашь, б...ь, и бабло. А потом мы вас обреем и Родину, мать вашу, любить научим!...

¹³³ *Агдам* – дешёвое азербайджанское крепленое белое вино, с 19% содержанием спирта.

Тяжёлая бутылка грохнула об асфальт чуть в стороне. Гопники на секунду опешили, но и этого хватило, чтобы вырваться из кольца. Глеб уже на бегу сообразил, что это Дикобраз бросил бутылку портвейна, чтобы отвлечь любителей Родины.

Дикобраз с Глебом неслись в сторону метро. Вбежали – снова звон бьющейся бутылки, когда перепрыгивали через турникеты. Заливистый свисток контролёра. Бегом вниз по эскалатору и быстро в вагон. Отдышаться. Ни ментов, ни гопников в вагоне нет. Ушли...

– Вторую то ты тоже специально грохнул? – спросил Глеб, когда они шли переулками, выйдя из метро на следующей станции.

– Не-е, выпала...

– Оно жаль, но вишь, как хорошо: я две в рюкзак спрятал – а ты в карман, но и то, и другое к месту оказалось!

– Это значит, что мы на правильном пути! – заключил Дикобраз, когда они заходили в тихий дворик Дворца бракосочетаний, где собирались распить спасённый портвейн.

– Вот интересно, не мог же этот твой Масёл, он ведь же такой же жлоб, как эти... читать Фёдора Михайловича. Это было бы оскорблением его дикого дворово-криминального принципа. А про красоту, что мир спасёт, слышал... И как-то даже по-своему реагирует, – рассуждал Глеб, откупоривая бутылку, – забавно! Ящик типа смотрит, а там ещё всё цитируют и Достоевского, и Чехова, что раба из себя надо выдавливать. Оно, наверное, и запомнилось ему... Может как-то вот так всё сдвинется?

– Не знаю... не думаю, что сдвинется. Как мода – пройдёт. Ты же чувствуешь, что всё это не глубоко, так... Да и раба выдавить разве каждому под силу? А главное, оно им надо?

Они расположились на дальней от прохода в сад скамейке под старинным деревом, выпили. За ними на заборе, аккуратно напротив здания когда-то дворянской усадьбы, а сейчас места росписи молодожёнов, куда при хорошей погоде выходили только что сочетавшиеся браком пары, красовалось намалёванное чёрной краской известное слово из трёх букв.

– Как ты думаешь, кто это написал? Жених или невеста? – спросил, передавая бутылку Глеб.

– Думаю, это охреневшая от всего этого балагана старая дева, работающая здесь бракосовершителем, между двумя многолюдными свадьбами, полными таких же гопников, только переодетых в костюмы, выбежала сюда, и отвела душу. Так ей стало легче жить и работать, – ответил отхлебнув из горла Дикобраз.

– Наверняка! – улыбнулся Глеб. – Они живут в своей клетке, и им хорошо. Хотя на самом деле плохо...

– У них своя движуха – у нас своя. Мы знаем радость и за это платим. Наши счета выше, но мы и падаем глубже. Им продаться – ничего не поменять, а нам – всё потерять. Ты знаешь, как оно бывает...

– Это правда... Но я думаю... Господь нас спасёт! Ведь мы такие... прикольные!

Восставшие из кельи

Все лица знакомы, но каждый
Играет чужую роль
Для того, чтоб хоть что-то в этом понять,
Нужно знать тайный пароль.
Зоопарк, «Уездный город N».

– Не будет Святейшего у нас на престольный праздник, отцы. В Кремле службу вести будет. Поэтому и гостей будет немного. Владыку N только Его Святейшество благословил к нам, но на всенощной сегодня и его тоже не будет, только завтра на литургии. А сегодня секретарь его или зам какой-то, иеромонах. Вы с ним поосторожнее. Ну, сами знаете... – объявил отец Константин на обеде накануне престольного праздника.

– Отец настоятель! У меня язва обострилась... Я хотел отпроситься с поздней завтра – к врачу сходить. Раз уж и Святейшего не будет, да и протодьякон наш всё знает и умеет, и другие дьякона, наверное, будут... – решил использовать момент молоденький дьякон Аркадий.

– Не знаю, возьмёт ли Владыка протодьякона своего... Да и не положено дьяконам на престольный праздник гулять! Даже и по врачам. Так что и не думай! И что вы все такие хилые пошли?

Увидев вошедшего в алтарь перед всенощной иеромонаха, отец Глеб вздрогнул. Мороз пробежал по коже. Это был тот самый инок Афанасий, которого он исповедовал лет пять назад – тот случай он хорошо запомнил – только раздобревший и приосанившийся.

– Добрый вечер, отцы! Я иеромонах Афанасий!

– Проходите, отче, рады вас видеть! Вы же первый раз у нас? – выказал гостеприимство настоятель, – Вот, знакомьтесь: протоиерей Вячеслав, иерей Сергей, иерей Глеб, протодьякон Николай, дьякон Аркадий. Ну, а меня вы знаете, как зовут: протоиерей Константин!

– Митрофорный протоиерей, много замечательного слышал о вас и вашем приходе, – отозвался гость лобызаясь с настоятелем.

Потом он учтиво подошёл лобызаться к каждому из отцов. Отец Глеб старался в глаза ему не смотреть, но всё равно поймал на себе взгляд иеромонаха. Сомнений не было: отец Афанасий узнал его.

После литии¹³⁴, на кафизмах, отцы пошли запивать к жертвеннику. На престольный праздник настоятель не поскупился и выставил хорошего кагора без ограничений. Гость вёл себя дружелюбно, настоятель отошёл, и у жертвенника как-то само собой завязался разговор на вольные, но и не редкие для алтаря темы.

– Отцы, у нас-то ещё ничего, милостью Божией, а посмотрите, что на Западе творится! Все эти антиглобалисты с ума посходили! Все чего-то хотят,

¹³⁴ *Лития* (от греч. *Λιτή*, усердная молитва) – в Православном богослужении часть всенощного бдения, следующая за ектенией.

куда-то ходят! Нет, чтоб примус потихоньку починять. Вон, гей-парады, понимаешь, и прочая ерунда! Я б поубивав усих! – возмущался запивающий третьим ковшиком отец Вячеслав.

– Не, отче, антиглобалисты – они в чём-то и правы. И не так там всё просто. А геи? Они ж – безвредные, а часто и добродушные, что уж их бить-то? – вставил своё слово отец Глеб

– Отцы! Прошу к престолу, на полиелей¹³⁵ пора выходить, – воззвал настоятель.

Оборачиваясь, Отец Глеб увидел, что иеромонах внимательно следит за ним...

– Так, подтянулись, отцы! Отец Вячеслав – ты чо трясешься! Опять перебрал вчера?! Вот ведь некого больше с крестом поставить, – шипел настоятель, стараясь, чтобы стоящим рядом прихожанам не было особо слышно, когда на следующий день, как положено, при входе в храм все встречали архиеерея, – А ты, Глеб, поправь облаченье! Стоишь, как чмо! Эх, надо было тебя на исповедь послать, а Сергия служить! И чо я не сообразил?!... Так, всё! Идёт!

Архиерейская служба шла спокойно. Епископ был добродушен, всё время мягко перешучивался то с настоятелем, то с отцом Афанасием. Приехавших на престол отцов было всего трое: двое друзей настоятеля, тоже настоятели других храмов, и иеромонах Афанасий, приехавший с архиереем. Протодьякон владыки, как выяснилось, был отправлен в Кремль на патриаршую службу, но отец Николай, столько лет бывший архиерейским дьяконом, отлично справлялся, зная особенности богослужения до тонкостей.

Пока шла служба, Владыка всё косился на молодого алтарника, паренька лет восемнадцати, и, когда один из приглашённых священников читал проповедь¹³⁶, подозвал его к себе.

– Чем занимаетесь, молодой человек?

– Учусь в богословском на историческом факультете.

– В Тихоновском¹³⁷, наверное? Историей, стало быть увлекаетесь? Ну что ж, похвально! А дальше кем собираетесь стать?

– Пока ещё не решил...

– Что ж, надо определяться как-то уже... А девушка есть? Жениться собираетесь?

– Нет пока...

– И правильно! Не надо с этим торопиться... Вы ко мне загляните – я постараюсь найти вам послушание. Ну, и по истории у меня литературы

¹³⁵ *Полиелей* – в православии часть всенощного бдения, во время которой, все молящиеся прикладываются к иконе праздника, а священник рисует маслом знак креста на лбу каждого подходящего.

¹³⁶ *Проповедь* – речь религиозно-поучительного характера, произносимая священнослужителем в храме во время богослужения.

¹³⁷ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, высшее учебное заведение в Москве.

много... Я вам телефончик оставлю секретаря, отца Афанасия. Он батюшка добрый – через него надёжно, – сказал епископ поглаживая плечи потупившегося студента.

Глеб с Вячеславом переглянулись и тоже опустили взгляд...

– Отче, помоги потребить – совсем загибаюсь, – подошёл к Глебу в конце службы бледный дьякон Аркадий.

– Ладно, живи – одну чашу потреблю.

– Спасибо! Я-то с настоятелем уже договорился. А другую – Николай потребит, как обычно.

– Так, отцы! Все выходим на многолетие и поздравление! – скомандовал настоятель после возгласа, – Глеб! Можешь остаться в алтаре – потреблять.

Глеб остался в алтаре один, даже алтарники вышли. Из открытых царских врат доносился пафосно-величавый голос архиерея:

–...и, вот, дорогие мои! Господь выделил нашу Русскую землю, среди других! Сама Матерь Божия возлюбила её! Сколько подвижников, угодников Божиих взрастила наша матушка Святая Русь! И мы должны стараться хранить в себе этот благодатный огонь, переданный нашими предками, нам, недостойным! Не поддаваться на соблазны, которые в обилии льются на нас от народов, забывших свою веру, свои христианские корни, уклонившихся от истины и впадших во многие скверные грехи, и теперь навязывающих нашей Святой Руси свои заблуждения и скверны. Пропаганда насилия, разврата во всех самых мерзких его формах, о коих и говорить нормальному человеку стыдно, мы знаем, откуда к нам идёт...

Отец Глеб продолжал потреблять чашу у жертвенника и неожиданно ощутил сзади чьё-то дыхание...

– Я тогда ещё понял, что ты из наших и для вида на меня гневаешься, ну что ты? Всё хорошо будет, дорогой, – шептал сзади Афанасий, запуская руку отцу Глебу под фелонь¹³⁸.

В руках у Глеба была чаша с причастием. Он аккуратно поставил её и сильно ударил локтем назад. Попал под рёбра. Обернулся. Афанасий держался за бок и с недоумением смотрел на него.

– Боишься? Что ты, брат! Перестань! Хочешь, я тебе чашу помогу потребить, а вечером...

–...не поддавайтесь, братия и сестры, на сатанинский соблазн, льющийся в наши души! – громыхал владыка.

За открытыми воротами были видны лица прихожан, затаив дыхание слушающих архиерея у амвона.

Глеб, прикрываясь фелонью так, чтоб из храма не было видно, долбанул носком ботинка иеромонаху по голени.

– Ты чо? – пискнул от боли Афанасий, – Сам же вчера говорил, что не надо нас бить...

¹³⁸ *Фелонь* – верхнее церковное облачение священников для богослужения в виде парчовой, вытканной золотом или серебром накидки без рукавов.

– Я в другом смысле, имел ввиду не бить, – сквозь зубы прошептал Глеб, сжимая кулаки, – Я – не из *ваших*, понял?!

Праздничная трапеза продолжалась долго. Владыка никак не уезжал. Два храмовых сторожа, сидевшие в самом хвосте стола, поспорили, сколько будет тостов. Один предположил, что двенадцать. Другой возражал: «Больше!» Кончили считать на двадцати трёх... Много раз возглашалась Многая лета. Первый раз – патриарху. Потом – владыке, благочинному, настоятелю. Потом ещё многим, сидевшим здесь за столом. Закончили прокурором района. Пели несколько раз и Вечную память. После того, как пропели её *убиенному благодетелю храма сего*, отец Глеб предложил настоятелю провозгласить и покойному отцу Василию, на что настоятель возразил: «Сейчас не надо!»

Уже к вечеру довольный епископ наконец-то собрался уезжать. Его машину подогнали прямо к выходу из трапезной¹³⁹. Усаживаясь на заднее сидение вместе с отцом Афанасием, Владыка всех благословил и уехал.

Настоятель пошёл прощаться с гостями, а отцы сбились в кружок у входа в церковный дом.

– Вроде, настроение у него хорошее, с владыкой всё тип-топ обошлось, подкатим, насчёт праздничных, как договаривались? – начал отец Сергей.

– Да, народу много было, а затраты – явно меньше, чем если б святейший был на празднике. Так что резонно! – поддержал отец Вячеслав. – Настроение, опять же, у шефа хорошее... Только прежде, чем о бабках для нас говорить, я о зарплате для рабочих разведую! Прозондирую, так сказать... И, если всё нормально, тогда вы уже о наших праздничных. Так оно грамотнее будет.

– Все ведь идём? – спросил Глеб.

– Ой, отцы, только без меня... – скривил физиономию дьякон Аркадий, – совсем плохо мне... Я уж – домой...

– Давай! А бабло твоё мы поделим! – ухмыльнулся протодьякон, – ты и на службе-то едва чо-та лепетал, тебе и не положено!

– Да ладно, Коль! Плохо человеку – пусть едет! Главное – чтоб настоятель дал... – заступился отец Глеб.

Подстерегали у отца Глеба в келье. Она была ближе всего к настоятельским покоям. Дьякон Аркадий, деливший с Глебом комнатку, ушёл, и все остальные спокойно смогли разместиться в их восьмиметровой келье.

– Идёт! – сказал прислушавшийся у двери отец Сергей.

Отцы высыпали из комнаты и застали настоятеля отпирающим свои покои.

– А, отцы! Что вам? Заходите!

– Отец Константин, тут молдаванки-малярши насчёт оплаты спрашивали. Замучили, прям, неугомонные, – начал улыбаясь отец Вячеслав, – говорят,

¹³⁹ *Трапезная* – часть храма, хозяйственного здания или отдельно стоящая постройка на территории храма или монастыря для совместного приёма пищи, богослужений, а также общественных нужд.

будто вы копеечку им какую-то не додали. Сами подойти боятся – меня попросили...

– Да? Боятся они? Они и мне все уши прожужжали, прежде чем к тебе пришли. Наглые бабы! Сказал им – больше не дам! Как там они эти метры мерили – не знаю. Говорят, больше вышло! А я на какую сумму рассчитывал – ту и дал! У нас здесь храм Божий, а не благотворительная организация!

Отцы приуныли.

– Что-то ещё? – нетерпеливо спросил настоятель

Глеб понял, что никто больше заговорить не решится.

– Отец настоятель... мы ещё насчёт праздничных спросить хотели. Престол, всё-таки! А гостей немного было...

– Тебе как всегда больше всех надо! Из тебя твоё еврейство так и лезет! – неожиданно разозлился настоятель. – Нет денег! Всё на приём владыки ушло и на стол!

– Как же? Иподьяконов¹⁴⁰ всего трое было. Дьякона – наши. В прошлый год Святейший был, а нам всё равно перепало... – завёлся, слегка подвыпивший, отец Глеб. – Мы ж пашем, как надо! Вон, Аркадий вообще больной служил...

– А ты об Аркадии не беспокойся! Ты – о себе подумай! Оборзел больно!

Отец Сергей ткнул Глеба в спину – прекращай, де! Но Глеба уже понесло.

– Да? Эти пидоры всё сожрали, а батюшкам служащим и малой премии не положено...

– Какие это пидоры? – неожиданно понизил голос настоятель и внимательно и очень нехорошо посмотрел на подчинённого.

– Монах этот... секретарь...

– Не болтай ерунды! – приказал настоятель.

– Да и владыка... Будто вы не видели, как епископ к алтарнику подкатывал, а про иеромонаха этого...

– Что-о-о-о?! – заревел настоятель. – Ты что несёшь, пьянь жидовская! Я ничего не видел! Понял! И никто ничего не видел! – настоятель обвёл взглядом всех собравшихся. – А что ты выдумываешь тут... Ты лучше расскажи, как самоубийц отпеваешь!

Глеба прошибло холодным потом. Он неделю назад всё-таки отпел заочно того несчастного наркомана Николая. Перед этим он позвонил его матери и, узнав, что в патриархию за разрешением она так и не пошла, потому как плохо ей каждый день, пригласил её отдельно днём в храм и, не афишируя, совершил отпевание. Кто мог стукануть? Знали только отец Сергей и Аркадий, случайно, или, может быть, и не случайно, зашедший тогда в храм и всё интересовавшийся, что здесь делает отец Глеб...

¹⁴⁰ *Иподьякон* – в православии церковнослужитель, служащий при архиерее во время его священнодействий. Хотя не имеет священного сана, носит облачение и одну из принадлежностей дьякона, орарь, который надевается крестообразно через оба плеча и символизирует ангельские крылья.

«Аркадий, гад, сто пудов!» – понял Глеб и пробормотал, оправдываясь:

– Да это сын прихожанки нашей... Я квартиру им освящал... Неизвестно ещё... Возможно, это был несчастный случай...

– Ага! Наркоман, в петлю залезший дома у себя, и – неизвестно? У меня друг – прокурор района! Я всё знаю! Ты мне тут мозги не полощи, а то знаешь... Терплю я долго, но ты явно уже злоупотребил моей добротой... Думаешь, незаменимых у нас не бывает? Ошибаешься!... Всё! Уходите, отцы, мне переодеться надо!

– И что ты понесло-то? Явно, ведь, не тот момент был! – упрекал друга отец Сергей, когда перед их носом захлопнулась настоятельная дверь.

– Да, не знаю... Пидоры эти... Понимаешь... Достало уже...

– Ладно, отцы, я потом с ним поговорю. Может, и обломится нам ещё... Он часто так: сначала орёт – а потом и подкинет что-нибудь на бедность... Пошли ко мне в келью – стресс снимем, – предложил отец Вячеслав. Возражать никто не стал.

– Оно всегда так! Когда не с тем пьёшь – потом изжога! Вот и сейчас... – говорил, закрывая за собратями дверь своей кельи, отец Вячеслав. – Поэтому всегда лучше потом в своей компании ещё добавить, чтоб в нормальное состояние желудок привести... У кого чего есть?

– Я тут коньячку со стола прибрал... – отец Николай, не спеша, извлёк из какого-то потаённого кармана в недрах широкой греческой рясы аж две бутылки Мартеля, и добавил, – дьяконское дело – печься о столах! Шоб где надо убавлялось – а куда надо прибавлялось!

– Да, ты джигит, батянь! – восхитился хозяин тесной кельи, доставая рюмки, – вот и закусь. Шоколадка вот. Лимончик ещё есть... – Глебушка, ты что приуныл? Лишку сказал, конечно... но настоятель у нас отходчивый. А что жидом тебя назвал – мы ж знаем, ты нормальный парень, хоть и полукровка... А чо там с самоубийцей-то? Я не понял...

– Не лезь к человеку, батянь! Не видишь – совсем расколбасило чувака, – вмешался отец Сергей. – Давай лучше выпьем!

– Бывает, и ты дело скажешь, Серёга! С праздничком! – поднял рюмку отец Вячеслав.

Выпили.

– И чо ты правда с этой голубятней? Сам же знаешь, тема такая, что лучше не лезть. Да ты сам всю дорогу за толерантность и всё такое, а тут попёр: *пидоры, пидоры*, – сказал закусив отец Николай.

– Ну, ты тоже у нас вон какой разный человек бываешь – как будто двое! – отозвался отец Глеб.

– Да это ты только двоих знаешь, а во мне их больше! Это ты меня ещё прежним, до протодьяконства не знал... Ладно, давай ещё по одной!

– Это не заржавеет! – отозвался отец Вячеслав, наливая.

Выпили ещё. Кто-то – по полной, кто-то – не допивая...

– Да, блин, отцы... Афанасий этот...он ко мне приставал в алтаре... Так я ему накатил легонько...

– Ай да Глебушка! Ай да хиппи с пацифистом! Ты нам тут спьяну не буробишь? – развеселился протодьякон.

– Да нет...

– погоди, – встрял, бережно согревавший в ладони наполовину наполненный бокал с коньяком, отец Сергей, – это ж серьёзно! У тебя и так всё не слава Богу, а тут... Чо, по-другому нельзя было?

– Нельзя... Не знаю... Да вообще всё достало! Нелюди они какие-то! Не, ну все не без греха. Самому порой от своего дерьма тошно... Не лучше я всех их, правда. Но эти... Порода другая какая, что ли? Налей ещё!

– Эх, разошёлся! Ладно, добиваем, – протодьякон разлил по новой.

– Плохо это, Глебушка! И как ты всё время вляпываться умудряешься? – продолжал отец Сергей.

– Да ладно, Бог не выдаст – архиерей не съест! – бодрился отец Глеб.

– М-да... архиереи Христа распяли... как всегда... – запинаясь, пробормотал отец Вячеслав.

– Ох, бать, чо ж так развезло тебя вдруг? Ты ляжешь, может? – забеспокоился отец Николай.

– Намальна... сидим!

– Ну, сидим, так сидим... А то, что нелюди, знаешь, Глебушка, был у нас в епархии один поп-философ местный. Так он такую теорию выдал. Говорит: есть – люди, есть – человекоподобные, а есть – человекообразные. Ну, нелюди тоже встречаются, но это – редкость. Как и святые, – начал рассказывать отец Николай, открывая вторую бутылку. – Люди – это как Мария наша из трапезной. Всю жизнь пахала, людей любит, а грехов толком и не знает... Человекоподобные – это, как мы. То есть говно, конечно, но подобие человеческое в нас всё-таки есть. Не чужды мы его... А эти, ну, настоятели крутые, владыки, депутаты и вся хрень, они – человекообразные. Ну, как обезьяны. То есть видимость человеческую сохранили, а внутри... ну, тоже одна видимость, м-да... Ну, за человекоподобие!

– Давай! Забавная философия! Образ и подобие, но не Божие, а так... человеческое... – ухмыльнулся отец Глеб, выпив.

– Ладно, братия, вы сидите, а я пойду к себе лягу. Мне ещё за руль, до дому доехать надо хоть в ночи, – сказал, вставая, отец Сергей, – Коль! Ты здесь будешь?

– Да, только я шмотки свои заберу...

Протодьякон и отец Сергей вышли. Отец Вячеслав налил себе ещё...

– Я поставлю музыку, батянь? – потянулся к магнитофону отец Глеб.

– Валяй, чё-нть наше, хипповое!

– Зоопарк пойдёт?

– Ну, это уже ваше, русское... Лучше б фирменное. *Ролингз*¹⁴¹, например... Эх, помню мы с Борей и Майком¹⁴² выпивали на флэту в Питере, когда старец умер, и я из монастыря ушёл... Где-то в начале 80-х. Боря тогда в

¹⁴¹ *The Rolling Stones* – британская рок-группа, см. выше.

¹⁴² С Борисом Гребенщиковым и Майком Науменко.

академическом храме тусил с семинаристами. Потом всех разогнали... Да, а Майк, мне больше нравилось, как пел... Ставь...

Вернулся, переодевшись Николай. Отец Вячеслав уже почти завалился на кровать. Играл *Уездный город №*¹⁴³.

– Чо слушаешь, Глебушка?

– *Зоопарк*. В 83-м песню записали. Я чуть позже в первый раз услышал, и казалось, что она про что-то далёкое, нездешнее, зарубежное, что ли? Богемное... А вот, послушай!

...Волосатый малый торгует овец –

По этой части он спец

Он – главный компаньон коммерческой фирмы

Иисус Христос и Отец...

– Я из-за этих строчек потом не слушал эту песню – считал грехом, кощунством. А ведь и вправду оказалось, что всё это у нас – коммерческая фирма, а мы торгаши в ней. Да и вся эта песня – пророческая! Здесь главные слова: *Каждый играет чужую роль!* Вот и настало такое время, что все чужие роли играют в какой-то, как будто расслабухе. Но всем – плохо! Чужую роль играть плохо...

– Говорил мне старец: «Не женись! Не твоё! Будут скорби, что не вытянешь... В монахи тебе надо!» – а я не послушал... Как он помер – уехал обратно в Москву и не вернулся, а ведь знал! – заголосил с кровати отец Вячеслав.

– Ну, блин, у вас чо? Поминки начались! Раскисли! Я не для того коньяк тырил, чтоб вы с него нытьё устроили! Давайте-ка по рюмашке! – скомандовал протодьякон.

Выпили. Из магнитофона раздавалось ритмичное:

...Мы сидели с другом и пили вино

Занимались этим делом довольно давно...

Мой друг сказал: «Мы с тобою, Бодхисаттвы»¹⁴⁴.

Я ответил: «Да, но нам пора в магазин»¹⁴⁵...

На этих словах отец Вячеслав неожиданно соскочил с кровати.

– Вперёд! В магазин!

– Ну, блин, начался сериал *Восставшие из кельи*, – сострил протодьякон, – есть же ещё, что выпить!

– Нет! Вперёд! Я за бутылкой – и домой! – отец Вячеслав и впрямь начал быстро, хоть и пошатываясь, переодеваться.

– Его не остановишь... Пойдём, и мы умрём с ним! – согласился Николай.

¹⁴³ *Уездный город №* – четвёртый альбом рок-группы *Зоопарк*, записанный в 1983 году. Одноимённая композиция, вошедшая альбом, входит в число самых длинных песен, по крайней мере, спетых на русском языке, ее хронометраж 15 минут.

¹⁴⁴ *Бодхисаттва* (санскр., существо, стремящееся к пробуждению) в буддизме существо или человек, которое приняло решение стать буддой для блага всех существ.

¹⁴⁵ Слова из песни *Вперёд, Бодхисаттва!* рок-группы *Зоопарк*, входящей в пятый альбом *Белая полоса*.

– Да! *Вперёд – Бодхисаттва, к просветленью – вперёд!* – заорал отец Глеб вместе с Майком и пошёл к себе переодеваться.

На улице оказалось, что отец Вячеслав идти совсем не может. Пришлось отцам взять его под руки с двух сторон.

– Бать, может сразу тебе тачку поймаем? – предложил Николай.

– Нет! В ма-га-зин!

– Ну что с тобой поделаешь? Ногами двигай только, а то повис совсем...

В магазине к едва переставляющему ноги отцу Вячеславу подлетела какая-то накрашенная и порядком подвыпившая бабища.

– Батюшка! Родненький! Куда ты делся? Пойдём к нам! – и начала, отпихивая Николая, тянуть отца Вячеслава за рукав.

– Да? – растеряно произнёс Вячеслав и, наклонившись к Глебу, прошептал, – Я не помню, кто это, я хочу домой!

Ничего прям уж удивительного в этом не было. Отца Вячеслава знал весь район. Служил он здесь уже лет пятнадцать. Ходил безотказно по всем требованиям. Денег брал – сколько дают, но никогда не просил, а у совсем бедных и не брал вовсе. Где-то после домашних крестин или освящения жилья мог и зависнуть по серьёзному, с ночёвкой. Мог что-то и не помнить...

Бабища отставать не хотела и на улице. Все призывы отвалить, она пропускала мимо ушей и голосила:

– Пойдём, батюшка! Не отпущу тебя!

Так, вчетвером, они подошли к дороге.

– Держи его! – скомандовал протодьякон Глебу и стал голосовать. Машина остановилась. Баба заорала: «Не пущу!» и дёрнула едва стоявшего на ногах Вячеслава. Глеб не удержал его, и тот повалился прямо на машину. Выскочил водитель.

– Вы чо? О*уели? Он мне машину поцарапал!

– Успокойся мужик! Всё нормально! Ничё он тебе не поцарапал! Ты давай не борзей, а то я тя сам поцарапаю! – ответил Николай, пока Глеб с бабищей поднимали Вячеслава. – Сам никогда не выпивал, что ль? Забирай его – заплатим, или езжай!

– Ну да! Буду я такую пьянь забирать!

– Как ты разговариваешь! Это – батюшка! – заорала баба.

– Да мне хоть чёрт! отошли от машины моей!

Стало ясно: если не отделаться от бабищи – ничего не получится. Николай наклонился к ней и что-то прошептал на ухо. Та неожиданно побледнела и быстро свалила.

Остановилась ещё одна машина. Глеб договорился с шофёром и заплатил вперёд.

– Давай, Бодхисаттва! До завтра! – захлопывая дверь, попрощался Николай.

– Коль! Ты чо бабе-то сказал, что она свалила так?

– Не скажу...

– А я никуда не поеду, пока не скажешь! Говори, давай!

– Я ей сказал: «Это *мой* батюшка! Он со *мной* поедет! Я с ним буду спать!» – ответил протодьякон.

Расписание и жизнь

Но это были всего лишь мечты.
Стена была такой высоты,
Что не хватало взгляда.
И сколько раз не пытался ты,
Непреступной осталась преграда.
*Pink Floyd*¹⁴⁶, «*Hey you*».

На вечерню отец Глеб прибежал с опозданием. Задержался на требах. По дороге всё думал, что хорошо бы поменяться. Если на четверг служить поставят – надо жену с младшей к врачу отпустить. Дела у третьего ребёнка, дочка Нади, были не очень, а со старшими некому остаться. И что за манера у настоятеля расписание на неделю до воскресного вечера задерживать! Потом созванивайся, меняйся. Четверг ещё ладно, а если понедельник нужен, а ты и накануне не знаешь, будешь ли служить.

– Батюшка! С вами поговорить можно? – поймала его знакомая прихожанка.

– Извините, мне сейчас службу начинать.

– Я до конца не достою... Вы бы мне сказали, когда подойти на неделе...

– Да я расписания ещё не видел. Сейчас в алтаре посмотрю, настоятель положить должен был, и выйду – скажу вам.

На ходу завязывая по́ручи¹⁴⁷, отец Глеб дал возглас и вышел читать молитвы перед царским вратами. Хватая Служебник¹⁴⁸ с аналоя, увидел листочки – написал таки настоятель расписание.

Вернувшись в алтарь он быстро до каждения пролистал расписание. Странно, в расписании его не было. Ну надо же – забыл! Блин, только что видел настоятеля, а теперь – звони ему, напоминай...

Прихожанке пришлось сказать, что расписания пока нет. Позвонил после службы настоятелю – не отвечает. Да что ж такое! Звонил весь вечер – тишина. Часов в одиннадцать вечера позвонил отцу Сергию.

– Серёг, не пойму чего-то... Нет меня в расписании, а шеф не отвечает.

– М-да... Странно... Мне он тоже ничего не говорил. Забыл, надеюсь... а ща опять на какую-нибудь пьянку с генералами поехал, я завтра служу – узнаю.

– То есть, что значит надеюсь? Ты думаешь, меня вот так уволить могли? Без указа? Без вызова наверх? Без ничего? Не может же быть такого!

– Я узнаю, Глебушка, и сразу позвоню...

¹⁴⁶ Пинк Флойд, «Эй ты»

¹⁴⁷ По́ручи – в православии часть богослужебного облачения духовенства, предназначенное для стягивания рукавов подризника у дьяконов, священников и епископов.

¹⁴⁸ Служебник – богослужебная книга, содержащая тексты, произносимые священниками и диаконами во время богослужения.

После литургии, отец Сергей вышел из храма. Машина настоятеля стоит – значит на месте. Зайдя в трапезную, он как раз застал отца Константина пьющим чай. Сергей сел возле него:

– Отче, тут Глеб звонил... Его в расписании нет, вроде...

– Да. Нет – и не будет, – спокойно ответил настоятель.

Сергей не знал что сказать. Пауза тянулась, и первым продолжил настоятель.

– Да, и ещё. Вещи его к себе заberi пока. Аркадий к отцу Вячеславу переезжает, а в их бывшей с Глебом комнате бухгалтерия будет, а то ютятся где-то в коридоре, а к отчётности теперь серьёзные требования. Там и замок уже новый вставили. Со старостой пойдёшь вещи забрать Глебины, у него ключ есть.

– Да, конечно, отец настоятель, но... его куда-то назначают? Или...

– Или. В патриархии сказали, что его командировка закончена, и в Москве больше он не нужен. Пусть едет, где рукополагался.

– Но... это же за полтыщи вёрст... Это окончательное решение?

– Да. И не спрашивай меня больше, отец Сергей. Я всё сказал, а ты не дурак, – закончил настоятель, вставая.

Сергей отзвонился сначала отцу Вячеславу, тот был ошеломлён.

– Аркашку ко мне в келью? Блин, ну этого ещё не хватало! Глеба под монастырь подвёл, а теперь на меня стучать будет... Час от часу не легче... Ладно, надо ещё с настоятелем поговорить, может как-то отобьём Глеба.

– Боюсь, падре, не отобьём...

– Попытка не пытка. Вещи переносить будешь – поговори со старостой. Он к Глебу нормально относился, может чё подскажет...

Сергей позвонил Глебу, рассказал всё, попросил подождать пару дней.

Когда отец Сергей забирал вещи, то поговорил и со старостой Михалычем. Тот был тёртый калач – в органах проработал до самой пенсии. Толком о нём никто ничего не знал кроме того, что с отцом Константином он с самого начала в храме. Михалыч выслушал внимательно, сказал, что попробует поговорить и что-то разузнать у настоятеля, но ничего не обещает.

Глеб названивал каждый час.

– Серёг, ничего нового?

– Нет, я ж сказал, что позвоню, если что...

– Я, знаешь, думаю, может, мне в патриархию поехать... или в храм? Поговорю сам с настоятелем. Что он, как не мужик, – трубку не берёт!

– Сиди пока. Лучше не сделаешь, а хуже – можешь.

– А думаешь, хуже есть куда?

– Слушай, ты не психуй. Надежда есть. В среду Крестовоздвижение¹⁴⁹, и будет праздничная трапеза, но без широкого – день постный. Мы с Вячеславом попробуем выяснить и, если выйдет, поднажать. До этого никуда не вылезай...

¹⁴⁹ *Крестовоздвижение* – двенадцатый христианский праздник, установленный в память обретения Креста Господня, которое произошло, согласно церковному преданию, в 326 году в Иерусалиме около Голгофы, места Распятия Иисуса Христа.

Ближе к концу трапезы отец Вячеслав с отцом Сергием перемигнулись и Вячеслав начал.

– Отец-настоятель, мы, знаешь, насчёт Глеба... Он, конечно, глупости мог сказать, дерзил бывало, но парень же свой, проверенный...

– И что ты хочешь этим сказать? – окинул его тяжёлым взглядом настоятель.

– Ну... может, его как-то оставить у нас есть возможность... Ты ж связи имеешь в патриархии...

– Ответ короткий – нет.

Неожиданно продолжил староста-Михалыч. Все на него посмотрели с удивлением, ведь он никогда ни в какие дела не лез, да и вообще, ни за кого не заступался.

– Отец Константин, Глеб и вправду хороший работник. Сколько он у нас? Лет пять?

– С девяносто шестого – подсказал отец Сергей.

– Значит, уже семь. Вот время-то идёт! И за эти годы он не раз и выручал отцов, и в крайних случаях прикрывал, когда никто служить не мог... после праздников и по болезни... Выходил без разговоров. Прихожане его любят. Может есть какая возможность? Я тоже прошу.

– Михалыч! И ты туда же?! – начал выходить из сурового равновесия настоятель. – Не я решал, понимаешь? На нём косяков много! Прихожане, может, и любят, а доносы идут и повыше меня: то на проповеди чего залепит, то причащает неправославных в больнице, самоубийцу отпел... А мне это надо?! Поймите вы все! Его *вообще из Москвы* убирают, а не только от нас! А это уже не моего уровня решение, вы же знаете! Поэтому хватит об этом!

– Но, отче... у него ж дети малые, младшая больная, может есть возможность хоть какая? – продолжил атаку отец Вячеслав.

– А надо было служить, а не рожать! – жёстко ответил отец Константин.

И тут отец Сергей решил на последний аргумент.

– У нас и так нагрузка большая, мы почти без выходных служим, а тут человека убирают. Это не может не сказаться на службе. Может, есть возможность хотя бы временно его оставить... пока не пришлют кого. А там видно будет...

– Ничего! Пока послужите и так. А я рекомендацию Аркадию напишу на рукоположение в священники – походил три года в дьяконах и хватит! Нареканий на него нет. Биография – чистая. Думаю, епархиальный совет с первого раза пройдёт. А дьякона нам из семинарии ещё одного прислать обещали.

Дьякон Аркадий покраснел под недобрым взглядом собратьев.

– Спаси Господи, отец настоятель! – проговорил он.

Рядом сидевший протодьякон Николай не сдержался.

– Что ж, Аркаша, поздравляю! Услышал Господь твой стук... в Его врата! Заслужил, так заслужил! Дай те Господь по делам твоим! Аллилуйя!

Троллейбус, который ушёл

Мое место слева, и я должен там сесть.
Не пойму, почему мне так холодно здесь,
Я не знаком с соседом, хоть мы вместе уж год,
И мы тонем, хотя каждый знает, где брод.
И каждый с надеждой глядит в потолок
Троллейбуса, который идёт на восток.
*Кино*¹⁵⁰, «Троллейбус».

Дни шли за днями, сливаясь в единую серо-грязную массу. Дочке становилось всё хуже, и жена-Света всё время ездила с ней по больницам. Отец Глеб оставался на хозяйстве. Что-то готовил, как-то прибирал, много спал и в бессмысленном раздражении смотрел телевизор.

Иногда появлялись какие-то требы, старые прихожане что-то подкидывали на жизнь. Но из состоятельных, тех, на кого Глеб надеялся, что поддержат, помогут найти хоть какую-то работу – отвернулись все.

Все заходы на патриархию напрямую и через знакомых заканчивались одним ответом: «Вам в Москве не служить! Где рукополагались – туда и езжайте!» Туда он ехать не мог прежде всего из-за больной дочери, да и понимал, что уехать туда, значит уйти из семьи.

Устроиться на светскую работу тоже не удавалось. За тридцать пять, без опыта работы – ты никому не нужен. Машину водить Глеб не умел, в компьютерных программах не разбирался. Светины родители всячески давили, чтобы дочь развелась с таким мужем. Он это знал, но что мог сказать? Со Светой они почти не разговаривали, им было друг не до друга, каждый был заключён в собственную боль.

В окна светило яркое весеннее солнце. Первые секунды после пробуждения Глебу было как-то тихо и хорошо. Дома никого не было. Неужто это солнце и этот воздух могут так всё изменить в человеке? Как будто всё ощущение жизни изменилось, хотя ведь ничего не произошло. Надежд – никаких, а чувствуется окружающее живым, а не мёртвым и безнадежно мрачным.

Глеб включил телевизор и сел пить чай. Показывали Питер. Вот эти любимые улочки. А вот троллейбус. Глебу вспомнилось, как они со Светой первый раз поссорились тогда, в 88-м, когда поехали в Питер автостопом во второй раз. А из-за чего, и не вспомнить... Сели в троллейбус и не разговаривали друг с другом. Тут-то Глеб и придумал взять *Книгу жалоб и предложений*¹⁵¹, что стояла в специальном металлическом кармане за

¹⁵⁰ *Кино* – одна из самых популярных советских рок-групп 1980-х годов. Лидером, автором текстов и музыки был Виктор Цой, после смерти которого группа распалась.

¹⁵¹ *Книга жалоб и предложений, жалобная книга* – использовалась в советских и постсоветских предприятиях розничной торговли и сферы услуг для обратной связи с клиентом.

водительской кабиной, и написать туда от имени несчастного озлобленного советского человека.

«Я жалуясь не на советский троллейбус, который прекрасен в своей простоте и прямолинейности, а на врагов народа, лишивших честного труженика законной рюмки водки после рабочей смены. О чём я думаю сейчас по дороге к станку? О ней, о рюмке, и о жидях, лишивших меня её! Почему я уверен, что это сделали жида? Да потому что, этого не могли сделать наша партия и правительство! А рюмки нет... Есть лишь воспоминание о ней и печаль. А кому выгодна печаль русского человека? Только международному сионизму и прочей буржуазной сволочи! А предлагаю я, чтоб троллейбус наш шёл не на восток, как хотят некие наши прозападные псевдомузыкантшишки, а к коммунизму! А без рюмки туда дороги не найдёшь!»

Написав это, Глеб молча протянул книгу всё ещё обижавшейся Свете. Та заулыбалась, прочтя, достала ручку и тоже начала что-то строчить, потом передала обратно Глебу.

«Как же я не люблю эти грязные троллейбусы, но тут уж жалуйся, не жалуйся, на такси не уедешь. А люди? Кругом весна, цветы и я, такая цветущая и прекрасная, еду рядом с ними, а они не обращают внимания ни на меня, ни на весну! Вот этот, только что в эту книгу писал, такой суровый, но по-мужски симпатичный, о чём он думает так грустно? Может быть о девушке? А я стою здесь, а он меня и не замечает. И что я могу после этого предложить? Пусть в троллейбусе везде будут не окна, а зеркала! И везде буду отражаться я!»

Так они исписали полкниги жалоб, пока водитель не заметил и не наорал на них, чтоб убирались из троллейбуса. Но они как раз приехали.

До мастерской Антона оставалось каких-то минут пятнадцать пёхом. Как и в прошлый год, они хотели вписаться сюда на ночь.

– Заходите, ребята! – впустил их радушный и уже подвыпивший хозяин флэта. – Вы – вовремя! У нас тут весело, полно народу, вон и Густав¹⁵² из Кино сидит, может, из Митьков¹⁵³ кто заглянет на огонёк...

– А Цоя¹⁵⁴ не будет? – с надеждой спросила Света.

– Чурки-то? Вряд ли...

– А что ты его прям уж так *чуркой*... – возмутился Глеб.

– Да не парься! Это я в шутку... Знаешь, как я с ним познакомился?

– Нет, я и не знал, что ты с ним знаком.

– Это года три назад было. Концерт был сборный, а на него хрен попадешь. Ну, я ДК обхожу, думаю, где-то, наверняка, есть лазейка. Смотрю, чурка какой-то на балконе курит. Думаю, блин, чурка внутри – а я снаружи! Я ему и говорю: «Эй, индеец, подтяни меня!» Он молча руку мне протянул, да

¹⁵² *Георгий Гурьянов (1961–2013)* – российский художник и музыкант, с 1984 по 1990 барабанщик, аранжировщик, автор некоторых басовых партий и бэк-вокалист рок-группы *Кино*.

¹⁵³ *Митьки* – группа художников из Санкт-Петербурга, объединяющая около двух десятков человек и названная по имени одного из них, Дмитрия Шагина.

¹⁵⁴ *Виктор Цой (1962 – 1990)* – советский рок-музыкант, автор песен, художник, актёр. Основатель и лидер рок-группы *Кино*.

высоко было – не дотягивается. Я ему: «Ну, что ты! Я те свитер кину, а ты меня подтяни!» Он: «Давай!» – говорит. Подтянул в общем, хоть ему и нелегко было: я-то – здоровый, а он – щупленький такой. «Спасибо! – говорю. – Чурка лучший друг человека!» Тот мне ничего в ответ. Улыбнулся только. А потом я его на сцене вижу, это Цой! Я ж его и не видел до того... В общем, я его с тех пор *чуркой* и зову.

– Прикольно...

Отец Глеб сидел на кухне и улыбался маленькому телевизору, всё показывающему Питер. Дверь хлопнула. Вернулась Света. Он вышел в коридор её встретить.

– Знаешь... сейчас Питер показывали по ящику, а я вспомнил, как мы пятнадцать лет назад там гуляли, как в троллейбусе в *Книге жалоб* писали, а потом у Антона сидели, как нам было хорошо... Помнишь?

– Да я даже не хочу это вспоминать. Всё это из другого мира. Мы были другими. Глупыми и наивными... – отвечала, медленно раздеваясь жена.

Она прошла на кухню, совершенно бледная упала на стул.

– Ты бы лучше спросил, что с нашей дочерью, или ты со своими... переживаниями совсем о Наде забыл? Ты же знаешь, что мы сегодня к профессору ходили... Он тоже считает, что едва ли она и полгода протянет... Если сделать операцию – то шанс будет, но денег у нас нет... А у тебя всё троллейбус...

Где только мрак светит

Мыши в накопителе окурки в табакерке
В планетарном вырезвители последние берсерки
*Гражданская оборона, «*уй на всё на это».*

Дождливый день конца сентября. Отец Глеб сидел в боковом придельчике родного когда-то храма и хотел перехватить своего бывшего настоятеля после службы. Год назад отец Глеб узнал, что больше здесь не служит.

Народу в этом небольшом приделе, соединённом арочным проёмом с основной частью храма, не было. Во время службы сюда не пускают. Здесь обычно оставляют покойников, когда договариваются привезти их на ночь в храм. Тут и отпевают.

Как-то привезли одного мальчика лет двенадцати. Чернота проступала сквозь густой макияж, которым покрыли лицо усопшего ребёнка в морге. Он забрался с приятелем в подземную емкость, где хранился раньше бензин. Вылезти они уже не смогли, задохнулись парами. В новостях об этом случае тогда говорили каждый день. И пока несколько дней шли поиски, и когда уже нашли два трупа... И вот одного из них выпало отпевать отцу Глебу. Худшего отпевания он не помнил.

Беспросветная тяжесть висела в воздухе, как будто весь придел погрузился в эту подземную цистерну. У отца Глеба жутко раскалывалась голова, его мутило. Хор не мог собраться и стройно спеть давно выученные наизусть слова заупокойных песнопений. Люди плакали. Отец покойного мальчика был не в силах сдержаться. Истошные вскрики отчаянья, выплескивались из него с небольшими паузами и оглашали весь храм.

– За что?... Как мне жить теперь?... Господи! Ты слышишь? Я не могу этого вынести!...

Отец Глеб надеялся, что несчастный понемногу успокоится, но его возгласы становились всё громче – он уже кричал в полный голос...

– Давайте вместе помолимся и не будем сейчас предаваться отчаянию... – обратился к нему отец Глеб. – Молитва даст утешение вам и помощь вашему покойному сыну... Он ждет ее от вас.

– А вы знаете, что это – потерять ребенка?! – закричал заплаканный отец. – Я всю жизнь на него положил! Почему Бог так всё устроил?!

– Но сейчас мы ничего поделать не можем... Только помолиться... И именно это сейчас нужно ему... вашему сыну. Давайте продолжим отпевание, а потом я готов с вами поговорить.

– Я не могу этого перенести!!! – закричал мужчина.

– Тогда подождите за дверью, выпейте успокоительное, а мы закончим отпевание, – не выдержал отец Глеб. – В конце концов здесь и мать, и другие женщины... Им не легче вашего... Пожалейте их, возьмите себя в руки!

– Им?! Это МНЕ, МНЕ тяжелее всего!!! Я его больше всех любил! – закричал отец и зарыдал.

Священник не знал, что делать. Он не стал просить его вывести и продолжил отпевание во весь голос, пытаясь заглушить доносившиеся уже со всех сторон рыдания и вскрики.

Настоятель, отец Константин, произнес отпуст¹⁵⁵. Служба закончилась. Отец Глеб вышел из придела, как раз когда его бывший шеф проходил к выходу, раздавая благословения прихожанам. Протодьякон Николай, как и договаривались, отсек собой ретивых бабушек, и отец Глеб преградил путь настоятелю.

– Отец Константин. У меня дочь умерла, вам говорили... Я очень прошу вашего разрешения ее здесь отпеть!

– Я же уже передавал, что это невозможно... У тебя и ближе к дому храмы есть...

– Но я тут столько лет служил, и крестили Надюшу здесь... Здесь бы с ней и проститься... Да и вы знаете моё положение... самому отпеть в московском храме мне едва ли кто из настоятелей даст...

– Да знаю я твоё положение, но ты ходил, спрашивал, узнавал?... Может кто и разрешит, ты ж у них не служил... А у нас нельзя, отец, ты же понимаешь... Сам я подставлять храм не буду, не имею права. К владыке хочешь сходи, если он благословит...

– К владыке я едва ли попаду... Да и мне шоу не надо, я в этом придельчике тихо отпою – никто толком и не узнает, не подставлю я вас...

Настоятель опустил глаза и молча направился к выходу.

– Нет, – бросил он на ходу.

Глеб пошёл за ним.

– Да неужто я не заслужил, чтоб дочь мне отпеть! Мы ведь с вами из одной чаши причащались. «Христос посреде нас!» – сколько раз вы мне говорили за литургией... «И есть и будет!» – отвечал я. А Он есть... и Его нету, так получается? Ведь ничего такого я не сделал... Отец Константин! Ну как же это?

Настоятель всё убыстрял шаг. Уже подходя к крыльцу приходского дома, он обернулся, залезая в карман подрясника.

– На вот, отец, возьми на похороны... – сказал он, протягивая пачку сторублевок, – и пойми... в часовне на кладбище хочешь – отпой... Это максимум, что я могу сделать.

– В часовне... Мы ж не там, совсем в другом месте хороним, за городом... Спасибо, конечно, но не надо мне этого... и денег ваших не надо!

Глеб развернулся и пошёл, не оглядываясь. Уже за воротами его догнал протодьякон.

– Слышь?! На, возьми...

– На хрен мне его сребренники!

¹⁵⁵ *Отпуст* – в православии благословение молящихся священником после завершения богослужения.

– Возьми, говорю! С паршивой овцы хоть шерсти клок! Да тут и не только настоятельские... От меня ещё... Да бери ты! – скомандовал Николай.

Отец Глеб взял.

– Спасибо... Денег-то совсем нет... Больше настоятель ничего не сказал?

– Про тебя – нет.

– А не про меня?

– Да так... Говорит: «А ещё меня спрашивают, отдам ли я сына в священники! Никогда в эту дерьмовую систему не отдам!» В общем, о своем как бы... Ты это... отец Серега из отпуска вернется, мы ещё денежек тебе соберем... Ну, держись, в общем...

Отпевали на маленьком старом кладбище в подмосковной деревне. Фактически это был уже лес с могилами, теснившимися между высоких, облетающих деревьев. Света была оттуда родом, и дочку оказалось несложно и недорого подзахоронить к ее прабабушке.

Народу почти не было. Моросил дождик. Капли стекали по лицу покойной девочки, будто слёзы. У отца Глеба от этого ком подбирался к горлу, дыхание перехватывало... Выручал отец Андрей, подхватывал, не давая отпеванию остановиться. Старый приятель в последнее время стал заезжать чаще, вот и здесь помог. Один из немногих, на кого ещё можно было положиться...

Бледная Света, отрыдав накануне и проглотив гору успокоительного, стояла как вкопанная, уткнувшись взглядом в одну точку... Всё было бы ещё терпимо, и даже в чём-то хорошо, что отпевание на улице, а не в незнакомом каком-нибудь храме. Вот только невыносимый, сверлящий взгляд тёщи...

«А ведь у Светы что-то похожее во взгляде появилось... И ведь они правы...» – думал Глеб, стоя уже на краю платформы метро неделю спустя.

Он не мог все эти дни заходить в подземку. Гул мчащегося по тоннелю поезда заставлял его зажимать ладонями уши. Его просто сковывал ужас. Ужас вырвавшийся из подземелья. Он ощущал его физически. Материальный, невыносимо настоящий, устремленный... нет, не на него, а сквозь него, мимо него, даже не собиравшийся его замечать. Сам отец Глеб просто не существовал на пути этого материализовавшегося ужаса, он был глупым и случайным недоразумением.

Сегодня, подвыпив, он всё-таки смог спуститься в метро... Вот послышался отдаленный гул, доносившийся из темноты. Рельсы внизу манили. В них было единственное решение, остальное виделось какой-то запутанной глупостью... так... чем-то неважным... Он посмотрел во мрак тоннеля и стал истошно кричать навстречу этому всё нараставшему гулу выброшенные памятью слова: **уй на всё на это, и на *уй по трубе¹⁵⁶... в страну тьмы кромешной, в страну непроглядного мрака, где тьма, где нет устройства и где только мрак светит¹⁵⁷...*

¹⁵⁶ Строки песни Егора Летова из альбома *Долгая счастливая жизнь*.

¹⁵⁷ *Книга Иова гл. 10:21, 22* перевод А. Десницкого.

Дорога к морю

И печаль отступит,
И тоска пройдёт
Ноль¹⁵⁸, «Доктор едет, едет...»

– Ща уже! До границы недолго осталось!

– Да... – равнодушно отозвался Глеб, сидевший неподвижно, скрючившись у окна машины.

Его унылый голос и безучастность ко всему происходящему уже начали раздражать Антона. Семьсот с лишним километров от Москвы и всё такая вот мертвечина. Этот поп её прямо-таки источает. И сидеть-то рядом неудобно.

– Слышь? А ты помнишь, как ты к нам с Виктором в избушку приходил? Он ещё, гад, в картошку масло сливочное положил, а я как раз причащаться собирался! – сделал иконописец очередную попытку растормошить приятеля.

– Что-то было... – вяло ответил тот.

– Так я и не причастился тогда. Я ужинать не стал – нечем было. Ты ушёл, а я каноны читать начал, а сам злой, голодный. А Виктор вокруг всё ходит, довольный такой. Слово за слово, я и говорю: «На хрена картошку маслом заправил?» А он: «Тебе для смирения!» Ну я ему: «А я те потом в чай наосу для смирения!» А Витька, он же не терпит такого... В общем, подрались. Я фингалом потом две недели светил... Ну, а помахавшись, пошли за самогоном в пьяный дом...

Глеб опять равнодушно молчал.

М-да... И зачем Антон в это ввязался? Заехал в Москву по дороге в Крым и узнал случайно, что его старого приятеля, правда, с которым он последние годы не общался, выперли из храма... Да ещё ребёнок умер... Зашёл навестить. Глеб – никакой, даже Света получше выглядела. Глеб стал просить Антона отвезти его в дурку. Ну, а тот решил его взять с собой, как Глеб ни упирался... Блин, теперь весь отдых насмарку!

Российскую границу прошли быстро, хоть пограничник и цокал языком, глядя на постиранный паспорт Глеба. На украинской же началось.

– А шо ж у вас паспорт такой? Здесь же ж печать не читается... Отдыхать едем? На курорт по девкам? – начал первый пограничник.

– Да не, мы не по этой части, – ответил Антон.

– А по какой? – заинтересованно вступил в разговор второй.

– Да, блин, не в этом смысле... Просто отдохнуть.

– А чё ты всё отвечаешь, а этот с застиранным паспортом ваще не реагирует? Алё! Гражданин! Я вас в Украину не имею права пустить! У вас паспорт недействительный, печать не читается! Что делать будем? – намекал первый.

¹⁵⁸ Ноль – советская и российская рок-группа, основанная в 1985 году. Лидер группы, баянист Фёдор Чистяков.

– Ну, и не пускайте. Плевать, – равнодушно отозвался Глеб.

– Ну, а чё вы думаете? Это другое государство! Тут свои законы! Ща обратно тебя оформим и всё! – угрожал второй.

– Не, погоди, – встрял Антон, – это батюшка, он переутомился, ему отдохнуть надо, понимаешь?

– Батюшка? Православный? – заинтересовался первый.

– Да, православный! – ответил за приятеля Антон.

– А чё курит? Я видел... – засомневался второй.

– Не хотите пускать – не пускайте! Чего допрос устроили! – завёлся вдруг отец Глеб.

– Ишь мы какие нежные! Людей понимать надо, тогда и к тебе с пониманием! Ща оформим, ба-тю-шка, панимаешь! Батюшки – они другие, будто я их не видел!

– Не, ребят, мы всё догоняем... У вас работа нервная – у батюшки тоже... Я готов... с пониманием... – опять встрял Антон и недвусмысленно полез в карман. Первый пограничник сразу заметил этот жест.

– Ладно, зайдите внутрь...

Минут через пять Антон вышел с паспортом Глеба и проштампованной миграционной карточкой. Отъехали от границы.

– Много им дал? – спросил Глеб, решивший хоть что-то сказать выручившему его другу.

– Да ладно...

– Я те говорил, что не надо меня брать, со мной только проблемы...

– Слушай, я тя, правда, ща высажу! Понимаю – горе... Но нельзя же так... в себе это держать... и вокруг себя создавать... Ты хоть нажрись, что ль? Это ж свихнёшься с тобой до Крыма...

– Ну и высаживай, я ж тебе и говорю...

На обочине за заправкой Антон увидел хиппового вида паренька-автостопщика. Это был выход. Антон резко затормозил.

– По трассе подбросите?

– Куда? В Крым?

– Да, до Джанкоя.

– Садись, довезём. Хиппуешь?

– Та, типа того...

– Мы тоже в своё время.

– Дык свои! А у меня покурить есть, будете?

– Не, я за рулём. Глеб, может дунешь? Тебе не помешает...

– Не хочу...

– А я пыхну, с вашего позволения.

– Пыхти – мы хоть понюхаем! Сам откуда?

– Я местный, в Харькове учусь, а сам с Николаева. Ща к корешу, от Джанкоя недалеко, а потом домой, – с певучим южным акцентом объяснил паренёк.

– И чё, не боишься так траву возить?

– Та ла-а-адно, я ж почти со своего охорода. Шо б мне её не курить?

– А менты?

– Та ла-а-адно, они сами курят, это не у вас в России, здесь за это не содють...

Антон всегда водил быстро, можно сказать, даже лихо. А теперь он хотел за один день добраться до Крыма, так что выжимал максимум.

– Ваши документики, пожалуйста! Как же ж по населённому пункту вы за сто сорок едете? Это у вас в России так ездят? У нас на Запорожье так нельзя... Пройдёмте в машинку ко мне.

– От вляпались, – сказал уже заметно обкурившийся парень, – российские номера они любят! Ща с тебя трясти по полной будут, держись!

– А из меня особо не вытрясешь – я гайцам не даю, – сказал Антон, нажимая кнопку диктофона в кармане, и пошёл в машину инспектора.

– Понимаете, уважаемый, в Украине это серьёзное нарушение. Сто сорок – это за пределом вообще. Я даже ж и штраф за такую скорость взять не имею права. Я должен составить протокол, отобрать у вас права и направить всё это в суд. Сеходня суббота – они не работают, так шо вам у нас остаться до понедельничка придётся, а там уж, как суд решит, не знаю...

– Ну... а есть ли ещё варианты? – поинтересовался Антон.

– Та я не зна-а-а-ю. Какие ж тут варианты. Нарушение, ховорю, серьёзное. Вы ж могли в деревне курицу задавить, ну... или человека... Тут тысячи рублив мало буде...

– И что вы мне предлагаете?

– Та я ничехо не предлаха-а-ю. Это вы мне предложите, если хотите скорее отсюда на отдых ехать, а мы уж шо-нибудь зробим...

– Значит так! Во-первых, вы не представились. Во-вторых, на вас нет головного убора. В-третьих, я возмущён вашими предложениями и манерой разговора. Я остаюсь и пойду в суд жаловаться на вас.

– Та шо вы ховорите? Это я сейчас на вас всё напишу, шо вас вообще на пятнадцать суток посодют!

– Вот и давайте, а я пойду в машину на вас заявление писать. Кстати, у меня родственник в Киеве в МВД вашем работает, сейчас напишу и буду ему звонить!

Про родственника Антон конечно наврал, но сажился в машину довольный. Над гаишниками издеваться он любил, а тут ещё хотелось отыграться над кем-то из местных правоохранителей за взятку, которую ему пришлось за Глеба платить на границе.

Садясь обратно в машину, он почувствовал характерный запах. «Ё-ё-ё! Вся машина прокурена травой! А если гаец учует? Хорошо хоть я его записал, есть аргумент в запасе» – думал иконописец, доставая из кармана диктофон. «Блин! Не ту кнопку нажал!»

– Глеб, у тя ручка есть?

– На.

Антон достал листок, подложил книжку и стал старательно изображать, будто что-то пишет. К окошку подошёл гаишник незалежной державы.

– Шо, пишешь? Ладно, не пиши уже... На права...

– Не! Это как же я писать не буду, когда вы столько нарушений допустили?! Я буду жаловаться в вышестоящие органы! – говорил Антон, почти высунувшись в окно, стараясь загородить собой сидящего сзади укуренного парня.

– Ладно... – сказал сотрудник органов правопорядка примирительным тоном, протягивая в окошко машины вместе с правами сто гривен, – так договоримся?

– Русские туристы денег не берут! – провозгласил Антон вырывая права и быстро заводя машину.

Потерявший дар речи милиционер так и остался стоять с купюрой в руке.

– Это шо, я не понял? Ментяра тебе денех давал? – изумился николаевский паренёк.

Довольный Антон в красках рассказал, как дело было.

– Не, ну это ваще! Я ж такого ваще не слышал, шоб наш мент сам денех давал шофёру! Дак мне ж никто не поверит! – ликовал парень.

Глеб улыбнулся. Странное ощущение. Мышцы лица как будто забыли, как это делается.

Шелест сухих камышей

Нам и вправду пора идти.
Я слышу голос, который зовет, как и раньше.
Я слышу он манит меня домой.
Led Zeppelin, «Babe, I'm gonna leave you»¹⁵⁹.

Огромный гранитный шар. Красивый и старинный. Не было его здесь, Глеб это точно помнил. По этому переходу через дорогу на Сретенском бульваре он с детства ходил. Холодная и мудрая громада камня завораживала.

Блестящая новая иномарка на огромной скорости несется по улице. От ограды бульвара отделяется собака. Диковатая. Смесь овчарки с кем-то дворовым, одновременно и неприятная, и привлекательная своей простотой. Она с лаем бросается за машиной, как любят уличные псы. Слишком близко к машине...

Собаку задевает бампером, отбрасывает в сторону, прямо под колёса черного шикарного *BMW*, мчавшегося сзади. Глухой звук удара живой плоти о жесткий металл. Тело пса отлетает к ограде бульвара.

Ещё один глухой стук. Шар медленно скатился с небольшого, по пояс, постамента, ударился об асфальт, калеча трамвайные рельсы, ещё немного откатился и рассыпался прямо на проезжей части.

Глеб понял, что его надо обязательно собрать. Эта гранитная глыба должна быть целой, тогда всё будет хорошо, цельно, правильно... Даже у этого несчастного пса... Собрать, склеить... Чем клеится гранит?

Из-за угла появляется трамвай. С другой стороны – машина, сбившая собаку. Она развернулась и несётся прямо на Глеба. Шар рассыпается в руках в мелкую крошку. Это трамвай или машина ударились прямо в него...

Глеб дёрнулся, открыл глаза. Темнота, странный шелест.

– Что, брат, опять кошмар приснился? – услышал он голос Антона.

Постепенно сообразил, где он. Они едут с другом в Крым и остановились где-то между Запорожьем и Мелитополем в гостинице на трассе, а шелестит так странно сухой камыш, его много кругом. Огонек сигареты зажегся у открытого окна.

– Ты извини, я покурить захотел, открыл окно, а там теплый ветер с моря и степь, как будто рассказать что-то хочет... Столько разных ночных звуков...

– В такие ночи здесь где-то Махно скитался в надежде на другую жизнь, такую же свободную и свежую, как этот ветер... Впрочем, почему только ночью и именно такой? Это меня что-то спросонок на лирику потянуло... Кошмар, и правда, привиделся. Наверное, я от него и проснулся...

– Да, ты что-то возбуждённо говорил во сне, как тогда, помнишь? Ты у меня в Питере неожиданно пьяный появился, из окна мастерской ещё ссал... А

¹⁵⁹ Лэд Зеппелин, «Детка, я собираюсь покинуть тебя».

потом посреди ночи тебе привиделось, что ты у настоятеля своего в кабинете каким-то образом оказался...

- Да, это был всем кошмарам кошмар! Проснулся от сушняка, помню, что после трапезы в келье ещё добавили, а что в Питер поехал спьяну – забыл... Просыпаюсь – а тут картины и иконы кругом! Ну прямо, как у настоятеля в кабинете, я и подумал, что там, аж вскочил от ужаса... Смешная история, я потом отцам рассказал – так они угорали.

– Да, а я тогда на утро с тобой поругался из-за того, что ты так о патриархии и вообще происходящем в церкви... У меня как раз заказы на иконостасы косяком пошли... Каждый день владыки, батюшки солидные... Я вообще не понимал, о чем ты и зачем... Мы ж, почитай, после того случая толком и не виделись... Да я и не хотел тебя видеть... А за эти... сколько? Лет пять, наверное?... многое поменялось... Знаешь, у нас заказ один был в Сибирь. Детали иконостаса туда контейнером послали. Я его на месте жду, а железнодорожники адрес перепутали. Иконостаса всё нет и нет. Владыка, заказчик, и подумал, что я его кинул... В общем, конкретные ребята от него пришли разбираться... Дуло пистолета у виска – оно только в кино так романтично, а когда это твой висок... Тогда я и понял, что ты прав... во многом...

– Все мы такие – пока на своей шкуре не почувствуем, даже и видеть не хотим, где и в чем находимся... Человек вообще слаб и смешон...

– Да, это точно... Пока неопитами¹⁶⁰ были – всё таким простым и замечательным казалось. Да и правда, было много такого. А потом... Всё в тину опускается как-то... один к одному... Вера остается, но всё остальное в бизнес превращается. Так же и у вас, отцов, и у епископов... Многие ж из них такими же розовыми неопитами были... – Антон взял ещё одну сигарету, – а я снова женился, ты знаешь?

– Нет... У тебя ж пятеро от Ани!

– Ну да... А жили мы в сплошной злобе друг к другу. Она моих проблем не понимала, а я – её. Как раз после той поездки в Сибирь вернулся. Ну, догадываешься в каком состоянии, а она: «Деньги привёз?». Не, я понимаю, она вся в детей ушла и в хозяйство, но мне-то как со всем этим? Мне тоже на чём-то держаться надо... Надоела вся эта байда. А тут зашёл к своей первой... Там сын наш общий, уже за двадцать ему, а у него жена, девчонка-искусствовед. Симпатичная, добрая, со вкусом. У них не особо клеилось. Пацан мой с гонором больно – всё подмять её хотел... А передо мной она сама подмялась... да... Сначала вроде по вопросам искусства ко мне в мастерскую зашла. Потом ещё раз. А потом и осталась... Так оно вышло, брат...

Глеб молчал. Что было сказать? Осудить? Одобрить? Да и вообще, всё это наше житейское, временное, страстное – всё глупость какая-то...

Внизу в машине Антона спал местный хиппарь. За окном по бескрайней степи гулял ветер с моря. По оврагам ещё прятался туман. На небосклоне бледнели звёзды.

¹⁶⁰ *Неофит* – человек, недавно обращенный в какую-либо религию.

В гостях у Флинта

Нарушен ход времён,
И я плещу вином
Под проливным дождем с бродягами.
Какое мне такси, отправлюсь я пешком,
Лишь у чужих дверей погреюсь я с бродягами,
Ведь я такой же, как они, бродяга.
Tom Waits, «Rain Dogs»¹⁶¹.

Отец Глеб вышел со службы из маленького храма Георгиевского монастыря на высоком берегу Чёрного моря во время проповеди. На службе он стоял, как мирянин, и без подрясника¹⁶², которого вообще в Крым не взял.

Местный монах говорил о числе зверя, Антихристе, ИНН и всём таком, о чём отцу Глебу уж никак не хотелось слушать. Он пошёл на остановку автобуса в Севастополь, благо до его окраины, рынка на Пятом километре, было ехать минут пятнадцать.

Антон уехал на машине в Ялту, а Глебу не хотелось. Там и в октябре толчея, а здесь, на Фиоленте¹⁶³, спокойно.

На остановке сидели две пожилые женщины. Было так тихо, что он, даже стараясь стоять подальше, всё равно отчётливо слышал их разговор.

–...как же он мучился, Боже мой! Всю жизнь на флоте, и так с ним... Он же такой офицер! Я его все эти пятьдесят три года, что вместе жили, так любила...

– Да разве ж так бывает? Помню, и ругались вы...

– Редко. Только, когда я от него хотела, чтоб больше в семью нёс. А он никогда ж чужого не брал, никого обманывать не умел... Статный такой, благородный, всегда спокойный, рассудительный... Был бы карьеристом, глядишь до адмирала бы дослужился! А врать он не любил, всегда говорил правду в лицо, партработников бездельниками и обманщиками называл. Никогда не жаловался он... до болезни... А тут – такие боли! Врачи говорят: «Покупайте хорошее обезболивающее: от бесплатного государственного – мало толку!» И суммы называют, что просто... А где ж мы деньги-то возьмём?... Он терпел, сколько мог... Как-то я домой пришла, а он плачет... Никогда до этого его плачущим не видела... Говорит: «В разных передрягах был... и тебе не рассказывал, и виду не подавал... Но такая боль... Зачем всё это было? Служил стране, которой нет. Совесть свою не продал. А остались только боль и пустота...» Господи! За что ж ему все эти муки выпали!... Да... Сорока дней ещё не прошло... Так от флота ему даже и венки не прислали...

¹⁶¹ Том Уэйтс, «Псы под дождём».

¹⁶² Подрясник – длинное, до пят, с наглухо застёгивающимся воротом и узкими, в отличие от рясы, рукавами облачение священнослужителя или монаха.

¹⁶³ Фиолент – мыс на юго-западном побережье Крыма в Балаклавском районе, в 15 километрах от Севастополя.

Глеб отошёл ещё подальше. Он не мог больше этого слышать. Отвернулся в другую сторону и увидел на заборе надпись: «Бог любит тебя!» Его аж передёрнуло. В глазах помутнело. Время опять словно остановилось, и он снова полетел в бесконечном падении в пропасть...

Подошёл автобус. Глеб, как на автомате, зашёл в него, сел. Где-то сзади стали наигрывать на гитаре: слышались знакомые аккорды, раздался гнусавый прокуренный голос.

*С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде...*

В конце старенького, ещё советских времён *Икаруса*-гармошки, сидели пропитые ребята. Среди них выделялся один неопределённого возраста с ирокезом на голове, он и был источником звука.

*Видишь, там на горе возвышается крест,
Под ним десяток солдат, повиси-ка на нем,
А когда надоест, возвращайся назад,
Гулять по воде, гулять по воде,
Гулять по воде со мной¹⁶⁴, – надрывался панк.*

– Да замолчишь ты или нет! – заорала, без труда перекрикивая панка, женщина постбальзаковского возраста с химической завивкой на голове. – Это ж сколько можно! Не дома!

– Да они весь год сюда ездят и горлопанят! Нет, чтоб работать пойти! – поддержала другая пенсионерка.

– И голос-то какой противный! – включилась третья, помоложе.

– Та ладно! Пусть поют, хорошая песня, – встрял загорелый мужичок, с виду работяга.

– А шо, вам нравится? Вот вы с ними в такси и поезжайте!

– А шо, в такси?! Там радио водитель поставит – и ничего! Едете как миленькие! А здесь люди вживую хорошие песни поют!

– Да что в них хорошего?! Слова какие-то непонятные, и вообще... Мы вот с огорода домой едем, а не с рыбалки! – аргументировала первая.

– Да ладно, потерпите, скоро ж уже доедем! – встрял в разговор сам певец, от чего часть пассажиров улыбнулась. – Итак, всем пожилым людям, едущем в этом автобусе посвящается!

*Моя бабушка курит трубку,
Черный-пречерный табак,
Моя бабушка курит трубку,
В суровый моряцкий затыг¹⁶⁵ ...*

– А белый ниндзя спрашивает: «Ну что? Смог я побить рекорд?» А те ему отвечают: «Да ты вообще его закопал!» – и я тут даже засмеялся.

Это мальчик на сиденье перед Глебом рассказывал маме, наверное.

У неё ни черта не осталось,

У неё в кошельке три рубля... – несло из хвоста автобуса.

¹⁶⁴ Слова из песни *Прогулки по воде* рок-группы *Наутилус Помпилиус*.

¹⁶⁵ Слова из песни *Моя бабушка курит трубку* группы *Неприкасаемые* и Гарика Сукачёва.

А у окна сидела та старушка, вдова офицера. По её щекам катились слезы.

Глеб вышел из автобуса и остановился в задумчивости, не зная куда и зачем идти. Походил немного по рынку, разглядывая людей, прислушиваясь к их разговорам, чтобы отвлечься от своих навязчивых мыслей.

– Ну и что я здесь уже пятнадцать минут стою, а вы меня не обслуживаете! – раздавалось возле одного контейнера с бакалейными товарами.

– А шо я вам должна обслуживать? Не видите, я покупателю объясняю, как вот эти макароны лучше варить.

– Так вы меня отпустите и разговаривайте о своих макаронах.

– Это вы мне говорите, шо мне на моём рабочем месте делать? Это ж я сама решаю!

– Так и работайте! Товар продавайте, зачем вы здесь ещё стоите?

– А это не ваше дело, зачем я стою! Я вообще вас обслуживать не буду, вот так!

– А больно мне хотелось у такого продавца товар покупать! Я и сама в другое место пойду! Это что ж здесь за народ у нас в Севастополе злой!

– Сама вы злая! А не нравится – так и уезжайте! – торжественно заключила продавщица и продолжила объяснять технику варки макарон уже пожалевшему, что он их здесь купил, и не знавшему, куда ему деваться, явно приезшему мужчине. – Так вот, главное воду вы до конца не сливайте сначала...

Побродив по рынку, Глеб пошёл обратно к остановке. Он так и не решил, куда ему ехать. У ларьков играл тот самый панк из автобуса, и Глеб решил постоять и послушать.

Тот пел всякую русскую рок-классику и какие-то, видимо местные, баллады с заметным гопническим налётом. Глеб уже собрался было уходить и бросил в шапку парню десять гривен.

– О! Братан, спасибо! Вижу, ты тоже песни такие любишь? – оживился носитель ирокеза.

– Ну, так... Раньше слушал. Сейчас всё больше музыку посложнее, но в том же ключе...

– А пивасик пьёшь?

– Больше вино люблю.

– Ну, так пошли во Флинт! Посидим, побазарим за жизнь!

– Куда?

– Во Флинт. Это кафешка здесь рядом.

– Ладно, пойдём.

Панк быстро свернулся и они пошли.

– Меня Кирюха зовут, или Кир просто. А ты как зовут и чем занимаешься?

– Глеб. Вообще-то я священник...

– Та ну ладно! Брешешь! Священник рок слушает и в автобусе ездит? это ж анекдот!

– Среди священников и не такие бывают...

– А ты сам-то откуда?

– Из Москвы.

– Ну, тогда понятно! У вас там в Москве чё только нет! Я-то местный...

Они зашли в незаметную дверь в ряду палаток и магазинчиков и оказались в прокуренном кабаке. На покрашенной приторно ярким изумрудным цветом стене красовался календарь с котятами. У стойки прямо при входе стояла очередь, но Кир уверенно прошествовал мимо. Дальше было ещё два зала: налево и прямо. Они пошли прямо.

Здесь антураж был получше: пластмасса под дерево и круглые окна в виде иллюминаторов, выходявшие во двор. Единственное квадратное окно было в изумрудный зал, но его заложили кирпичом, а раму оставили. Почему-то Глебу стало от этого хорошо, да и вся обстановка была погружением в какой-то другой мир, хаотичный и диковатый, но не злой.

– Дядь Петь! Иди домой! – призывала густо-накрашенная женщина за прилавком едва стоявшего на ногах сухого старичка.

– А ты мне налей ещё сто – и я пойду... У меня деньги есть!

– Да если ты ещё сто выпьешь, то до дому не дойдёшь! Не налью, сказала. Ребят, вы чего будете?

– Ты чо пить будешь? – спросил Кир.

– Не знаю... Портвейн есть?

– Два стакана разливного и два пол-яйца! – заказал панк.

Женщина налила из довольно большого зелёного стеклянного бочонка два стакана. Глеб пытался разглядеть этикетку. Это было то ли *Три семерки*¹⁶⁶, то ли *Четыре семерки*¹⁶⁷.

– Заплатишь? – отвлёл Глеба от попыток вспомнить, когда же он пил *Три семерки* последний раз, Кир.

– Не вопрос.

Сумма оказалось столь смехотворной, что Глеб даже подумал, что хозяйка барной стойки обсчиталась. Нет. Просто, и впрямь, так дешево.

– Куда б нам сесть... А! Вон Димка сидит, тоже из Москвы, кстати. Диман, как жизнь? – поприветствовал приятеля любитель халявного портвейна, присаживаясь за его угловой столик.

– Нормально, я с работы сюда зашёл.

– Ну, ты ж у нас работяга – не то, что я... А это вот, батюшка Глеб со мной, из Москвы, земляк твой.

– Правда, батюшка?

– Да, – ответил, усаживаясь за столик Глеб, – сейчас не служу, правда... Вот с приятелем сюда приехали на бархатный сезон.

– В Крыму хорошо! Особенно сейчас... Я здесь уже лет пять живу, никуда не выезжаю. У меня в Москве квартира есть, но я её другу отдал – он

¹⁶⁶ *Портвейн 777* – известная марка дешёвого крепленого винного напитка крепостью 19%, как правило, получавшегося суррогатным способом. Выпускался в СССР, а в настоящее время – в странах бывшего СССР. В народе именуется *Три семерки*.

¹⁶⁷ *Портвейн 7777* – креплёный винный напиток крепостью 15%, название которого ассоциируется с широко известной и очень популярной в СССР маркой *Портвейн 777*.

женился, ребёнок... А мне – здесь лучше! Ладно, давай выпьем. За знакомство!
Я – Дима.

Чокнулись.

– Что? Прямо не сдал, а просто так отдал? – спросил, отпив полстакана
Глеб.

– Ну как... За коммуналку они платят, за квартирой следят вроде... Я-то из детдомовских сам. Мне квартиру эту дали за так... Детдомовским положено. А мы ж раньше ничего не знали, вообще жить не умели... Знаешь, сколько наших поубивали из-за квартир? Ну, а Лёшка, мой друг по детдому, в армию в Чечню загремел. Детдомовских туда ваще любили брать – ни родственников, никого. Не перед кем отвечать и похоронки даже слать не надо... Ну, а он как-то чё-то с документами не так сделал, его с квартирой и кинули. Меня, правда, тоже в Чечню хотели взять, но я не пошёл.

– Как не пошёл?

– Давай допьём, ща мне пожрать принесут – и расскажу.

– Ну, вы сидите, ребят. Смотрю, вам нормально, а у меня ещё стрелка на Приморском¹⁶⁸, – сказал, допивая стакан, Кир и, подхватив гитару, пошёл к выходу.

Портвейн оказался вполне приличным, и Глеб решил взять ещё.

– Не, я пивка. Я сам за себя заплачу, – ответил Дима на предложение Глеба взять и ему. Вернувшись за столик и отхлебнув, он продолжил.

– Я, как понял, что в Чечню набор, думаю, а чё я должен за их бабло умирать? Я хоть и малой, и из детдома, но понимал, чё это за война. Ну, я и начал дурковать. Сказал, что как дадут автомат, я всех офицеров перестреляю, потому что я анархист и ваще против войны. Они сначала всё грозились, что в казарме меня научат жизни и дурь выбьют, но потом всё-таки в дурку отправили... Во-о-от. А Лёха отслужил, вернулся. Ему жить негде, а он ещё девчонку с Кавказа привёз, русскую беженку... Она у него забеременела, я ему хату свою и отдал, тем более мне самому эта Москва – на фиг.

– А сам куда?

– Да я объявление дал в газетах: «Приму в дар дачу». Ну, мне чувак один приколся и развалюшку подарил в Подмосковье.

– Да ладно?!

– Хошь – не верь, но я правду говорю...

– Не, ты не обижайся, но, правда, тяжело поверить... Расскажи, дальше-то что...

– А чё рассказывать? Дачу я ту отремонтировал. Я ваще руками работать люблю... Люблю, чтоб без вреда для экологии. Стараюсь минимум новых материалов использовать. Оно дольше, но и дешевле, и правильнее... А потом я эту дачу другим друзьям отдал, а сам в Европу поехал. Правда, у меня тогда уже паспорта не было, и я так...

– Как *так*?!! Без паспорта?! А куда ж паспорт дел?

¹⁶⁸ Приморский бульвар – место прогулок в Севастополе, на котором любят собираться художники и музыканты.

– Да как-то сжѐг по пьяни, а восстанавливать не стал. Решил, что анархисту и без паспорта нормально должно быть. А границу между Белоруссией и Польшей перешѐл... Чуток на дереве от погранцов пришлось посидеть, потому что я прямо попѐрся... Это мне уже после местный парень-белорус попался, так он показал, где местные ходят. Ну, а потом – автостопом по Европе и дальше, в Марокко. Деньги аскал¹⁶⁹ или где подрабатывал по ходу... Я вообще хотел к Каддафи в Ливию попасть, он же тоже типа анархиста, говорят. Но ливийскую границу мне перейти не удалось – пинком под зад обратно в Алжир отправили. Ну, а обратно я через ту тропинку, в общем...

– Блин, клѐво! – сказал Глеб, разглядывая Димкины руки. Они и впрямь были рабочими. Правда это всё или нет, но так хотелось верить этому парню. – А как ты здесь оказался?

– Да как-то потом поехал стопом сюда да и остался. Сначала в Коктебеле при винзаводе работал, но потом понял – сопьюсь. Теперь здесь в Севасе завис, снимаю дачи и ремонтирую их, на жизнь хватает, и мне хорошо.

Глеб огляделся вокруг. Время будто изменилось, растворилось и смешалось, другие движения, другие люди. Вон сидят мужики – прям, настоящие Паны¹⁷⁰ из леса, а вот аккуратный пенсионер пьѐт пиво и тихо читает газету, как будто нет тут шума и дыма коромыслом, ему здесь тоже спокойно, шлюха-ветеран пытается кокетничать с пьяными небритыми работягами.

– Я люблю батюшек и начальников! – улыбается она, отворяя свой полубеззубый рот.

Вселенная, населѐнная людьми, но без человеческой власти, системы и порядка, кажется куда уютнее и даже добрее.

– Здесь будто Том Уэйтс все свои песни написал – произнес вслух священник.

– А, хрипун этот... Он клѐвый. А я знаешь, чѐ спросить хотел. Я сам некрещѐный, но такие иконки из дерева вырезаю иногда, когда охота... Продаю потом на набережной. Иногда и так отдаю, если вижу, что денег нет, а человек приколотся... Так ко мне тут из храма подошли и сказали, что раз я не от церкви, то не могу этим заниматься. Но я ж от души. Я Евангелие читал как-то, так понял, что Христос – тоже анархист, такой же в общем...

– Да брось, не бери в голову! Они это из зависти, – ответил Глеб.

– Нормальный ты... Хочешь со мной в Лисью бухту рвануть? Я там на недельку зависнуть хочу, пока тепло ещѐ.

– Давай...

– Через пару дней они грелись на мягком осеннем солнце в уже почти опустевшей Лисьей бухте. У Димы зазвонил телефон.

¹⁶⁹ *Аска́ть* (сленг.) – просить, образ. от *англ. to ask, просить, спрашивать*.

¹⁷⁰ *Пан* – в греческой мифологии сын бога Гермеса, первоначально почитался как покровитель пастухов, а впоследствии как покровитель всей природы. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородой.

– Алё? Да. Это я объявление давал, а что вы хотите?... Да, именно так, всё верно написано... Не, а что вам не нравится, я ж вас не неволю? Не хотите, не давайте... И что?... Ну... А земля она вся Божья... И зачем орать?... Я здесь на пляже лежу, а вы орёте, и я после этого ненормальный?... Ну, гуд бай... Аллах в помощь...

– Что это было? – спросил Глеб.

– Да я в местной газете объявление дал, ну как в Москве, что в дар дом приму... А местные, особенно татары, прям, с ума посходили! Звонят и говорят: где это я такой наглости набрался, и кто я вообще такой, что они за эту землю... ну и всё такое... А я им отвечаю... Ну, ты слышал...

Дорога и нежность

Звезды на косах.
О, я уже все забыл,
Ты уже все сказал.
Дом на колесах.
АуқиЫон, «Дом на колёсах».

Зачем он возвращается? Сколько таких же неудачников, не захотевших или не сумевших приспособиться к этой жизни, или решивших выпасть из неё, остались здесь, и вполне себе живут и устроились как-то. Сколько их Глеб повидал за эти два с лишним месяца на Мангупе¹⁷¹, да и вообще в Крыму. Семья, Света ему были родными, но уже какими-то далекими, из другой реальности... И зачем взял он билет до Москвы?

Бродя по привокзальному рыночку, Глеб никак не мог решить для себя, кто он: пес, возвращающийся к своим не самым лучшим выделениям или ответственный отец семейства и священник. Хотя, чего рассуждать? Он просто не может здесь остаться, вот и возвращается. Вино и продукты куплены, поезд стоит, включили этот дурацкий гимн: «Наш Симферопо-о-поль, ворота Кры-ы-ы-ма...»

Антон уехал больше месяца назад, а Глеб остался. Пожил в горах и на побережье, с хиппами, пулубомжовыми *индейцами* и приезжими художниками.

Место его оказалось у двери. Попутчицей была крупная женщина за шестьдесят. «Когда-то она, наверняка, была очень эффектной», – подумал Глеб.

– Как же они хлопают дверью, нельзя же так! – первое, что она произнесла, разобравшись со множеством сумок и коробок.

– Мы возле туалета... тут уж ничего не сделаешь...

– Как это не сделаешь? Вот смотрите, я объявление напишу – и они меньше стучать будут! У вас фломастер есть? Нет? Ну, тогда я ручкой...

Дама нашла в одной из своих сумок листок и принялась что-то старательно выводить. Закончив, она с гордостью показала результат своих стараний:

1. Граждане России и Украины, с наступающим Новым годом!

2. Не хлопайте дверью!

3. Выращивайте в себе нежность!

Глеб глянул на даму. На выращивший в себе нежность сосуд она походила плохо...

– Думаете, сработает? – с сомнением произнёс он.

– Уверена! Главное, написать совершенно не сочетающиеся пункты, и люди волей неволей будут задумываться.

– Если вообще будут читать...

¹⁷¹ *Мангуп* – средневековый город-крепость в Бахчисарайском районе Крыма.

– Вот вы – молодой человек! Не очень уже, конечно... но по сравнению со мной – молодой. А столько скептицизма в вас! Я, знаете, многое пережила: и смерть, и горе, и тяжелые болезни, но оптимизма и веры не теряю.

– Ну, я тоже кое-что пережил... Да и веру всё же не теряю...

Соседи с верхних полок куда-то сразу ушли. Глеб с дамой продолжали изредка перекидываться фразами. Чем дальше, тем симпатичнее была ему эта пожилая особа. Мимо прошла женщина, продающая копченую азовскую рыбу. Торговцы обычно сильно хлопают дверьми, но эта остановилась и несколько раз внимательно прочитала объявление.

– Во дают! – воскликнула она и удалилась из вагона, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Видите! Работает! – возликовала дама.

– Ну, на кого-то, и правда, действует, признаю, – улыбнулся Глеб.

– Да почти на всех действует! Я же говорила! Мы, кстати, не познакомились. Меня Ириной Петровной зовут. Я художник, преподаватель, философ по жизни и жена писателя по совместительству.

– Меня Глеб зовут. Я... историк... кроме всего прочего.

– Очень приятно! А я в этих краях с моим мужем будущим познакомилась, на свадьбе у одной знакомой. Два дня – и на всю жизнь! Сорок лет уж вместе! Знаете, он скромный такой был, студент из Киева. А как сказал: «Я не хочу всю жизнь на сортир работать», – я сразу поняла, что это – мое! И я сделаю всё, чтоб этому человеку легко жилось и чтоб он писать, что хочет смог, от всего его защищу! Вот этими моими громадными руками!... Конечно, со мной-то жить не так уж легко, но от других сложностей я его спасла. И сына мы воспитали – слава Богу! Он больным родился и в школу ходить не мог из-за этого... Ничего! Мы его дома выучили. Хоть муж тогда и не работал... не хотел он писать всякую комсомольскую чушь, и я ему сказала: «Уходи из газеты! Главное, чтоб совесть твоя чиста была, и твоим пьесам это не в ущерб было!» Он драматургией в то время увлекся. Его вещи тогда никто не ставил, конечно. Но потом, в 90-е, даже в *Современнике* поставили! А если б он не ушёл из газеты, то ничего бы и не написал. Я это знала, поэтому так и сказала. Ну, да ничего! Господь не оставил! Он никогда нас не оставлял. Я всегда Его просила, и Он отвечал... Хоть бывало и не сразу... И не так, как ждешь...

– Это – да. Бог – не магазин с доставкой заказов по телефону.

– Само собой! Но... Глеб... Вот что я тебе скажу. Печали предаваться нельзя, взбодриться надо, а ты всё унылый какой-то. Бог даст, всё будет!

Дверь хлопнула, пассажиры проснулись. За окном была крошечная тьма. Шёл снег...

– Так, таможня Украины! Просыпаемся! Шо везем? Наркотики, оружие есть?

– Скажите, а вам хоть раз на этот вопрос отвечали *да*? – парировала заспанным голосом Ирина Петровна.

– Это професийна тайна, а вы лучше кажите шо везете? Передачи, чужие вещи маете?

– Нет.

– Та-а-ак, а эти сумки ваши? Видкриваемо, показуем. Шо здесь?
– Личные вещи, трусы с лифчиками. Показать?
– Надо будет – покажете! А это? Аптечка? А это шо за лекарство?
– Цитрамон.
– Та-а-ак, рецепт покажите!
– Молодой человек! Это ж без рецепта продается!
– Это у вас в России, а в Украине по рецепту...
– Да вы что! Я ж в Евпатории его покупала! Какой рецепт!
– Да?.. Выясним! Я сейчас старшего по смене вызову... А у вас аптечка
есть? – обратился таможенник к женщине, спящей на верхней полке.
– Шо! – раздался сверху хриплый голос.
– Та не шо! Я шо вам повторять должен! – возмутился таможенник. – Это
ж для кого я тут всё говорю это уже пол часа? Шо везёте?
– Ничо́го.
– А лекарства?
– Ты шо, хворий?
– Ни, я митник... Ладно, лежите вже спокійно... Я не зна-а-а-ю...
– Шо ты зде рóбишь? Пошли уже дальше! – вмешался вынырнувший из
соседнего купе напарник.
Вслед за таможенником в вагон вошёл небритый мужичок.
– Канфе-е-е-ты! Свежие ка-а-а-анфе-е-еты кому?
– Хлопчик, три часа ночи! Одному лекарства давай, другой с цукерками
тут! — раздалось с верхней полки, – яки таки у тебя конфеты?
– Свежеворованные! – объявил мужичок.
Глеб с Ириной Петровной переглянулись и засмеялись в голос.
Через полчаса они протягивали документы бледным и неулыбчивым
российским пограничникам.

Дом родной

Но вот выпал снег, и я опять не знаю, кто я...
Аквариум, «С утра шёл снег».

Звонить как-то не хотелось. Думал, в Москве уже набрать, но, выйдя из поезда, Глеб тоже не решился оповестить родных о своем возвращении из затянувшейся крымской поездки. Думал прогуляться, но теплых вещей не было, и пришлось скорее нырнуть в метро и ехать домой.

Как же дико и странно в московской подземке после гор и моря. С одной стороны, всё было родным, почти домашним, а с другой... Жизнь, казалось, там – а не здесь, а это – какое-то гетто для злых и несчастных людей, перемещающихся по каменным коридорам в железных коробках.

Противоречивые чувства боролись, негативное постепенно начало брать верх. «Ничего, дома дети, Света...», – успокаивал себя Глеб в ответ на всё нарастающее в душе отторжение действительности.

Вот и подъезд. Ключи он давно крутил в кармане. Лифт, дверь. Дети, наверное, в школе. А Света?

Зашёл в коридор, скинул на пол рюкзак.

– Есть кто дома? – громко спросил он.

В спальне послышался шум, кто-то был дома. Не снимая ботинок, прошёл в комнату. Света лежала в кровати, а какой-то бородатый мужик судорожно натягивал штаны... Кто это? Нет... не может быть! Глеб не мог поверить своим глазам. Это был его друг, отец Андрей, которого он в неглиже сразу-то и не узнал.

– А-а-а... ты чё не позвонил-то?... Тут такое дело в общем... брат... – Начал тот, кое-как справившись со своими штанами, – Свете одной нельзя... тяжело ей было... Ты уехал. Я много вам помогал, ты знаешь... В общем, как-то оно так вышло... Любовь – это святое... но надо нам... в общем... чтоб нормально... Пойдем на кухню, пока Светочка оденется...

– Светочка? Оденется? Да ты что?!

– Так, только спокойно! Мы – взрослые люди! Ты уехал, жену бросил, так что не надо сцен!

Глеб посмотрел на Свету.

– Выйдите оба, а? – с раздражением ответила она на его взгляд.

– Вот и я говорю, пошли на кухню! – вытолкнул Андрей Глеба из спальни и закрыл за собой дверь.

Вся жизнь пронеслась и перевернулась в голове Глеба за одну минуту, пока они шли эти несколько шагов до кухни.

– Слушай, Глеб! Ты должен понять, ты бросил жену, когда ей было хуже, чем тебе, а ещё и дети... Я ездил каждый день почти, помогал, у нас возникли чувства...

– У нас?!!! Тварь! Думаешь, я не знаю, какие у тебя чувства возникают и к скольким! Ты же ни одну несчастную и симпатичную не обошёл! Умеешь ты

утешить... Вернее влезть в душу, охмурить и использовать побитых жизнью баб! Даже на исповеди себе любовниц цеплял!!! Катя, Настя, Вика... Сколько их было уже, а?!!!

– Так! Вот это ты уже все границы переходишь! Сам жену довёл до такого: из патриархии вылетел, без работы сидел, в Крым свалил, а теперь ещё и про грехи мои здесь орешь, перед Светой меня позоришь! Лузер! Интеллигент хренов, жид! Вас вообще в сан посвящать нельзя, только зло несёте!

Краем глаза Глеб увидел красивую бутылку. Когда-то, когда у них ещё не было детей, они со Светой купили её на Измайловском вернисаже и любили ставить в неё сухие цветы. Словно повинувшись какому-то внутреннему приказу, ни секунды не раздумывая, Глеб, молча, не торопясь, взял в руку бутылку. Вот уж не думал он, что разобьет её о голову Андрея... Тот осел на стул, струйка крови потекла по лбу. Визг и крики Светы.

– Прекратите!!!

Она подбежала к Андрею, взялась за подбородок и подняла его лицо вверх.

– Это правда?! Про Катю и Вик этих? Ты же мне говорил, что до этого жене не изменял, что это особенное... у нас...

– Понимаешь... Всё сложнее, чем ты думаешь... Голова у меня болит...

– Кобель, пошёл отсюда! Все вы уроды! – разъярилась Света, и, схватив с вешалки одежду Андрея, бросила её на пол под ноги любовнику. – Пошёл вон отсюда!

– Да ну вас, бешеные... – буркнул тот, держась одной рукой за голову, а второй подбирая вещи.

Он вышел в коридор, надел ботинки.

– Адю, психи! Скажите спасибо, что ментов не вызвал! – крикнул он и хлопнул дверью.

– А ты зачем приехал?! Кто тебя ждал?! Что тебе ещё нужно! – накинулась, бившаяся в истерике Света, на мужа. – Ты всю, всю жизнь мне испортил! Я могла музыкой заниматься, понимаешь?! А я на пелёнки эти сраные всю душу извела! Тебя всё обслуживала, детей твоих, а ты – всё в церковь, да в церковь! И что она тебе дала?! На фиг выкинула, и дочь мою вы погубили... Хотела немного женского счастья, и вот...

Её всю трясло, она начала вдруг колотить руками по стене. Глеб оттащил её и снова усадил.

– Ты всё на стимуляторах?

– А тебе-то что?!

– Феназепам долбани, сейчас я найду... где-то был у нас... тебе легче станет.

– Мне легче не станет, слышишь?! Ни-ко-гда! – кричала она, но таблетки всё-таки выпила. стакан с водой дрожал у неё в руке.

Глеб отвёл жену обратно в спальню и уложил. В углу валялись носки отца Андрея.

К вечеру Света проснулась, встала. Глеб сидел на кухне, перед ним стояла початая бутылка крымского портвейна. Света присела на стул и откинулась на спинку.

– Что-то не идёт вино, – хриплым голосом сказал Глеб, – чай будешь?

– Как хочешь...

– Это не ответ... Ладно, заварю.

Поставив на огонь чайник, Глеб сел напротив Светы. Та сгорбилась на стуле. Утончённая, с длинными пальцами, кисть бывшей пианистки бессильно легла на стол.

– Мать твоя звонила. Дети у неё, всё нормально... Я не знал, что ты их к ней отправила на всю неделю...

– А что ты вообще знал? За все эти годы? – она говорила вяло, словно через силу. Истерика сменилась полной апатией. – И что получила я? Ты жил, как хотел, а я бросила всё. Пыталась жить семьёй... Дегradировала, конечно... не читала ничего... от усталости сериалы смотреть стала, а ты это видел и меня осуждал, цокал языком, смотрел, как на идиотку...

Чайник засвистел, Глеб встал его заварить. Под ногой хрустнул мелкий осколок стекла разбитой об голову Андрея бутылки. Света продолжала.

– А я всё ждала, когда станет лучше. Ты всё обещал, призывал терпеть. А потом – всё вообще рухнуло... Девочка моя! Куда я без неё? Она любимая была...

– Не говори так, у тебя... у нас... ещё двое детей.

– Ну и что? А я без неё не могу? Понимаешь? Да что ты вообще когда-нибудь понимал, кроме своего богословия и церковного всего этого? Чем жил? Зачем семью завёл? Только для удовольствия? Потому что надо было?... ладно... мне это всё уже не интересно теперь... Пусто всё и бесполезно... хотелось жизни нормальной, показалось на секунду, что с Андреем это возможно... что выход такой... а он тоже подонок самовлюблённый оказался...

Глеб, молча, налил ей и себе чай. Света продолжала, делая большие паузы.

– Всё я понимала про него – не дура! Хоть и книг лет десять уже не читала, кроме детских вслух... Но хотелось верить... Таблетки ещё эти... стимуляторы... Впрочем, не в них, конечно, дело... Да нет, я всё-таки дура, что не говори...

Она медленно встала, достала с полки пачку сигарет, зажигалку. Курить Света бросила при первой беременности. Пятнадцать лет спустя, когда заболела дочь, снова закурила. Глеб начал было что-то говорить, но жена его перебила.

– Только, не начинай опять про наше прошлое: Питер, Гаую и всё такое... Глупо и тошно об этом слушать... Хотя, я понимаю, что больше тебе сказать нечего... Ну, разве ещё что-нибудь христианско-утешительное мог бы, но это будет ещё пошлее... – Она несколько раз глубоко затянулась и продолжила. – Теперь я одна хочу... разобраться... стать снова собой... если смогу... И я тебя прошу: исчезни, а? Я серьёзно. Я понимаю, это твоя квартира, но... исчезни, будь хоть ты человеком...

– Меня отец Сергей в гости звал, мы созванивались сегодня... Я тогда с ночёвкой к нему... Потом поговорим ещё...

Он шёл по предновогодней Москве. Чистый падающий снег ощущался всей обнажённостью души, как будто падал прямо в неё, остужая боль...

«Но вот выпал снег, и я опять не знаю кто я», – всплыло в его голове.

Остановился, поднял лицо вверх, подставил его снежинкам. Конечно, что ему ещё остаётся? Туда, обратно в провинцию, где принимал сан. Дадут приход снова в деревне, наверное... и отец Глеб начнёт всё сначала... Это была хотя бы дорога, а не тупик. Значит надо идти по ней.

Снова вместе

Слепой не увидел, как море над лесом
В стакане пылало у водки-реки,
А в лодке сидели два пьяных балбеса
И в сторону леса по небу гребли.
Хвост и АуццБюн, «Слепой».

– Не, ну как ты можешь так ездить? Не в деревне ж теперь, тут менты, штрафы высокие, а в нашем положении чем их платить?

– Ты, Глеб, попом-то сколько? Лет десять уже? Или больше? А всё рассуждаешь, как алтарник-первогодка. Это кто ж батюшку штрафовать будет? У нас же полный набор магических инструментов, покруче, чем у Гарри Поттера.

– Не знаю, в Москве бывали случаи, что отцы попадали по-серьёзному... Да ты ведь и сам же только что влетел по самые не балуйся... А теперь снова, вон что вытворяешь! И что, тебя ни разу не штрафовали здесь?

– Пытался один. Еду я на поздний жёлтый, как обычно, ещё сплошную пересёк по ходу, а он свистит. Я ему: «Я – батюшка!» А он мне: «А я – атеист! Тыщу гони!» Я, конечно, дал. Но не могу ж я так овчу заблудшую оставить. Я ему объяснил, что к чему – он мне двести рэ обратно. Я продолжил уже с погружением в отцов-пустынников, добродетель нестяжания и внезапную смерть грешника – он мне ещё триста отдаёт и заикаясь, так: «Е-е-е-зжай отсюда!». Ну, вот и приехали, – резюмировал отец Георгий, лихо разворачивая свой *Жигуль* у городского собора.

Пару месяцев назад, вернувшись в провинциальную епархию, в которой он когда-то принял священнический сан, и сидя в коридоре на приёме к епископу, отец Глеб очень нервничал. Уже хотел уйти, куда глаза глядят, но вдруг увидел здесь же в епархиальном управлении старого приятеля, отца Георгия.

Оказалось, что он пьяный за рулём въехал в местного бизнесмена, и теперь проходил епитимью в кафедральном соборе. Так что Глеб даже обрадовался, когда, увидев его, наморщившийся и весьма строго и надменно державший себя владыка, поругавшись, сколько было положено, сказал, что пока направит москвича в городской собор без зарплаты в качестве епитимьи, а уж потом подумает, что с ним делать. Пусть без зарплаты – что-то попу всё равно перепадёт, зато со старым другом!

Войдя в алтарь, они подошли поздороваться с уже начавшим утреню отцом Валерием. Тот тоже не был в штате собора и так же без зарплаты проходил испытательный срок, перейдя из другой епархии.

– Ну, чё, отец, как процесс? – спросил отец Георгий, надевая епитрахиль и собираясь вынимать просфоры.

– Да Азия проседает, не к добру это всё... – ответил служащий священник, производя какие-то манипуляции с телефоном, лежащем на аналое.

– Я тя, вообще-то про службу, а не про твои ростовщические игры спросил.

– А что служба? Здесь всё по чину. Никаких изменений веками. Тишина и святость. Но на них не заработаешь...

– Эх, Валера, хороший ты парень, но погубит тебя это ростовщичество! – назидал старший по возрасту и стажу отец Георгий.

– Ага, а тебя – алкоголь! Мне владыка приход нормальный в пригороде обещал скоро дать, а ты куда пошлешь, ещё большой вопрос, аскет ты наш!

– Чё, прикупил местечко уже у владыченьки? – не удержался отец Глеб, уже было пошедший на исповедь.

– Эх, ничего вы не понимаете в жизни, романтики! Иди уже покаяние принимай – народ заждался. Там и спрашивай, кто чем грешен!

Пошёл уже пятый месяц этого странного епитимийного служения. Отец Георгий по прежнему умел снискать народную любовь, несмотря на то, что перегар от него почти ежедневно исходил такой, что хоть свечки зажигай без спичек. Одна бабулька, из постоянных прихожан, приютила его у себя, а следом к ней перебрался и отец Глеб, оставив келью на пятерых в монастырском подворье, куда его поселили по благословению владыки.

Отцы частенько гуляли по городу, выпивая в разных двориках и дешёвых забегаловках.

– Вон смотри, какая идёт! Это ж здесь редко встретишь, чтоб и с фигурой, и на каблуках ходить умела. Подойти, что ль, за жопу её ущипнуть? – вопрошал собрата Георгий, провожая взглядом проходившую мимо девушку в короткой юбке.

– Отец! Ладно я – меня все *либералом* величают – но ты-то у нас *консерватор*, так скть, и монахолюбец! Как же ты щипаться пойдёшь? – ехидно поинтересовался отец Глеб.

– Очень просто! Это ж как раз – средство от помыслов! Она ругаться начнёт, материться даже, скорее всего. Какие тогда помыслы? Главное ж эйфорию разрушить. Как-то одна барышня замужняя, с сиськами такими вот, в меня влюбилась. Напредставляла себе, чую, аж от земли её отрывает. Смотрит этак... да... Ну, я её за эти самые сиськи и хватанул, жёстко так... Она и поняла тогда – никакой романтики не будет, и что я ничем не лучше её муженька.

– М-да... Это, конечно, на грани фола, но ты – талант!

– Да ладно, Глебушка, это всё по гордыне моей.

– А талант без гордости – это уже святость! – парировал бывший ученик.

Учитель оценил.

– М-да, подрос ты... Молодец... Эх, ходим мы здесь, как Бегемот с Коровьевым по Москве, надо уже как-то выбираться на приходы. А то вишь ты, Валера уже получил храмик, и не плохой... Я, честно говоря, сам на приходец этот глаз клал...

– А как ты предлагаешь процесс ускорить? Нам же занести нечего, да и вообще, сам говоришь, на кого мы похожи... нам только Азazelло не хватает...

– Ну, Азazelл у нас пол-епархии... Ну да не об том речь... Давай, знаешь, дуэль на проповедях устроим!

– Что?!

– Ну, я проповедь отвязную скажу и ты тоже. Я старика нашего архиерея знаю, ему доложат, и он нас по приходам распахает, так всегда раньше было... Чтоб глаза не мозолили.

– Думаешь сработает?

– Поверь моему опыту!... у нас там настоячка осталась ещё?

Конечно, на трезвую голову идея дуэли казалась сомнительной и небезопасной, если даже не идиотской, но теперь уже ни один из отцов отступить не хотел.

Первым, прямо на следующий день, проповедь говорил отец Георгий. Отец Глеб – через пару дней, когда его очередь служить была.

Проповедь отец Георгия, явно не отошедшего полностью от посиделок накануне, была исполнена патриотического пафоса.

–...и по милости Божией, как в былые времена, обманутые и оболганные из похмельного мрака, из каждой деревни – восстанут русские богатыри! – громыхал он, нагнетая патетическую линию, – Кто сей Папа Римский? Он якобы с кафедры без греха нам говорит! Престол Петра у него! Но православным смешно! Епископ православный и на кафедре, и в кабинете, и где б он ни был – живой Господь! Ибо посмотрите на апостолов и гляньте на владыку! У кого вид краше и богоподобнее? Кто страх и трепет внушает больший?!

Глеб не ожидал такой уж проповеди... Он раздумывал, чем бы таким ответить. Вдруг вспомнилось, что владыка благословил всех выступать за переименование улицы Пролетарская на дореволюционное Петропавловская. Глеб решил на этом и сыграть.

«Братия и сестры! Кем были апостолы? Рыбаками! По-нашему – пролетариями! Так зачем нам улицу переименовывать? Господь всегда был за простых тружеников, и апостолы были такими! Пролетарская – хорошее христианское название, не дающее нам забыть об этом. Да и апостольские общины были настоящими коммунарами, имущество церкви было имуществом бедных. Вот чему нас учат апостолы...»

Конечно, победителем вышел отец Георгий. Стиль, опыт, как никак. Но он сам признал, что отец Глеб отстал от него всего на четверть корпуса.

Владыка вызвал их через неделю. Отец Георгий был отравлен за штат без права служения. Отец Глеб – служить в отдалённый женский монастырь.

Тихая обитель

А суд недолго продолжался – присудили Колыму:
Ой, наказали, своих песен да чтоб не пел он никому.
*Чиж и Ко*¹⁷², «Русская (Хочу Чаю)».

Женский монастырь, куда направили служить отца Глеба после *пролетарской* проповеди в соборе, раскинулся на живописном холме. Находился он на самом дальнем краю области, почти нетронутым со времён коллективизации. От ближайшей деревни, в которую раз в неделю пока ещё ходил старенький *ПАЗик*¹⁷³, три километра пёхом.

Сам монастырь, наподобие описанного в *Братьях Карамазовых*, не имел ни почитаемых икон, ни мощей древних подвижников. Впрочем, в отличие от прославленной великим русским писателем обители, старцев и стариц в нём не было.

В общем, чего не хватишься – ничего нет, окромя красоты окружающих мест, да полутора десятков монахинь и послушниц, да ещё десятка-другого периодически меняющихся трудниц¹⁷⁴ из разных уголков постсоветского пространства. А если бы не окормление обители известным и почитаемым за старца околостолничного батюшки отца Захарии, то едва ли вообще нашлось хоть три сестры, пожелавших здесь подвизаться.

Игуменья обители, мать Домна, когда-то в советские годы комсомольский лидер оборонного предприятия, была верным чадом батюшки с начала 90-х, то есть с того момента, как предприятие стало постепенно умирать вслед за *Ленинским комсомолом*. Отец Захария с первой встречи благословил будущую игуменью на принятие монашества, позже – направил к владыке с ещё несколькими такими же своими духовными чадами. Тот был рад, что есть кем закрыть дыру на обширном одеяле его епархии.

Так к середине 90-х на месте бывшего до революции мужского, возродился женский монастырь. Понятно, разруха там была почти полная. Ни на одном из зданий не было даже намёка на какую-нибудь кровлю, как будто это совершеннейшая ненужность в срединно-российских землях. От монастырского собора осталась только половина одной единственной разрушенной стены, поэтому оставшиеся три с половиной стены Трапезного храма, соединённого с братским корпусом, считались неплохо сохранившимися.

¹⁷² *Чиж и Ко* – российская рок-группа, созданная в начале 1990-х годов гитаристом, вокалистом и автором песен Сергеем Чиграковым по прозвищу *Чиж*.

¹⁷³ *ПАЗ* – советский и российский автобус малого класса производства завода *Павловский автобус*.

¹⁷⁴ *Трудник, трудница* – человек, живущий и работающий в монастыре на добровольной и бескорыстной основе, но не принадлежащий к братии.

Поначалу расположились в башне – там проще было хоть как-то перекрыть крышу и устроить маленький храмик на одном и спальню с кухней на другом этаже.

Надо отдать должное отцу Захарии, он не оставлял своих чад, постоянно ездил к ним, освятил в нескольких километрах от монастыря источник, который после этого стал считаться святым и принадлежащим монастырю, и, хотя до революции никакого почитания или сведений о том, что источник этот был как-то связан с обителью не было, сёстры обустроили там купальню с ларёчком для продажи свеч и иконок. Источник был именован в честь родителей Иоанна Крестителя, Захарии и Елизаветы. Довольно быстро пошёл слух, что купание в нём чудесно помогает от бесплодия, а заодно и от плотской похоти, и сюда время от времени стали заворачивать автобусы с паломниками.

Первого священника, служившего в обители, тоже рекомендовал отец Захария. Им стал средних лет алтарник-Виктор из подмосковного городка, неженатый борец с ИНН и прочими печатями антихриста, а также разнообразными проявлениями всего жидомасонского.

Надо сказать, о всех этих бедах любил говаривать и отец Захария, предрекая скорый приход антихриста и вселенские катаклизмы, которые должны произойти едва ли не прямо завтра. Он запрещал чадам брать ИНН, призывал отказываться от паспортов нового образца. В какой-то момент с ним поговорили... и *старец* смягчил свою позицию, стал учить, что всё это плохо, но... пока церковь позволяет, можно брать всё это штрихкодowo–электронное... хоть лучше этого и не делать... но послушание превыше поста и молитвы... и, вообще, от излишней оппозиционности можно впасть в гордыню.

Судя по всему, именно это и случилось с отцом Виктором. Он не принял новых поучений духовного отца и обвинил его в *теплохладности*¹⁷⁵, *граничащей с предательством*. Сам же он с ещё большим рвением на каждой службе стал обличать принятие *антихристовой печати*, и, в конце концов, заявил, что церковные власти, включая патриарха, отпали от Церкви и подчинились дьяволу, так что молиться за патриарха и местного епископа нельзя.

Доселе его терпели, но такое не замечать было невозможно даже и в дальнем женском монастыре. Отца Виктора запретили в служении, и монастырь он покинул с четырьмя монахинями, твёрдо уверовавшими в правильность слов батюшки. Перебравшись в совсем глухую деревню, где даже и электричества нет, они так и продолжили подвизаться впятером. Одна из тех монахинь, болевшая астмой, вскоре скончалась при полном отсутствии медицинской помощи, на что отец Виктор сказал: «Господь избавил праведницу от грядущих на вселенную ужасов Зверя...»

Вместо отца Виктора в обитель прислали молодого монаха, отца Феогноста. Тихий и молитвенный батюшка до этого служил в мужском монастыре, но как-то всё не складывались у него отношения с наместником и

¹⁷⁵ *Теплохладность* – духовное равнодушие, расслабленность, пассивность в духовной борьбе при внешней церковности.

экономом, и он всё время просил о переводе в другое место. Вот и напросился...

Сначала всё было хорошо. Скромный и непритязательный отец Феогност понравился игуменье, положительно о нём отзывался и отец Захария. Но со временем начались странности. Из кельи монаха стали изредка доноситься вскрики и то тихий, то возбуждённый разговор, хотя никого, кроме отца Феогноста, там не было.

Настал Великий пост, и батюшка совсем перестал появляться в трапезной. Службы Первой седмицы¹⁷⁶ шли без сокращений каждый день. Наступило воскресенье – праздник Торжества православия¹⁷⁷. После обедни стали служить молебен.

На аналое, как положено, лежали иконы. Стоявший перед ними бледный батюшка как-то неожиданно пришёл в возбуждение. Отцу Феогносту вдруг почудилось, что перед иконами он видит бесов. Перебивая хор, он закричал во весь голос: «Анафема¹⁷⁸ бесам! Анафема поганым еретикам! Анафема Толстому! Анафема масонам и интеллигентам, всем им, слугам дьявола!» Потом отец Феогност снял с себя фелонь и стал ею махать, как бы разгонять полчища бесовские, роящиеся подле икон. Батюшку связали. Сутки он так и пролежал в келье. Его крики слышали уже даже в соседней деревне, и тогда, взяв по телефону благословение у отца Захарии, мать Домна решила-таки сдать отца Феогноста в районную психбольницу...

Зайдя впервые на территорию монастыря, отец Глеб обрадовался, увидев, что трапезный храм с жилым корпусом были почти восстановлены, а собор уже имел свои очертания. Всё оказалось несколько лучше, чем он ожидал после слышанного об этой обители в епархии.

Келью ему дали тоже вполне приемлемую, в башне, с которой начиналась жизнь возрождающегося монастыря. Но где же туалет? После обеда, мать-игуменья задержалась, чтобы решить множество хозяйственных дел, прежде чем поговорить с новым священником, а для отца Глеба местонахождение сего заведения с каждой минутой становилось всё более и более актуальным. Лиц мужского пола в округе не было видно, поэтому пришлось спросить одну из послушниц. Та указала на покосившийся деревянный сарайчик за рядами сложенных поленьев.

– Только, батюшка, отхожее место у нас с фонтанчиком... Вы уж осторожнее...

– То есть как, с фонтанчиком? – удивился отец Глеб, явно не предполагавший биде в таком строении.

¹⁷⁶ *Первая седмица* – первая неделя Великого поста, в которую, как и в Страстную седмицу, по монашескому уставу соблюдается самый строгий пост.

¹⁷⁷ *Торжество Православия* – церковный праздник в воскресенье Первой седмицы Великого поста, в который совершается чин *Торжества православия*, во время которого возглашается *Вечная память* всем скончавшимся защитникам православной веры, а *Многая лета* всем здравствующим. До 1919 года в России совершалось также анафематствование ересей, а ещё раньше – государственных преступников.

¹⁷⁸ *Анафема* – церковное проклятие.

– Ну... – покраснела послушница, – сами увидите... Там из дырки, если неаккуратно сходить, может много выплеснуться...

– И что? У вас один туалет в монастыре? Вы... сами сюда ходите?

– Да, все сёстры. Это для смирения полезно...

– А матушка Домна... туда тоже ходит?

– Нет, что вы! У неё отдельный. Вон, под замком.

Сходив аккуратно в туалет и видя, что время аудиенции с игуменьей ещё не настало, отец Глеб решил заглянуть в книжную лавку. Первое, что он там увидел было объявление: «Чтение книг митрополита Антония (Блума) не рекомендуется старцами!»

Ватная энергия

Вспомнишь ли ты мое имя,
Если встретимся на небесах?
Будет ли всё, как было,
Если встретимся на небесах?
*Eric Clapton*¹⁷⁹, «*Tears in heaven*».

– Батюшка, пора уже на Честнейшую кадить¹⁸⁰! – настойчиво звала отца Глеба пожилая монахиня-алтарница¹⁸¹. Он же как-то всё не слышал.

На длинных монастырских вечерних службах, длящихся под праздник до пяти часов, отец Глеб раньше частенько зачитывался своими книжками, которые приносил с собой в алтарь.

Однажды алтарница по благословению матери-игуменьи Домны утащила книгу отца Глеба по библеистике¹⁸². Игуменья, полистав книгу, заключила, что книга еретическая, и отправила её вместе с докладной на священника в епархию.

На следующий день во время службы отец Глеб разразился проповедью о воровстве, пересказав, древнюю патериковую¹⁸³ историю о том, что единственный грех, за который из монастыря изгоняли – было воровство или *крысятничество*, так буквально выразился батюшка, глядя прямо на игуменью.

Мать Домна терпеть не стала и перебила проповедь отца Глеба своей гневной речью, в которой заявила, что алтарь оскверняется еретической литературой, и что её обязанность перед Богом защитить святыню, и, вообще, в епархии разберутся...

Епископу уже надоели бесконечные жалобы на отца Глеба, но и к игуменье он относился более чем прохладно. А кроме того, он и сам в молодые годы любил почитать всякое такое и помечтать о литургической реформе.

Решение владыки было, как он сам считал, соломоновым. Глеба он вызвал, объявил, что тот в лучшем случае навсегда останется служить в женском монастыре, если не научится сдерживать себя на проповеди и вообще в разговорах, пожурил за неуместное чтение и повелел в алтаре больше этим не

¹⁷⁹ Эрик Клэптон, «Слёзы на небесах». *Eric Clapton (под. 1945)* – британский рок-музыкант, композитор, гитарист, вокалист.

¹⁸⁰ *Честнейшая* или Песнь Пресвятой Богородицы – песнопение православной утрени, перед 9-й песней канона, составлена на текст хвалебной песни Девы Марии (Лк. 1:46—55), с прибавлением припева *Честнейшую херувим...* к каждому стиху, откуда получила своё второе, наиболее употребительное название – *Честнейшая*. На 8-й и 9-й песни канона утрени диакон, а в его отсутствие священник, совершает каждение алтаря и всего храма.

¹⁸¹ *Алтарница* – монахиня, помогающая священнослужителям в алтаре храма женского монастыря.

¹⁸² *Библеистика* – научная дисциплина, занимающаяся изучением различных аспектов библейской литературы.

¹⁸³ *Патерик* – жанр аскетической литературы; сборник, содержащий жития и изречения, нравоучения святых отцов, монахов какого-л. одного монастыря.

заниматься, дабы не наводить смуту. Игуменье же владыка сказал, что менять отца Глеба не на кого, а что сама она не должна лезть за иконостас и выяснять, чем там священник в алтаре занимается.

С тех пор отец Глеб книжек в алтарь не носил, а в этот раз чуть не пропустил каждение, потому что на этот раз погрузился в свои мысли и воспоминания.

Началось с того, что всплыла вдруг в памяти фраза *ватная энергия*. Эти два слова когда-то глубоко запали в душу отца Глеба, заставили его многое переосмыслить, и направили всю его внутреннюю жизнь в ту сторону, в которую она и движется уже лет пятнадцать как.

Тогда, только вернувшись с деревенского прихода в Москву, отец Глеб встретился со старым хипповым приятелем, Димой Дикобразом. Тот по-прежнему жил свободным художником: то из дерева мастерил, то какие-то редкие камни искал, то уезжал куда-то в глушь на полгода.

От Димы совсем недавно сбежала жена с двумя детьми – не смогла выдержать нищеты и вечных дикобразовых приколов. Ей давно уже хотелось спокойной и размеренной жизни, да и к вере она обратилась, а Димка был совершенно поперёк всему этому. Отец Глеб считал своим долгом, как друг и пастырь, помочь Дикобразу спасти семью.

Август выдался прохладным. Они прогуливались по старинной липовой алее пустынного парка. Отец Глеб чувствовал, что может поговорить об этом с Димой прямо, да с ним вообще всегда и обо всём можно было разговаривать по-простому, без затей и особо не церемонясь.

– Пойми, Лиза же вся в детях, и ей тяжело, а ты постоянно находишься в своём таком романтическом, но... как бы... искусственном мире, в том, что было в молодости... Это всё хорошо и внутренне верно, но на этом не проживёшь всю жизнь. Вот православие даёт основу для настоящей любви, соединяющейся в любовь вечную с Богом, прости за высокий слог. Лиза это почувствовала и стала к этому тянуться.

– Знаешь, ты только не обижайся, но я у вас, у православных, вижу совсем другое. Где искренность, где любовь? Ты это вычитал из книжек. Да я и сам за Иисуса, понятно, но ведь в церкви совсем иное. И Лизка стала иной. Я не могу с такой женщиной жить. Для меня хуже и быть ничего не может, если я стану таким. Дети, ты говоришь? Согласен. Но, если я стану иным, что я смогу им дать?

– Ну мы ж всегда были иными! По сравнению с обычным советским человеком – уж точно! Просто православие даёт этой инаковости другое, более глубокое звучание.

– Да нет, – улыбнулся, поправляя длинные редяющие волосы, Дикобраз, – мы о разном говорим. Другая у вас инаковость! Другой дух! Не тот, о котором ты говоришь. Энергия другая! Как бы тебе объяснить... Как в вате ты! Вроде, и мягко, и тепло, но тепло это – не солнечное! И дышать тяжело... Да! Такая ватная энергия... Это не Дух Божьей свободы – это уютная и душная подделка... И, знаешь, Глебушка, и в тебе этой ватной энергии всё больше! Нет, она ещё не поглотила тебя пока, но ты боишься, и через твой страх она в тебя входит...

У Глеба аж мурашки по спине побежали, настолько точным было попадание. Получилось, хотел он поучить и наставить непутёвого друга, а тот оказался куда путёвее самого Глеба. Ему тогда вдруг всё стало ясно, словно рухнула ложная стена. Надо было теперь строить что-то новое, что-то искать, переосмысливать...

С Димой они встречались и потом время от времени. Дикобраз с Лизой так и не воссоединились, но когда дети подросли, они стремились больше общаться с отцом, хотя Дима к тому времени уже откровенно спивался.

Отец Глеб не случайно о нём сейчас вспоминал. Буквально вчера он узнал, что Дикобраза нашли замёрзшим прямо на улице. Видимо, пьяным он уснул в сугробе...

Прямо перед отцом Глебом нетерпеливо забрякало кадило.

– Батюшка, ну возьмите, наконец! Хор давно молчит – возгласа вашего ждёт!

Отец Вячеслав

Какими стали мы?
Каким путём прошли?
Теперь уж поздно что-то изменить.
Осталось время лишь своё промолвить имя:
Пред вечностью предстанем мы какими?
Van Der Graaf Generator, «Still Life»¹⁸⁴

– Ты чего там на епсобрании¹⁸⁵ учинил? Настоятель на тебя зверем смотрит, обещает опять разбор полётов с погружением...

– Да я чё? Говорил же, что не надо меня туда брать! Раньше с ним то Аркадий, то ты. Ну а тут меня зачем-то взял... Я уж и сел в сторонке от настоятеля... А у меня с собой было... Протодьякон наш, Коленька, насоветовал в бутылку из под минералки джин-тоника налить, чтоб не свихнуться, на патриарха и весь этот цирк глядячи.

– Падре Вячеславчик наш дорогой, да при мне это было! Но он же ноль пять имел в виду, а не полтора литра...

– Ну да... – отвечал седой полный священник лет пятидесяти с небольшим плотному, с армейской выправкой, собрату моложе его лет на пятнадцать. – Я, Серёг, подумал, что маловато может быть... Ну, и налил полтарашку... Правда, перед отъездом ещё водочки чуток принял... С моими-то габаритами и опытом – это ж слону дробина. ХХС¹⁸⁶ – место ещё дурацкое такое, я его за километр обхожу... Ну, а там, пока все эти речи длинные, отчёты, вопросы дурацкие, я потихонечку минералочку свою и допил... М-да... А когда в компании плохой пьёшь – всегда хреново. Неправильно бухло действует! Ну, и мне как-то под конец и привиделось, что весь этот освящённый собор, с патриархом, епископами, благочинными всякими, в бассейне Москва плавает... Патриарх в кукуле¹⁸⁷, в таком полосатом купальнике старомодном, как бы майка вместе с трусами... Я ему машу типа: «Греби отсюда!». А тут настоятель подплывает: «Ты чё, – говорит, – руками машешь?» Ну я и очнулся... Не я один – там многие спали, но никто руками, правда, при этом не махал...

– Отец, тебе лечиться надо! Допился ты уже. Вслед за Глебом ведь вылетишь, и куда тогда?

– Да не вылечу! До пенсии уж дотяну – осталось-то... Да и опыт у меня...

– Эх, пропил ты уже весь свой опыт, – с досадой и раздражением махнул рукой отец Сергий.

– Врёшь, лейтенант! Опыт не пропьёшь!

¹⁸⁴ *Ван Де Граф Джэнерэйтор, «Натюрморт».*

¹⁸⁵ *Епархиальное собрание* – общее собрание духовенства епархии, обычно проводится не реже, чем один раз в год.

¹⁸⁶ *ХХС* – Храм Христа Спасителя в Москве.

¹⁸⁷ *Кукуль* – головной убор, часть монашеского облачения, то же что клобук.

– Ты хоть за руль не садись, такси вызови.

– Да я здесь, в келье останусь, а то опять со своей поругался – грозила от холодильника отлучить.

– От еды или от выпивки?

– От жизни, – буркнул отец Вячеслав, полез под стол и загремел там бутылками.

– Хоть закусывай, коли пить будешь, а то опять с перегаром на службу явишься.

– Я разочаровался в еде, – констатировал старший из двух священников.

Снегопад, который шёл весь день, уже потерял свою силу. Московская грязь была надёжно закрыта толстым одеялом неправдоподобно чистого и белого снега. Вечер выдался тихим. Машин на неубранных после снежного буйства улицах было мало, и отец Сергей, без особого напряжения выкруливая по знакомым переулкам и улочкам, предался потоку мыслей и воспоминаний.

Жалко и тяжело ему было смотреть на старшего товарища. Ведь на глазах уходит... А ведь сколькому научил, сколько показал, буквально открыл глаза на то, что было рядом, но понималось поверхностно, виделось слишком грубо и просто...

Вспомнилась отцу Сергию одна интеллигентная женщина, сильно страдавшая после потери ребёнка, вывалившегося из окна по её, как она считала, недосмотру. До суицида или безумия ей оставался один шаг... Отец Вячеслав тогда сказал ей: «Это хорошо, что жаль. Хорошо, что любишь. Тяжело тебе очень, но именно любовь и жалость, делают нас людьми. В том смысле, что этим мы касаемся иного, не смотря на боль. Так что, не вини себя – а люби! Жалей и живи!» Этим, кажется, он её тогда спас. По крайней мере, кризис у неё миновал после этих простых слов, сказанных опытным священником и случайно подслушанных отцом Сергием.

А ведь неспроста появился у отца Вячеслава этот талант. Он был когда-то келейником¹⁸⁸ у известного старца, помогал принимать множество людей, ехавших за помощью со всех концов необъятной страны Советов.

В молодости Слава хипповал, был поэтом и музыкантом. Поначалу всё было весело и задорно. Они придумали с друзьями такую игру: жить в Совке, не веря в его существование. Ведь не может же существовать такая абсурдная система, совершенно не замечающая того, чем на самом деле должен жить человек: от хорошего кайфа и секса, до слияния с вечностью и вселенной. Ну, а если это странное коллективное существо не замечает главного, – значит, этого существа вовсе нет. Это фантом. Иллюзия. А зачем обращать внимание на иллюзию? Так и старались жить.

¹⁸⁸ *Келейник* – в православии название помощника, как при должностных и сановных лицах монашеского звания (архиереях, игуменах и т. п.), так и при уважаемых монахах (старцах). Зачастую келейник не является монахом, хотя и носит одежду монастырского послушника. В обязанности келейника входит обеспечение бытовых нужд, письмоводительство и т. п.

Постепенно то ли иллюзия, то ли бесконечная борьба с ней начали выбивать бойцов одного за другим: кто-то сел, кто-то погиб, кто-то ушёл и знать не хотел всех этих прошлых глупостей.

Слава поехал тогда к старцу, да так и остался у него почти на десять лет, до самой его блаженной кончины. Потом вернулся в Москву. Известный батюшка пригласил чтецом в крупный храм. Слава пошёл, хоть старец и благословил его ни в коем случае не идти работать в московские храмы. Потом – женитьба, рукоположение в дьяконы, потом в священники. И – сюда, в восстанавливающийся храм в спальном, но довольно престижном районе Москвы.

Настоятель, отец Константин, всё время занимался стройкой и общением со спонсорами, а служил и все требы исполнял отец Вячеслав. Отношения между двумя священниками были плохими. Настоятель не гнушался стучать на собрата в патриархию при любой мелкой или крупной провинности, а поводов отец Вячеслав всегда давал немало. То после домашней требы зависнет у гостеприимных прихожан или друзей, так что утром на службе от него исходил характерный запах. То о священноначалии не слишком лестно отзовется, ссылаясь якобы на слова покойного старца.

Прихожане же отца Вячеслава очень любили за простоту и безотказность. От денег он никогда не отказывался, но сам никогда не просил и цен не назначал. А чтобы отказать кому, отмазаться от неудобной или бесплатной требы – об этом и речи не было. Не будь он так популярен – не ревновал бы и не гнобил бы его так настоятель. Отец Сергей это понимал и делал для себя выводы. Сам старался не перетруждаться и не быть слишком заметным и любимым народом да и пил меньше.

– М-да... – вслух произнёс, по дороге к дому отец Сергей, – беречь себя надо...

Потом в его памяти всплыл рассказ отца Вячеслава о произошедшем с ним в реанимации, в которую он попал после того, как из храма выгнали Глеба. Служить тогда всем приходилось почти без выходных, а отец Вячеслав ещё и запил, в результате загремев в больницу с инфарктом.

«Представляешь, батя, мне сперва так тяжело стало. Тяжко-тяжко. А потом сразу – легко! Так легко – не поверишь! А я-то и не понял, что помер... Так легко и хорошо! Смотрю, значит, сверху: я лежу на кровати, а эти кругом суется, чего-то там делают, а мне не видно – загораживают. Потом – а я всё слышу – говорят: «Жену не пускайте, сейчас отойдет!» А главный стал номер набирать. Написано, вижу: «Санитары: 08». А тут моя – не ожидал от неё такого, при жизни-то больше ругаемся – ворвалась, батя, всех раскидала и как заорет! Да матом! В жизни от нее не слышал, чтоб матом, а тут, поди, хуже грузчика! И как в ноги мне вцепится! Как кошка, вот те крест! И орет: «Слава, Слава!!!» И как орет-то! В голос! Ну, ясно, те ее оттащили, валят меня на простынь – ну чтоб нести. Они матом на неё уже, чтоб отцепилась! Моя матом на них! И – мне ноги целовать... А потом ничего не помню больше. А проснулся – в палате. Главный на меня смотрит и еще двое... Кто такие? Главный и говорит: «Раз, мол, здесь – лечить тебя будем. Но как такое может

быть, не понимаю! Ты же остывать уже начал! Ну, не может быть такого никак!» И вот – подняли на ноги... А как ТАМ хорошо, бать...»

Новогодняя электричка

Однажды ты вспомнишь сегодняшний день
И увидишь другого себя,
Совсем не того, каким бы хотел ты стать
В этой жизни, ускользающей
По тонкому льду нового дня.
Jethro Tull, «Skating Away on The Thin Ice of a New Day»¹⁸⁹.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция... – едва слышный мужской голос в динамиках прохрипел ещё что-то непонятное и совсем затих. Двери электрички с громким стуком захлопнулись, и недовольные взоры редких пассажиров обратились к невысокому очкарику лет сорока с длинными редкими волосами и коротенькой бородкой, который вслед за собой впустил в вагон из тамбура потоки ледяного морозного воздуха.

– Ну, слава Богу, успел, – отец Глеб сел на первую попавшуюся свободную скамейку и отдышался. В электричках он ездил не часто и едва не опоздал на последнюю в этом уходящем году.

Отцу Глебу наконец удалось вырваться на недельку перед самым Новым годом в Москву из провинциального женского монастыря, где он служил, повидать детей на зимних каникулах. Но сегодня жена, с которой они не жили одной семьёй уже несколько лет, отправилась с детьми к теще справлять Новый год. Пойти с ними – значило испортить и себе, и людям праздник, да его особо и не приглашали. Одному оставаться в пустой квартире тоже не хотелось, и отец Глеб отправился за город на дачу к своему старому приятелю Антону.

Смахнув с бороды иней и протерев запотевшие очки, он огляделся. Пустая новогодняя электричка уносила последних пассажиров прочь из горящего праздничными огнями города. Южане в тонких курточках с серо-смуглыми безрадостными лицами примостились невдалеке на соседних скамейках. Несколько одиноких мужчин и женщин средних лет, равнодушно разглядывали мелькающие за замерзшими окнами огни и выглядели тоже не слишком празднично. Компания молодых людей явно навеселе громко обсуждала какой-то сериал, разбавляя крепкие выражения междометием *ваще*. В углу у двери сидел этакий *Колян*. Нет, скорее, *Серёга*, – решил про себя отец Глеб, – мужичок лет за тридцать с чипсами и пивом, в небольшой высокой квадратной ушанке из какого-то дорогого зверя, нутрии или ондатры – мечта дембеля 80-х.

– Чипсы! Кальмарики! Вода! Орешки! Пиво! – услышал позади себя тихий голос отец Глеб. Он оглянулся. По вагону ковыляла какая-то совершенно

¹⁸⁹ *Джетро Талл, «Ускользя по тонкому льду нового дня». Jethro Tull – британская рок-группа, созданная в 1967 году, начинала с исполнения блюз-рока, но вскоре в их творчестве появилось влияние фолк-, джаз- и классической музыки. Йэн Андерсон, её лидер, стал первым рок-музыкантом, регулярно использующим флейту.*

древняя старушка. Она скорее походила на восставший труп, нежели на живую бабулю, так сильно было сморщено её лицо и так медленно она передвигалась по вагону, еле-еле ковыляя, то и дело перехватываясь за ручки скамеек. Через плечо – связка из двух пакетов.

– Мне... пиво, пожалуйста, дайте и... кальмаров...

Пива на таком морозе совсем не хотелось, но отец Глеб скорее из жалости решил что-нибудь купить у бабули.

Старушка присела напротив.

– Пиво какое вам? Смотрите вот. Выбирайте.

– Да вот это, – Глеб взял первую попавшуюся банку, с любопытством вглядываясь в лицо старушки, а не в содержимое её пакета. Глаза у неё были какими-то одновременно и печальными, и по-простому добрыми. Отцу Глебу вдруг захотелось поговорить с ней.

– Что, бабуль, пенсии не хватает?

– Да не, милоч, не жалуясь. Пенсия хорошая. Я сорок лет у станка ткацкого простояла, потом сторожем... всё закрыли теперь... сторожей молодых наняли... внуки мои все выросли... не нужна я никому больше... а мне что делать? У окошка сидеть да телевизор смотреть я не могу. Вот и пошла продавать. Пока купишь всё в магазине, потом в электричке пару раз так проедешь – гляди, и весь день ушёл, и с людьми...

– А вас... никто не трогает? Вы ведь без разрешения наверняка... – Глеб осёкся. Зачем это было говорить? –...ну, и тяжело, наверное, таскать-то...

– Да я это последний год только, вот, пакеты беру. Раньше-то всё с сумкой... А так-то никто не трогает... Все ж меня здесь знают. Я и пальто у машинистов, бывает, оставляю – чтоб легче идти было. Но это смотря чья смена... Так вот посидишь, поговоришь с людьми, что-то продашь: и им хорошо, и я не напрасно живу...

– Ну... вы посидите, отдохните хоть немножко... – сказал Глеб, прерывая затянувшуюся паузу.

– Да не, мил человек, на том свете отдохну. Пойду я...

Сразу встать она не смогла, только в раскачку и с помощью Глеба. Он проводил её долгим задумчивым взглядом.

Вагон уже практически опустел. Оставалось всего несколько человек. *Серёга* по-прежнему сидел, глядя в тёмное окно, отхлёбывал пиво и шуршал чипсами.

Ещё одна остановка. Двери тамбура распахнулись и в вагон вошла ярко окрашенная симпатичная женщина. Она, практически не раздумывая, уселась прямо к обладателю завидной шапки.

– С Новым годом! Пообщаться не хочешь?

Серёга просто обомлел, даже чипсы рассыпал от неожиданности.

– А-а-а-а... вы-ы-ы... это... Пивка не хотите? – наконец сообразил он и протянул бутылку.

– Спасибо! – улыбнулась женщина и отхлебнула прямо из горлышка, правда совсем немного.

Тут двери тамбура снова распахнулись, и в вагон вошли ещё две дамы, одна из них в форме контролера. Они направились напрямик туда, где сидел *Серёга* со своей спутницей. Тот от испуга даже поперхнулся: билета у него, конечно, не было. Но проверять билеты никто и не собирался. Оказалось, что это подруги его новой попутчицы. Все женщины были заметно подшофе, в разной степени опьянения, поэтому разговор завязался легко и непринужденно.

Слово за слово. В хмельной голове *Серёги* нарисовалась новогодняя сказка: он уже представлял себя эдаким Доном Жуаном, каждое слово которого ловят радостные и доступные Шахерезады. Женщинам же, как видел Глеб, просто хотелось поболтать, не выходить из радостной эйфории новогоднего застолья в будничную реальность электрички, просто продолжить *праздник* безо всякого там флирта.

Минут пятнадцать такого *Голубого огонька*, хохота и плоских шуток *Серёги* пролетели незаметно. Подруги одна за другой вышли на своих остановках. В компании *Серёги* осталась только одна *Шахерезада*, та самая, которая первой к нему и подседа.

– Ещё пивка? – протянул бутылку *Серёга*.

– Не-е, я уже всё...

Вдруг *Серёга* с отчаянной решимостью запустил руку прямо под юбку своей мечте, но тут же получил в ответ несколько отчаянных ударов. В планах *Шахерезады* его явно не было. Шапка полетела на пол, и *Серёга* наклонился, чтобы её поднять. В его глазах было какое-то подростковое удивление.

– Ты чо?

– Пошё-ё-ёл на *уй!

Серёга растерянно отряхнул шапку, нахлобучил её на макушку и вдруг так же неожиданно, как предпринял атаку на свою спутницу, принялся истово креститься на промелькнувший в окне освещённый прожекторами храм.

– Не, ну ты странная, может всё ж того, а?... – *Серёга* по-прежнему не терял надежды воплотить свою новогоднюю мечту.

Его спутница молча встала, оказывается, она была на огромных каблуках, и, шатаясь, двинулась в направлении тамбура.

Поднялся и Глеб, электричка как раз подъезжала к его остановке. *Серёга* преградил ему путь.

– Мужик, это последняя электричка?

Обычно Глеб долго раздумывал, что и как ему отвечать, но тут как-то неожиданно слова нашлись сами.

– Нормально всё, братан! Я её провожу! Да я провожал её уже...

– Да? Она такая! Не, ну ты молодец! – даже обрадовался *Серёга*, выходя вместе отцом Глебом в тамбур и пытаясь напоследок ухватить свою пошатывающуюся мечту за зад.

С трудом выйдя на платформу, *Шахерезада* немедленно повалилась на первую попавшуюся станционную скамейку.

– Блин, да она ведь никакущая! – вдруг понял Глеб, с недовольством осознавая, что оставлять эту женщину одну на скамейке нельзя – замёрзнет.

– Слышь! Давай я такси вызову? Пятьдесят рублей всего по посёлку, я номер знаю, а то замёрзнешь.

– А чё те надо, а?! Чё ты ко мне лезешь?!!

– Да не лезу я к тебе! Такси, говорю, вызову! Ты ж сама не дойдёшь никуда...

– Иди давай! Я так посижу... – как-то вдруг внезапно обмякшая женщина уронила на сумку голову.

– Не, так не пойдёт. Примёрзнешь, нафиг! Слышь! Мне от тебя ничего не надо... Я ваще поп! – добавил Глеб для убедительности.

Шахерезада, едва успев поднять голову от сумки, вдруг начала блевать. Вонючая жижа испачкала сапог на высоком каблуке.

– Поп, вали, а?! – *Шахерезада* глубоко задышала, – Свечки свои продавать...

– На! Платок возьми, – Глеб протянул женщине одноразовую салфетку.

– Бье-е-е... – второй сапог тоже оказался испачканным рвотой, – ща... я... – женщина всё-таки взяла салфетку, вытерлась, отдышалась и достала из сумки телефон.

Громкие гудки. В трубке послышался встревоженный мужской голос.

– Ты где? Что с тобой?

– На станции я. Приходите за мной. Мне плохо...

Потом мужской голос сменился женским, который принялся бесконечно долго что-то рассказывать и о чём-то расспрашивать, явно не подозревая о состоянии своей подруги или родственницы на высоких каблуках.

– Да что они за тормоза такие? – раздосадованно подумал отец Глеб. Он уже сильно замёрз, – Дай мне трубку, я им быстрее всё объясню...

– Зачем те? Не дам! У меня телефон новый!

Кое-как до людей на другом конце незримого провода наконец дошло, что *Шехерезаду* надо таки забрать со станции.

– Ну, скоро они приедут? – с нетерпением спросил, притоптывая по платформе, прямо как в кино, в своих ботинках на тонкой подошве отец Глеб.

– Десять минут, сказали... Иди уже, а? Чего вам всем от меня нужно?

– Мне? Ничего! Ладно, жди давай – не засни смотри, – Глеб протянул женщине ещё салфетки, – Я пошёл...

– М-м-м... Спасибо... – буркнула *Шахерезада*, оттирая салфеткой испачканный сапог.

Спускаясь с платформы, отец Глеб обратил внимание на какого-то мужика, стоявшего поодаль. Больше вокруг никого не было. Глеб перешёл на другую сторону железнодорожного полотна, и медленно пошёл по скользкой обледеневшей тропинке. Вдруг сзади раздался крик.

– Стой! Отдай! Брось её! Там ничего нет! Оставь её!

– Ну что там ещё случилось! – священник недовольно повернул обратно в сторону платформы.

– Отда-а-а-ай! Ну там же... всё моё... Ну, будь ты человеком! Брось су-у-у-мку-у-у...

Черная тень скользнула с платформы в перелесок. *Шехерезада* в одиночестве рыдала на скамейке. Глеб понял, что тот одинокий мужик на платформе отнял у пьяной сумку. В этот момент к станции подъехала машина. Из неё вышли женщина и мужчина, оба в спортивных костюмах, и бросились к кричащей.

– Надь! Что случилось?!

– Сумку тиснули-и-и... – размазывала туш по лицу заметно протрезвевшая женщина – А та-а-а-м... документы все-е-е... телефо-о-он... и его открытка последня-я-я... я её на память-я-я-ть... он мне за день до гибели её посла-а-а-л...

– А это кто? – с подозрением посмотрела на Глеба приехавшая женщина. Она выглядела гораздо суровее своего спутника.

– По-о-оп... попутчи-и-к... он мне салфетки да-а-ал...

– Салфетки, поп... Эх, Надь... Ну, что так у тебя всё время! – с досадой сказала подруга и повернулась к Глебу – А ты часом не с ним вместе? Не наводчик, а?

– Стоял бы я здесь, будь я наводчик... Нет. Сумку жалко, но хорошо хоть не хуже... – ответил Глеб и хотел было добавить нравоучительное: «Люdiam верить надо!» В том смысле, что зря она его гнала. Но вслух произнёс, – Он, видать ещё с электрички тебя пас. На платформе стоял, ждал, пока я уйду...

Трясущаяся от холода и рыданий барышня поковыляла следом за друзьями на своих немислимых каблуках, то и дело подворачивая ноги и рассуждая, куда мог побежать вор и как ей жаль пропавшей сумки.

Глеб окончательно замёрз, но всё равно не стал вызывать такси, решив пройтись до дачи Антона пешком.

Женщины с нелёгкой жизнью и работой, ждущие радости хотя бы на праздник, курящие, пьющие и блюющие, как заправские мужики; истово крестящийся *Серёга* в старомодной ондатровой шапке; старушка с пакетами через плечо, решившая умереть стоя, без скорби и осуждения, пожалуй, даже без страха... просто перейти в иное *буднично*, как в другой вагон... всё это крутились в его голове.

Потом он начал думать о друге молодости Антоне, к которому вот-вот придёт, жене Свете, и всём, что предшествовало этому его медленному *скольжению по тонкому льду нового дня*.

Все братья сёстры

Не за что больше сражаться или так кажется,
Я человек предавший свои мечты.
Я изменил свою внешность, я поменял свое имя,
но никому не нужен тот, кто всё потерял.
*Peter Gabriel, «Don't give up».*¹⁹⁰

– Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

– Кто там? Что так поздно?

– Это я... Батюшка, откройте, пожалуйста...

– Что пугаешь? Три часа ночи...

Отец Глеб накинул на майку рясу и открыл дверь кельи. На пороге стояла молодая рясофорная инокиня¹⁹¹ Гликерия.

– Отче, простите, но мне очень-очень поговорить нужно... Сейчас...

– Ты с ума сошла? Игуменя узнает, что ты ночью шляешься, – мы же оба вылетим! – возмутился отец Глеб, но внутри у него предательски защемило... и он впустил её к себе в келью.

– Я хорошенько посмотрела – все спят. А я сегодня всё равно в котельной дежурю... Сейчас оттепель – особо не надо подбрасывать. Я там всё думала, о чём мы с вами говорили... молилась... Я должна была прийти... Понимаете? Не на исповедь, а так поговорить...

– Уффф... – тяжело вздохнул отец Глеб. – Ну садись, что с тобой сделаешь! – он принялся разгребать от книг и всякой всячины стул, по ходу быстро пряча неожиданно откопавшиеся между бумагами грязные носки.

Гликерии было лет двадцать пять. Девочка из провинциального города поступила в монастырь лет семь назад.

Надежда школы, которую тогда звали Ксения, идущая на золотую медаль, не находила никаких общих интересов ни со сверстницами, ни с непрестанно матерящимися и выпендривающимися друг перед другом парнями. Начитавшись Гоголя, Достоевского и Лескова, девочка зачастила в церковь.

Батюшка в церкви их городка был не очень... Толстый и многодетный. Вроде, он и исполнял всё красиво, но очень уж... поверхностно. Поговорить с ним о внутренних переживаниях или духовной литературе, которую Ксюша тогда начала читать в изобилии, было почти невозможно. С кем же поговорить, обсудить? Родители вообще ничего не понимали. Она оказалась совершенно одна. И тут добрая прихожанка посоветовала съездить к старцу, отцу Захарии, в Подмосковье...

¹⁹⁰ *Питер Гэбриэл, «Не сдавайся». Peter Gabriel (под. 1950)* – британский музыкант, вокалист, флейтист и перкуссионист британской прог-рок-группы Genesis, затем сделавший успешную сольную карьеру, продюсер большого количества этно-музыкантов.

¹⁹¹ *Рясофорная инокиня* – монахиня низшей ступени пострига, не давшая ещё монашеских обетов, но имеющая право носить рясу.

Толпа, ожидавшая старца, была огромной и очень пёстрой. Люди разных возрастов и настолько разных слоёв общества, что и пересечься бы никогда не должны: инвалиды и бесноватые или кликуши, интеллигенты в очках, какой-то бизнесмен в дорогом костюме и тут же, не пойми откуда взявшийся, негр.

Ксюша испугалась. Хотела даже уйти, но тут вышел отец Захария и, взглянув на толпу, совершенно неожиданно поманил Ксению к себе. Какая-то бабка было преградила девушке путь – так старец её даже оттолкнул.

Раскрасневшаяся старшеклассница оказалась в небольшой келье для приёма паломников. Она даже не успела старцу ничего толком рассказать, а он уже поведал ей всё о её внутренних переживаниях. Казалось, он видит её насквозь. Так легко стало после его объяснений! Так светло! И её будущая жизнь вдруг вышла из сумрака и превратилась в светлый путь служению Господу! Молитва, монастырь, подвиг, чистота и отсечение своей греховной воли. Отец Захария направил Ксению к игуменье Домне в обитель, благо монастырь этот был не так далеко от её родного города, и девушка всей душой приняла этот выбор.

К ужасу родных и школьного начальства последний класс она почти полностью прогуляла, всё время пропадая в монастыре. Вчерашняя отличница едва закончила школу, и, не думая ни о каком дальнейшем образовании или ещё о чём-то земном, переселилась окончательно в обитель.

Мать Домна была хоть и строга к послушнице, но явно благоволила ей. Она доверяла Ксении ответственные послушания и через год та, приняв иноческий постриг, была назначена секретарём матушки игуменьи. Казалось, всё шло прекрасно. Старшие по возрасту сёстры стали особо уважительно относиться к бывшей Ксении, которая теперь носила красивое имя Гликерия. Саму же девушку стало раздражать и это уважение, и то, что ещё вчера бывшие разговорчивыми сёстры, теперь замолкали завидев её.

Как-то не сразу, постепенно, мир в душе юной инокини стал давать трещины. Сперва ей не понравилось, как матушка не доплатила наёмным узбекам, сказав, что нехристям и так много, а ей купол возводить надо. Потом Гликерию возмутил роскошный стол, который накрыли в нищей обители, когда приехал владыка, и бесконечные льстивые речи, звучащие для неё хуже, чем сквернословие бывших одноклассников, ведь те хоть искренними были.

Она высказала свои сомнения матушке. Та пришла в недоумение и послала её к отцу Захарии. Старец, в свою очередь, на этот раз не был столь лучезарен, каким показался ей при первой встрече. Он отругал Гликерию и сказал, что не её куриного ума дело смотреть в архиерейские тарелки и монастырский кошелёк.

Однако юную инокиню этот ответ не удовлетворил, и она продолжила искать ответы на свои вопросы в святоотеческой литературе. Она всё больше смущала сестёр и игуменью своими разговорами о нестяжателях¹⁹² и древних

¹⁹² *Нестяжание* – монашеское движение в России в конце XV – первой половине XVI веков, выступавшее против монастырского землевладения.

монастырских правилах, всё больше позволяла себе вольностей и в разговорах о начальствующих. Сестры смущались.

Предел терпения игуменьи настал, когда Гликерия укрыла у себя в келье полубомжиху-трудницу, изгнанную игуменьей из монастыря за пьянку. Мать Домна сказала, что нечего устраивать в обители кабак, и пусть алкашка катится в деревню к мужикам, с которыми пила.

Женщина ушла и вернулась избитой и снова пьяной. Она умоляла игуменью пустить обратно, но та отказалась, сказав, что не может позволить развращать живущих в обители, и что, вообще, монастырь – дом молитвы, а не бордель.

Тогда-то инокиня Гликерия и укрыла женщину у себя. Это через пару дней вскрылось. Игуменья была в бешенстве и отправила инокиню на ковёр к архиерею, снабдив самой нелестной характеристикой.

– Какая главная добродетель для монахини? – сурово спросил епископ у вошедшей девушки в монашеском одеянии.

– Любовь! – ответила та дерзко.

– Нет!!! ПО-СЛУ-ША-НИЕ!!! – вспыхнул архиерей.

Конечно, начитанная Гликерия знала, как нужно было ответить, но совершенно не захотела это делать только потому, что так было надо.

Владыка сдвинул густые брови. Обратно она вернулась с благословением назначать строптивую девку на самые тяжёлые послушания, пока не научится смирению.

– Как ты могла ТАК разговаривать с преосвященнейшим?! – кричала на Гликерию игуменья.

– Так разговаривала, потому что думала, что разговариваю с человеком! Ведь и он – не ангел, и я – не бес! – неожиданно даже для себя ответила та.

– Ты – хуже беса!!!! – окончательно вышла из себя мать Домна. Такого она и вообразить себе не могла.

С тех пор Гликерию переселили из отдельной в общую келью, и послушания несла она только на скотном дворе или в угольной кочегарке.

Всё это было как раз перед переводом отца Глеба в монастырь. Гликерия из-за тяжёлых послушаний в храме бывала не так часто, и в первый год отец Глеб даже не мог вспомнить её по имени, когда она подходила на исповедь.

Постепенно они начали приглядываться друг ко другу. Инокиня, после того скандала, никому не доверяла, да и отец Глеб ей был сперва как-то неприятен. Но, услышав как-то его проповедь, особо не понравившуюся игуменье, где батюшка утверждал, что святость не терпит шаблонов и стандартов, и творчество в Духе всегда выше них, она решилась таки потихоньку начать открывать ему свои мысли и сомнения.

Неожиданно оказалось, что отец Глеб её понимает лучше, чем кто и когда-либо. Какие-то её догадки он опровергал, но аккуратно, не обидно. Другие – поддерживал.

Потом отец Глеб в тайне от монастырского начальства стал давать ей всякие книги, причём не только православных авторов. Сначала она наотрез отказывалась, но он объяснил, что многие западные писатели почитались и

восточными отцами, несмотря на неприятие их заблуждений. И вот теперь, этой весенней ночью, она опять много думала, всё переворачивалось в ней и она не могла больше держать это в своей душе.

– Ну, что у тебя стряслось посреди ночи? – наконец усадив гостью на стул и поплотнее закрывая занавеску, спросил отец Глеб.

– Случилось? Да так даже и не скажешь... И случилось, и нет. Вот я теперь столько прочла, передумала, поняла, какой я душой была... То есть... ну как сказать... Вот Господь призывает, и я понимаю, что ничего лучше нет! И про несовершенства наши и всей нашей земной церкви понимаю... И про своё... такое... Когда-то я думала, что святой стать просто: надо только быть твёрдой и честной. Но ведь оказывается, что твёрдость может оказаться жестокостью, бесчувствием, а честность – тупостью... не в смысле, что честность это плохо, а что... ну подделка...

– Мы не раз с тобой об этом говорили... Может не так эмоционально... Я не пойму только, что такого вдруг произошло, что надо было так... ночью, рискуя, ко мне приходите? Право слово, может, ты просто устала? У тебя же очень тяжёлый режим...

– Вот опять, устала! Да нет, я просто объяснить не могу... Когда словами, то всё как-то не так звучит... Как сказать? Одно дело – всё понимать, другое – измениться! Вот и я как-то поменялась... Что-то там внутри изменило свой ход. Навсегда изменило, я знаю. Всё должно стать другим...

– Ну ты, прям, как чеховская героиня, – усмехнулся священник.

– Так я и знала! И вы надо мной смеётесь! – вспыхнула инокиня. – Зачем тогда вы мне книжки давали, разговаривали... если вы, как они?

– Да я ничего такого и не сказал... Господи, помилуй! Да что плохого в чеховской героине? И в переживаниях твоих ничего плохого! Это нормально переосмыслять, меняться, ну?

Инокиня рыдала. Глеб этого никак не ожидал. Она всегда была такой собранной, умеющей держать себя в руках.

– Ну, что ты? – он подошёл к ней со стаканом воды и тронул её за плечо. – Возьми, Гликерия, ну нельзя же так!

– Не называй меня Гликерией! Я – Ксения! – она бросила на него гневный взгляд, размазывая слёзы по запачканному углём лицу...

«Как тушь...» – подумал Глеб.

Кто первый бросился в объятия, ни он, ни она не поняли. Глеб уже забыл, как это: обнимать и целовать, а Ксения – никогда и не знала. Но это было так прекрасно в своей неуклюжей комичной радости. Минуты той близости, которая больше и шире какой-нибудь телесной или умственной. Нет, не больше, а огромнее! Совсем другой, настоящей, возрождающей и питающей всё существо.

Отец Глеб кончил в штаны. Объятия стали ослабевать.

– Что? – глянула она в упор.

– Погоди... – сказал он отклоняясь, – Ксюшенька... милая... хватит...

– Я понимаю... Я развратная! Но нам же так хорошо...

– Да не развратная ты! Ты развратных-то не видела. Ты... хорошая... девушка... очень хорошая! Настоящая! Прекрасная! Я давно сказать тебе хотел... Тебе из монастыря уходить надо, образование получать, не знаю... Когда-то ты может и вернёшься, как мать Мария Скобцова¹⁹³... В возрасте уже. Но сейчас тебе надо уходить. Не здесь твоё место. Вот и ответ на твои вопросы и переживания.

– Но мы же если уйдём, то – вместе, правда?

– Ксюшенька... Ну, как тебе сказать... Это сейчас тебе кажется, что надо со мной... Ты просто других не знаешь... Я для тебя оказался мостиком, но мостик не нужно брать с собой.

– Ты так говоришь, потому что я тебе не нравлюсь!

– Да нет... Нравишься, даже очень... Но потом... ты тяготиться мной будешь. Да и зачем всё это? Да и поп с инокиней – неправильно это...

– Ну, ты же сам говорил, что в настоящих отношениях и с Богом, и с людьми – нет шаблонов! Что шаблон – это смерть!

– Шаблон... Да ты посмотри на меня! Маленький лысеющий еврей да к тому же ещё и православный поп! Ну зачем тебе, молодой, умной и красивой такое чудо?!

– Ты просто боишься! Ты... ты – как они!

– Не знаю. Может, ты и права...

Они посидели молча. Минут через десять он подошёл и дал ей ещё раз воды. Она медленно отпила. Ещё посидели. Отец Глеб подошёл к окну.

– Не знаю... Но и тем более, зачем тебе? Я тебе помог, чем смог. Надо самой теперь... – сказал он, глядя в темноту.

– Это я тебе помогла! – сказала Ксения перед тем, как захлопнуть за собой дверь.

¹⁹³ *Мария Скобцова, (1891-1945)* известна как *Мать Мария*, в миру Елизавета Юрьевна Скобцова – монахиня Константинопольского Патриархата. Поэтесса, мемуаристка, участница французского Сопротивления. Канонизирована Константинопольским Патриархатом как преподобномученица в 2004 году.

По понятиям

Наутро все, что имело смысл,
Перестало его иметь,
И в сером небе вопрос повис
Без ответа, как ни ответь.
И нам не о чем больше думать,
И некуда больше смотреть.
Умка и Броневик, «Встань и ходи»

– Кажись всё... Ничего не оставил нужного... – осмотрел опустошённую наполовину келью протодьякон Николай.

– А музыку забирать не будешь? Нормальный аппарат же... –

– Да брось, отец Сергей! Старьё!

– Ну... я не знаю, на дачу хоть отвезёшь.

– Слышь, ты уж блажишь, как Глебушка. Батянь, понимаешь, у меня теперь всё упаковано!

– Эх, жаль, что оно так всё вышло... Добро было жити нам, братьям вкупе... пока Глеба не выкинули... и Вячеслав ещё служил... Да, не думал, что про то время, как про лучшее вспоминать буду. А теперь и ты уходишь... А помнишь, как Глеб тебя подстебал? Ты тогда с похмелья на службу не вышел, а он тебя тяжело болящим помянул...

– М-да... – усмехнулся Николай, – я его потом месяц так поминал! Потом начали за упокой друг друга поминать: я его новопреставленным, а он меня – приснопамятным...

– Но последнее-то слово за ним все-таки было! На Троицкую родительскую¹⁹⁴, когда канон читается о всяко погибших: и рыбами съеденных, и в огне сгоревших, и прочие ужасы кошмарные... Он тогда прямо на панихиде на весь храм: «Жабой удушенного протодьякона Николая»... Потом ещё настоятель разборку как всегда устроил...

– Лихие 90-е! Иначе не скажешь! Тогда дисциплинку промеж нас ещё не навели. Ну, а теперь что тут делать? Глеб... Вот у меня, тоже с женой не вышло, но нормальный вариант нашёл же! Девка молодая, симпатичная, сексуальная, дочь управленца, вся из себя образованная-интеллигентная. Ну ты видел... И меня папаша её на хорошее место определил! В такую фирму не всякого возьмут ещё! Как люди жить будем, а послужить на праздник я куда-нибудь съезжу, если захочу...

– Ну, всё же у тебя теперь второй брак – по канону тебе служить нельзя... Не, я понимаю, Коль, не смотри на меня так... И вообще... А Глеб в монастыре спасается...

¹⁹⁴ *Троицкая суббота* – день общерусского поминовения усопших, приходящийся на субботу перед Троицей. В России и на юго-востоке Белоруссии считается самым большим и почитаемым поминальным днём.

– Ага! От кого он в этом странном бабьем монастыре спасается? Не, я грешник, факт! Но это же тоже фигня, и ты сам знаешь! Зачем только пургу эту несёшь?

– Ну, а что ему было делать? – отступал отец Сергей под натиском уходящего из церкви протодьякона.

– Конечно, Глебушке до меня далеко! Перед ним бабы штабелями не ложатся, но уж чего-нибудь мог бы найти... Типа он же умный и со страданием на морде! А это иные романтические натуры тоже любят... Хоть бы, блин, послушницу какую нормальную увёл, что ли?... А так сейчас, поди, в грязищи по колено сопли жуёт. И сам не знает, *зачем и кому это нужно*¹⁹⁵... Как у Вертинского в песне.

Протодьякон был не далёк от истины. Отец Глеб в этот момент был и вправду в грязи по колено, но на хорошем джипе монастырского спонсора Владимира, который вызвался подвезти его до деревни причастить умирающего.

Спонсор был из братков, здоровый русский парень. Обычно он в монастыре не исповедовался. Духовником всей их бригады был благочинный из города. Но как-то подошёл Владимир на исповедь к отцу Глебу, решив причаститься на праздник. Перечислив грехи, благотворитель обители по известному ему обыкновению наклонил голову перед аналоем. Однако священник не торопился накрывать её епитрахилью. Пауза затягивалась, и Владимир напомнил о себе:

– Батюшка, молитву разрешительную прочтите.

– Да это понятно, прочту, куда я денусь. Вот я прочту: «Прощаю и разрешаю», а Бог скажет: «Не прощаю и не разрешаю», причём и вам, и мне... Мы вот с вами в это всё играем, а Он-то видит и сердце, и дела наши... Я понимаю: время, обстоятельства, все кругом такие и иначе выжить трудно. И сам я приспособляюсь, и совсем не образец для подражания... Но ведь всё равно выходит, что мы только играем в Его правду, а не живём по ней...

Спонсор после этого у Глеба никогда не исповедовался, но стал относиться к нему с неким интересом и даже покровительством. И, когда однажды игуменья обратилась к нему, не поможет ли он решить с владыкой вопрос, чтоб другого священника назначили, Владимир почесал короткий ёжик на голове и ответил: «Не, не надо его менять, пусть молится здесь...»

– Не надо меня ждать, я и сам обратно дойду...

– Да бросьте, батюшка, по такой грязищи? Подожду уж... – ответил отцу Глебу благотворитель, когда подвёз его к избе.

Запах в комнате был характерный: мочи и лекарств. В углу на кровати лежал измождённый старик, кожа да кости.

¹⁹⁵ Слова из романа *То, что я должен сказать* Александра Вертинского, написанного в конце 1917 года и считающегося одной из самых известных русских антивоенных песен.

– Вот, батюшка, мы его не кормили, ну да папа и так четвёртый день не ест. Вы уж сделайте, что надо. Анатолием его звать – сказала женщина, убирая со стола грязную скатерть.

– Он причащался когда до этого?

– Что вы! Времена-то советские были...

– Да уж двадцать лет, как не советские.

– Ну... всё равно. Мужик – и в церковь... Много вы таких видали? А он у нас скромный... Всю жизнь – тише воды, никому не перечил... Но против-то Бога не был...

– Понятно... Он хоть в сознании?

– Да вроде был... Ща разбужу его попробую... Пап! Па-а-ап, просыпайся, батюшка пришёл, сейчас тебе всё сделает.

– Доктор? – проскрипел старик.

– Нет, не доктор. Этот уже к тебе не ходит. Батюшка это! Ба-тюш-ка. Причастит тебя или что там надо... Чтоб ты не мучался так...

– А я не знаю... а что надо от меня?

– Анатолий, меня Глебом зовут, я – священник. Прежде всего, вы в Бога верите? Вообще, вам это надо?

Хозяйка посмотрела на священника с удивлением.

– Батюшка, ну, что вы вопросы-то такие задаёте... Вы сделайте, что положено...

– Так если он неверующий, не хочет ничего, то зачем его всем этим насиловать? Не на пользу это никому...

– Не зна-а-а-ю... – отозвался Анатолий, – раньше верить не положено было... В монастыре склад был... А сейчас всё по-другому...

– Поймите, мы сейчас не про положено или нет. Ваш жизненный путь, что греха таить, подходит к концу... Вот, если вы верите в Творца, что Он есть, что Он добрый... Вы можете постараться сейчас подготовиться к переходу туда, к Нему... Но это только если есть вера... Без неё пустой ритуал никому не нужен...

– Жизнь у меня тяжёлая была, батюшка. Война, колхоз... нас раскулачили, когда я ещё ребёнком был... Если бы я думал, во что я верю, что... чувствую... я не выжил бы... – проскрипел старик.

– Пап, ну скажи, что веришь, и всё тут! – снова вмешалась хозяйка.

– Погодите, не надо так. Вообще... давайте-ка я пока один с ним поговорю. Поисповеду, если он захочет...

Они говорили долго. Глеб понимал, насколько тяжело человеку принять какое-то своё, личное решение. Анатолий много рассказывал, вспоминал редкие радости и многие скорби. Жизнь приучила его никогда и не помышлять о том, что он имеет право хоть что-то решать...

– Послушание – превыше всего... – не выдержав, прокомментировал священник.

– Что?

– Да нет, извините... Это я про себя, к слову... Анатолий, дорогой мой, я вас очень понимаю, и я уважаю то, что вы никогда не показывали...не

проявляли, как рассказываете... Но главное, что в вас есть – ваша свободная воля! Никакой веры без неё не может быть, ну... Там – не колхоз, и Бог – не председатель, не НКВДэшник. Ему наша... ваша воля и желание важны, – уже сам не понимая зачем всё это затеял выпалил отец Глеб.

– Хочу, хочу верить! Господи, помоги! – заплакал старик...

– Что-то вы долго, батюшка... – сказал, открывая дверь автомобиля монастырский благодетель Владимир.

– Извините, так вышло... Я уж думал – не дождётесь.

– Да ладно! Во славу Божию! Не бабками же одними грехи замаливать. В монастырь? Обратно?

– Да, в колхоз...

– Куда?

– Да это я так, Владимир... в монастырь, конечно...

Где-то на середине обратной дороги, выворачивая из очередной канавы, спонсор вопросительно глянул на священника.

– Отец Глеб, я всё спросить хотел... между нами... по-мужски... А у вас правда с этой Гликерией, ну, которая из монастыря ушла, что-то было?

Глеб отвернулся и стал смотреть в боковое стекло.

– Да даже было б, говорить бы не стал...

– Понима-а-а-а-ю... – ухмыльнулся, внимательно глядя на священника благодетель.

Голый завтрак для чемпионов

Сколь раз свой взгляд нужно кверху поднять
Чтоб увидеть небесный свет?
Чтобы крики страданий тебе понять
Сколько нужно ушей, ответь?
И сколько должно быть могил на свете
Чтоб смогла насытиться смерть?
Ветер, один лишь ветер
В чистом поле тебе ответит.
*Bob Dylan*¹⁹⁶, «*Blowin' in the wind*».

– Последнюю пачку книг Воннегута¹⁹⁷ у меня прям из раздевалки в семинарии спёрли, – вспоминал отец Валентин.

– Да, я тогда ещё возмущался: «Зачем ты эту дрянь в святые стены бурсы¹⁹⁸ пронёс», – сказал батюшка Сергей, – а тут препод наш любимый отец Лука сказал, что он бы Воннегута и Берроуза¹⁹⁹ в семинарскую программу ввёл... вместо общего богословия. Мы так и не поняли, шутил он или нет, но мне эти книги мозг сильно подорвали... Где сейчас отец Лука, интересно?

– Куда-то сослали... То ли в монастырь, то ли на приход дальний... – сказал отец Серафим.

– У нас на приходе батёк был, вроде отца Луки. – продолжил разговор отец Сергей – Такой же приколист... Нормальный парень в общем... Да помнить ты его должен, Валь, – отец Глеб. Сейчас в женском монастыре служит. Тоже съели...

– Глеба? В женский монастырь? Ну, это ваще жость! По мне так лучше под запрет! Конечно, помню, отличный парень! Думающий такой батюшка. Ну и да... приколист. Ты знаешь, как он меня развёл однажды?

– Нет.

– Сижу я у себя на приходе в Америке. Рождество только что отслужили. Вдруг – звонок! Какой-то чувак с акцентом говорит: «Здрастуйте! Это из администрейшн президент Буш вас беспокоит. Мы знаем, что вы очень хороший художник и хотели заказывать для наш президент икону! На ней должен быть наш президент на коне, бьющий копьём Садам Хуссейн, как святой Георгий...» Тогда как раз только по ящику их америкосскому про меня репортаж показали: как я служу, с новыми и старыми эмигрантами общаюсь и

¹⁹⁶ Боб Дилан, «*Ответ ветра*», *Bob Dylan* (род. 1941) – американский автор и исполнитель своих песен, поэт, художник, киноактёр, культовая фигура в рок-музыке.

¹⁹⁷ Курт Воннегут (1922 – 2007) – американский писатель-сатирик. Считается одним из наиболее значительных американских писателей XX века.

¹⁹⁸ Бурса – подготовительные классы духовной семинарии; в просторечии или шуточно – сама семинария;

¹⁹⁹ Уильям Сьюард Берроуз (1914 – 1997) – американский писатель и эссеист. Один из ключевых американских авторов второй половины XX века. Считается важнейшим представителем бит-поколения.

иконы пишу. Ну, думаю, вона как сработало. Молчу. Ведь и не откажешь, и как такую фигню писать? Этот в трубке мне ещё что-то про уникальность моего таланта и, что они бы очень хотели, чтоб во время военной операции в Ираке у президента была бы такая икона... Я вообще в ступор впал, все предохранители перегорели... А потом слышу: «Да ладно, отче, не парься! Это я, отец Глеб, помнишь? У отца Сергия встречались. С Рождеством тебя!»... М-да... женский монастырь... Жалко парня.

Бывшие однокашники, отцы Сергей, Валентин и Серафим, встретились на патриаршей службе на Бутовском полигоне²⁰⁰. Стояла ужасная жара. Патриарх с епископами расположились в тени под навесом, а духовенство парилось в облачениях прямо под палящим солнцем.

Многим священникам становилось плохо. Один пожилой батюшка начал даже терять сознание. К нему подошёл известный своей лютостью московский благочинный, сделавший в патриархии хорошую карьеру при прежнем патриархе Алексии, и начал шипеть на старика, чтоб тот встал прямо и не притворялся, а если не может отстоять патриаршую службу, значит и вовсе служить не может, и ему подыщут замену.

Отцы Сергей и Валентин стояли рядом и разговаривали, понятно, замечание сделали и им.

– М-да... Отвык я от этого всего на Западе. Ты посмотри, какие все смурные стоят. Все всего боятся: начальства, собратьев, себя самих... Ну, как это? Ведь всем от этого плохо! Что это за церковь такая?

– Привыкай, батяня! Был бы ты и сам таким, вернулся бы из Америки своей настоятелем. А тебя пихнули пятым попом к настоятелю алкоголику и педерасту... Ладно, давай не здесь... Когда эта байда закончится, пойдём в кафе – посидим втроём с Серафимчиком. Видишь, вон он в первых рядах отработывает...

Теперь трое священников сидели в ирландском пабе. Двадцать лет назад они, трое москвичей, учились в одной провинциальной семинарии. Сергей был старше, он перед этим уже успел отслужить офицером в армии. Володя, будущий отец Серафим, был бойким, но не шибко грамотным подмосковным мальчиком. А Валентин – из столичной интеллигенции происходил. В московскую семинарию он сдал экзамены на отлично, но его не взяли из-за нехорошей статьи в военном билете.

После семинарии их дороги разошлись. Сергей стал священником московского храма, где и служил до сих пор. Валентин отучился в академии, занялся серьёзно иконописью, потом смог получить место настоятеля русского храма в Америке. Но вот теперь его отозвали обратно...

Лучше всего сложилась судьба у отца Серафима, хотя поначалу, когда его, молодого монаха, назначили настоятелем развалин огромного храма в

²⁰⁰ *Бутовский полигон* – историческое наименование урочища, известного как одно из мест массовых казней и захоронений жертв сталинских репрессий в период 1937–1938 годов близ деревни Дрожжино Ленинского района Московской области.

глухом подмосковном углу, казалось, что ему-то как раз повезло меньше других. Но очень скоро в этом медвежьем и экологически чистом углу стали появляться шикарные коттеджи: строились крутые и прочие чиновники с предпринимателями. Отец Серафим быстро нашёл с ними общий язык, и дело закрутилось. Сейчас он ездил на *Лексусе*, отдыхал на Канарах и готовился стать епископом.

– Эх, братцы, вот куплю себе епархию и заберу вас с собой! Правда, ближнюю к Москве не обещаю. У меня столько денег пока нет...

– Эх, Симчик, раньше ты таким циником не был. Помнится, симонию²⁰¹ осуждал даже, – уколол отец Валентин.

– Эх, дорогой, все ваши беды от того, что вы так и не повзрослели и не отделили веру от бизнеса. У бизнеса свои законы и, если хочешь жить нормально, надо им следовать. А вера... Знаешь, я, когда служу, верю, но это ж не значит, что я всегда верить должен. Когда я по бабам иду, это совершенно не нужно. А не ходил бы я по бабам – так у меня бы давно крыша поехала и я на людях бы отыгрывался. А так я с иудеями – как иудей, с бандитами – как бандит, с антисемитами – как антисемит, ну и так далее, по *Апостолу*²⁰²... И всегда позитивен! Вот это и есть мой *символ веры*²⁰³!

– М-да, оно конечно хорошо, позитивным быть, но как-то ты уж чересчур... Да и как без скорбей?... Разве у тебя их нет?... Знаю, что есть... это хотя бы честно... – сбивчиво заключил отец Сергей после небольшой паузы.

– Вот, ты зовёшь нас в свою будущую епархию. Конечно, вряд ли я или Серёга поедem, – начал отец Валентин, – если только нас, как Глеба, в женский монастырь не сошлют... Но, предположим, мы поехали, а в епархии новой ситуация так складывается, что тебе нас сдать надо. Ну, карта так легла... Сам знаешь, как это бывает. Сдашь или нет?

– О, брат, какие ты вопросы задаёшь... У америкосов, что ль, так говорить научился? Ладно, Валь, не обижайся! Это я любя. Но ты ж и впрямь как-то попионерски рассуждаешь... В системе надо уметь не подставляться! Тогда и карта нормально ляжет, это – первое! Второе – своих я не сдаю... до тех пор, пока они сами себя не сдают... А далее – смотри пункт первый.

– Ты извини, Сим, но я ещё один тебе наивный вопрос задам. А причём тут Христос, Евангелие, то, во что мы в бурсе верили? Ну, даже если ты кроме как на службе не веришь, всё равно, должна же быть связь?... Это я не только тебе, себе тоже этот вопрос задаю...

– Эх, Валя! – вмешался отец Сергей, – Глеб тоже всё вопросы такие задавал, и чем это кончилось? Личная вера или неверие... не всегда одно от другого и отличишь-то... это всё – личное спасение, а остальное – бизнес...

²⁰¹ *Симония* – продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий (причастие, исповедь, отпевание), священных реликвий и т.д.

²⁰² *Апостол* – богослужебная книга, включающая часть книг *Нового Завета*, деяния и послания Апостолов: к римлянам, к колоссянам, к евреям, к коринфянам, к филиппийцам, к галатам, к ефессянам и т.д.

²⁰³ *Символ веры* – краткое и точное изложение основ христианского вероучения, составленное и утвержденное на 1-м и 2-м Вселенских Соборах.

Может, не так уж грубо, как Серафим говорит. Да и вообще, я за большее соответствие заповедям... Но по-другому-то не выходит. Не знаю уж, как там в заграницах, но здесь – так! – резюмировал отец Сергей. – Помнишь, у Воннегута в *Завтраке для чемпионов*²⁰⁴: «Чёрный арестант, которому подошло бы надгробие. Он привыкал ко всему, к чему нужно было привыкнуть». Вот и мы такие же чёрные арестанты... Хоть всё вроде и ничего, и эль ирландский пьём...

– Ну да. «Тюрьма на упаковках не упоминалась и молочая тюремная продукция выходила под маркой *Королева прерий...*», – продолжил цитату из книги их молодости отец Валентин. – М-да... К нашей системке марка такая тоже вполне...

²⁰⁴ *Завтрак для чемпионов, или Прощай, Черный понедельник!* – роман Курта Воннегута, опубликованный в 1973 году.

Материнское сердце

Театр начинается с виселиц
Не потеряй номерка
Юрий Наумов, «Театр Станиславского»

Наверное, это и есть счастье. Переполненный храм, солнце так красиво бьёт лучами через древние окна-бойницы. Твой сын – архиерей, как красив он в этих ярких праздничных облачениях! А все эти мальчишки со свечами вокруг него словно ангелы! Вот он говорит немного нараспев, но с назидательностью, то возвышая голос, то снижая до проникновенного, а весь храм затих и внимает как-будто и не дыша:

– Такие ниши святыни, не от мира сего, не от греха! Русь Святая – Нищая духом, но богатая Богом, не понять, нет, не понять им, отступившим в плотские наслаждения и разврат всем этим человекоугодникам, забывшим Бога, что есть истинная духовность наша! Духовные скрепы – это не просто слова...

«Слава Тебе Господи! Смог он с Твоей помощью преодолеть всё, стать таким, Твоим служителем!» – загорелась в материнском сердце молитва, а память вернула её в тот вечер двадцать с лишним лет назад...

Что он сказал, было невыносимо, казалось, минутою назад, когда она рвала на себе волосы, пыталась бить его, выла, она была сама ненависть, прожигающий огонь. Теперь его заплаканное лицо было таким красивым, невозможно родным.

Она опустила на стул, четырнадцатилетний сын так и стоял перед ней молча, понурившись.

– Ма, но ты же сама говорила, что б я тебе, только тебе всегда правду говорил...

Это её и остудило, да, она его так научила говорить матери всегда правду, кому угодно, что угодно, да, жизнь тяжела и кругом много злых людей, а они всегда вместе и мать всегда примет.

Она многое поняла не сразу, смотрела на друзей и соседей и на хотела так жить, без любви, в ненависти и злобе. Она верила, что Бог не создал их такими, но разве можно было комсомолке говорить о Боге? Она решилась всего два раза. Первый – с подругой в техникуме, через неделю вся группа показывала на неё пальцем, а комсорг даже хотела собрать по поводу собрание, но как-то начальство на одобрило. Второй – с ним, с жениным отцом, в какую-то из тех ночей, что они были близки. Она чувствовала, что нет никого роднее, так рядом... «Два – одна плоть», да, но и один дух, навсегда, перед Богом. Она ему так и сказала, потому что верила, что он чувствует так же. Он ухмыльнулся, так, что она почувствовала – это конец, а потом он встал и закурил... Через неделю они увиделись в последний раз...

Женю, нынешнего епископа Афанасия, она растила одна, мать так и жила в их маленьком провинциальном городке, а она, Валя, по лимиту осталась в

Москве. Общага, пелёнки, в общем, «Москва слезам не верит», только никакой карьеры и прочей поздней романтики. Но была церковь, она начала ходить туда, сначала в близлежащую, но там всегда было не пробиться, а батюшки были все какие-то невнимательные, а то и грубые, без духовной неспешности. А когда она хотела покрестить Женю, то от неё потребовали паспорт отца.

– Но... У него нет отца, я одна...

– Как это? Нет отца? – усмехнулась сухенькая женщина в очках, что оформляла крестины, – На нет и крещения нет, так по закону...тоже мне...

С тех пор Валентина стала ходить в другой храм, Николокузнецкий, что в центре. Народу там было много тоже, но храм попросторнее, а главное отношение и батюшки были другими. Её сына окрестили не оформляя, священник все понял и пошёл навстречу. Она стала ходить туда сначала раз в месяц, а потом и каждую неделю. Для неё открылась совсем другая жизнь, всё советское казалось глупым и нелепым, лишённым настоящей основы, впрочем, и прежние свои мечты и фантазии она вспоминала с грустью или даже раздражением, ну какая любовь может быть без Бога, да и вообще, всё это чувственное, греховное...

– Да, сын, я сама тебя так научила, и ты правильно сделал, что сказал мне всё, – ответила она наконец собравшись с духом, – Теперь тебе надо пойти на исповедь к батюшка и всё ему рассказать. Ты знаешь его, он строгий, но он все видит и понимает. Тут без Божьей помощи не обойтись...

Владыка Афанасий решил давать крест сам, не всем, конечно, первым, здесь спонсоры стояли и прочие важные лица, кого поздравить, просфорку дать, улыбнуться. Уже хотел уходить, а тут мать подошла с заплаканными и счастливыми глазами, смешная старушка. Он дал ей поцеловать крест и ушёл в алтарь. В голове пронеслись воспоминания.

Тот вечер, он решил сказать маме, что не говорил никому... Ему нравятся мальчики... Потом по её совету исповедь у духовника, он не хотел говорить, но мать стояла сзади и он понимал, что не сможет соврать ей...

Священник, расспросил обо всём, давно ли, как это у него, молчал, казалось, невыносимо долго. И наконец сказал:

– Женя, есть такие люди, это как быть искалеченным... Твой крест – быть одному, значит этого Бог от тебя хочет. Начинай ездить в монастыри, там, может, найдёшь своё место, и никому кроме как батюшке на исповеди не рассказывай об этом...

И он не рассказывал, и по монастырям с матерью ездить стал, было то их в советские годы всего ничего.

Был один монах, который как-то особо с пониманием отнёсся к Жене, к нему он старался попасть каждый раз, как бывал в обители. Лет 17 ему уже было, и монах тот позвал его в келью... Потом другой раз, и ещё... Он ему рассказал, что таких как он немало, и что ни мать, ни мирские священники не поймут его, а он – понимает, потому что сам такой... И традиция эта древняя, чтобы монахи любили друг друга, да и среди апостолов не так все просто было, как в Евангелии описано, потому как нельзя открыто говорить, но есть изустные предания...

Тот монах, уже посвятивший Женю не только в теории мужской любви, представил его другу архиерею, тому Женя очень понравился, он взял его к себе в келейники... Дальше жизнь закрутилась, заочная учёба в семинарии, поездки с архиереем, обеды, праздники. Как-то один, казалось, мелькавший на архиерейских приёмах человек, неожиданно подошёл к Жене на улице, заговорил с ним о том, что служба Богу это очень хорошо, но неплохо бы служить и Отечеству. Женя перепугался, а вдруг его вот так в армию забрать хотят, но у него справка... собеседник улыбнулся, он не об этом, пусть Женя не пугается, Отечеству по-разному служат...

Теперь, 30 лет спустя, он усталый от службы ещё не старый перспективный архиерей идёт в алтарь, вот парнишечка семинарист этот... Как же он ему по сердцу... Нет, епископ Афанасий почти никогда не прибегал к насилию, это лишнее, но если парень внутри свой или расположен... Секретарь обещал прощупать, но как-то всё ничего, надо б поторопить его...

Валентина стояла в стороне и видела со спины ушедшего в алтарь сына-архиерея. Показалось? Пронзило как-то, когда она крест целовала, что ухмыльнулся он совсем как его отец тогда, сорок лет назад, когда она поняла, что больше ничего не будет... Искушение бесовское какое-то...

Отпуск в лучах заходящего солнца

Всегда на посту.
Голова в облаках.
Повторяет слова, звучащие громко в ушах.
Но его никогда не слышат,
И слова его никому не нужны.
Но ему всё равно.
The Beatles, «Fool on the hill»²⁰⁵.

Он подходил к своему дому. Вот и подъезд. Почти полгода здесь не был, так что ему показались приятными и этот затхлый воздух, и дребезжащий звук старенького лифта.

Свете Глеб позвонил заранее, предупредил, что приедет. Она была доброжелательна. Теперь отношения как-то почти наладились, то есть, их как бы не было, но в этом отсутствии отношений была уже не отчуждённость, а ровное спокойствие. Её устраивало, что несколько раз в год он приезжает, привозит какие-то деньги, общается с детьми, в чём-то помогает. А он видел их недолго, и раздражение не успевало накапливаться, прежние же претензии и обиды остались в прошлом.

– Заходи. Как добрался? – спросила, впуская мужа, Светлана.

– Нормально.

– Ребята не пришли ещё. На занятиях...

– Ну и ладно. Надеюсь, я тебе не помешал?

– Слушай, прекрати, договорились же...

– А разве лучше было бы, если я б этого не спросил?

Он улыбнулся. Она в ответ. Такого давно уже не было...

Потом он разбирал вещи. Она рассказывала о детях и всяких проблемах. С работой у неё опять не ладилось, впрочем, и с детьми-подростками, тоже. Он обещал поговорить с отбившимся от рук сыном. Она уверяла, что Глеб для него – не авторитет, но пусть уж попробует, ведь чем чёрт не шутит, когда речь идёт о разговоре с попом. Посмеялись. Ещё поговорили о детях, о ценах и окружающей озлобленности сограждан, о том, что всё не слава Богу и в церкви, и в миру.

– Свет, знаешь... А если я вернусь в Москву?... Совсем...

– Тебя снова выгнали?

– Нет...пока... Просто с этим монастырём женским совсем я уже смысла не вижу... – продолжал Глеб, встав со стула и подойдя к окну. – И им я не нужен, ну а мне давно всё это театр абсурда больше напоминает. А со временем всё только ухудшается...

– Прогнать, понятно, не прогоню – это и твой дом... Но как-то не хочется, чтоб ты сюда вот так взял и приехал... лёг здесь и всё...

²⁰⁵ Битлз, «Чудак на холме».

– Служить в Москву меня не пустят, это ясно... Куда-нибудь устроюсь в Подмоскowie, если удастся. Ну, или какую-то светскую работу найду...

– Да где ж тут найдёшь её в нашем возрасте? Кому мы нужны? Детям своим и то – не очень...

– Знаешь... Я не об этом, даже. Что-то наверняка найдётся. Пристраиваются люди... Москва, всё же... Я про то, как нам с тобой...

– Не знаю... – сказала Света, помолчав и покрутив в руке старую заколку.
– Я боюсь... Сейчас всё так привычно уже, гладко что ли... А при всей нервотрёпке, если ещё и между нами начнётся... я не выдержу... Да и детям не знаю, что лучше... Вроде и не хватает порой слова отцовского, но и тесно у нас... Да и они уже сами по себе становятся... Но, с другой стороны, я всё же не феминистка, скажем так... Глебушка, давай подождём, подумаем ещё. Я тебя слышала.

На следующий день он поехал загород, навестить Клавдию, уже совсем пожилую некогда регентшу хора московского храма, в котором Глеб алтарничал ещё до священства.

Несмотря на возраст, Клавдия не потеряла талант острого ума и колючего слова. В последнее время даже поползли слухи, что она старица²⁰⁶, на что та только и отвечала: «Дура я из брянского лесу, и вы-то не умнее, раз в этакой крапиве вы розу углядели».

Про брянские леса не так просто говорилось. В войну девочкой она пряталась там, когда сгорела её деревня. Партизаны сильно досаждали фашистам, и полицаи из местных чуть не расстреляли её вместе с другими, которых взяли в заложники. Какой-то немецкий офицер тогда увёл её и спрятал в своём доме. Потом были многие скитания. Она встретила партизан, которые не приняли малолетку, но отвели в село, где добрые и совершенно нищие люди её приютили.

Это была верующая, некогда многодетная семья, лишившаяся во время репрессий, голода и войны почти всех своих сыновей и дочерей. Тогда-то Клава и укрепилась в вере настолько, что ни изгнание из института за *религиозные взгляды*, которые она и не думала скрывать, ни угрозы, ни жизнь по чужим углам и вечное понукание начальниками и партработниками не могли заставить её стать хотя бы скрытной.

Она лично знала многих легендарных отцов и епископов тех лет, которые возвращались из лагерей и ссылок. А в хрущёвское гонение она и сама чуть не угодила за решётку. Она тогда работала в детском саду и перед едой, не стесняясь, молилась. Некоторые дети стали ей подражать. Некоторые, особо бдительные родители, обнаружили это и донесли, куда следует.

Внешне грубая и, как говорила она сама, малограмотная, Клавдия несла настоящую, яркую, хоть и грубоватую по форме, глубокую, совершенно не

²⁰⁶ *Старица* – пожилая православная монахиня или религиозная пожилая женщина не монашеского звания, пользующаяся уважением и авторитетом за свою подвижническую жизнь.

показную культуру всей своей сутью. Недавно только стало известно, что она монахиня, постриженная одним известным на всю Россию батюшкой, отсидевшим в сталинские времена немалый срок. Пострижена она была с именем София.

– Бери шоколадку, отец Глеб, она вкусная! – угощала гостя Клавдия-София. – Я ж тебе рассказывала, как шоколад я первый раз увидела? Немец один дал. Протягивает какую-то коричневую гадость, как я подумала, и улыбается, а я заплакала, решила – издевается, фашист. В советской деревне-то и сахар редкость был до войны, а конфет мы и вовсе не видели. А он, поди ж ты, решил, что это я такая партизанка матёрая, что и сладость у врага не возьму...

– Да, рассказывали когда-то... я уж и забыл... Вот, матушка, помнится ещё вы меня отругали, когда в сане первый раз увидели... Я-то похвастаться хотел, а вы меня так осадили...

– Ох, уж помню! Приходит такой фанфарон, де, смотрите! Я теперь батюшка! Ну, а у меня ж между глазами и языком расстояние-то невелико!

– Да, вы тогда сказали, что зря я рясу надел, что ничего сам не понимаю, пень с соплём, а туда же – учить! Что и сам пропасть могу, и других увлечь...

– Ну, отец Глеб, чего в сердцах не скажешь-то?

–...а я вот теперь думаю, что, и впрямь, не пора бы мне уже отойти от этого... Монастырь, вы знаете, этот... Другого места мне и не светит... Но не в этом дело даже... не о том я... Я ведь и вправду – пень с соплём, теперь-то вижу, что и сам ничего не могу, и других только запутать... или соблазнить... вольно или нет. Пустозвон я. Когда в городе служил, казалось, что где-то как-то могу пользу приносить, а монастырь, какой бы ни был, всё мне показал... Так не пора ли всё это закончить?

– Эх, ты, батюшка, завернул. Ну, пень, да, был. Сейчас пророс маленько... Дерьма, извини уж дуру деревенскую, и пота понюхал, так что-то соображать стал. Ты – бит, а за таких сколько небитых дают? Вона сколько их кругом, что за славой в церковь пришли, и плюнуть-то негде, сколь их стало! Уж грешным делом думаю, не отвернулся ли от нас Господь, когда все эти строительства и возрождения начались. Что уж мы возрождаем, и не знаю, здания? Но было у нас столько зданий и при царе, и куда это делось всё? Здания без сердец Богу преданных – ничто, пустышка... Ну да ты сам всё это знаешь. А про себя-то – не думай! Не орёл, конечно, но и такая птица сгодится. Тяжело, понимаю, в монастыре-то в современном. Одни, монахи-то, и жизни не знают: только рот свой при зевке крестят целыми днями да учат, как семейным жить по-монашески, ничего ни в той, ни в этой жизни не смысла. А другие, послушники и челядь всякая, горбятся на них... А женский – так и вовсе каторга. Часто и не поймёшь – в дурдом я приехала или в обитель святую... Меня тут звали в один такой, вроде вашего. Говорит игуменья: «Будете наши помыслы ежедневно принимать!» А сама-то советская вся насквозь, и не вымоешь такое из мозгов, хоть ты пачку этого *Тайду* туда насыпь и святой водой размешай. Я ей и говорю: «Вы, матушка, простите, невелика загадка в ваших помыслах. Вон они у вас у всех на лицах написаны, и что толку в них

копаться? Одна срамота да забава бестолковая». Обиделась, конечно... Но, насчёт тебя, знаешь... ты погоди. Пусть Господь уж сам управит. Не время тебе уходить. Сам батюшка, сам решай, я тебе не указ... Но потерпи немного... Само как-то улечься должно. Не дело дверьми-то хлопать... – Помолчали немного, и пожилая монахиня добавила, – но так-то каждый своим путём к Богу идёт. Иной раз через такие колдобины, что и нарочно не выдумаешь. Так что и не надо судить-рядить никого...

Обратно он ехал на последней электричке. От Клавдии никогда быстро уехать не удавалось. Где-то ближе к Москве в вагон зашли двое молодых ребят, лет наверное по двадцать пять-тридцать. Хотя у одного лицо было как бы без возраста: жилистое, доброе, с хитринкой, характерно русское. Надень на него пилотку – прям солдат с чёрно-белой фотки из 41-го, не отличить. Штаны синие спортивные, подзамызганные. Бутылка пива в руке. Второй – в чёрной куртке с белой собакой и надписью *Pit Bull*²⁰⁷, был совсем невзрачным, каким и должен быть хозяин такой куртки.

Расположились они на соседнем с Глебом ряду сидений, так что ему хорошо был слышен их разговор. Говорил в основном тот, более интересный парень. Оказалось, что едет он домой со смены. Работает шофёром на чём-то грузовом. Разговор от спорта и автомобилей перешел на совершенно неожиданную тему.

Шофёр сказал:

– Не, понимаешь, важно воздерживаться от четырёх вещей: наркотики, бухло и еда всякая животная...

– И чё? Ты, прям, и рыбы не ешь? – недоверчиво перебил второй, продолжая сжимать в руке резиновый эспандер.

– Да. И рыбу, и яйца тоже не ем... Пью, правда... – сказал шофёр, отхлёбывая из бутылки с крепким пивом. – Ещё от секса воздерживаться надо. Я – совсем сексом не занимаюсь! Не, ну вздрочну иногда на порнуху, а больше ничего. В общем, хотя бы два из четырёх я соблюдаю.

– Не, я считаю, надо по традиции. Вот месяц поста есть – надо держаться от всего. А так – всё можно, – серьёзно ответил второй.

Отцу Глебу очень хотелось дослушать разговор, взглядеться повнимательнее в их лица, глаза, но объявили его станцию, и он вышел из вагона.

²⁰⁷ *Pitbull* – англ. питбуль.

The Final Cut

Я думал, что должен вывернуть душу,
Я думал, что должен сорвать пелену.
Я сжал бритву дрожащей рукой,
Собираясь решиться на это, но вдруг зазвонил телефон.
У меня никогда не было смелости сделать последний шаг.
*Pink Floyd*²⁰⁸, *The Final Cut*.

– Не подскажите, где мне отца Глеба найти?

– Отче, благословите!

Отец Сергей благословил монахиню. Она объяснила ему, как пройти к келье священника.

В прихожей возле кельи-комнатки, расположенной в башне монастыря, стояли коробки с вещами, связки книг. Отец Глеб что-то перевязывал, вытаскивал на улицу, следом за ним ходил другой священник.

– Отче, ну, а я-то что? Ты же понимаешь – сам не рад, мягко выражаясь...

– Отец Валерий, к тебе у меня претензий нет... Нужна келья. Ты вещи привёз. Я келью освобождаю, какие ещё вопросы?

– Ну... ты их что, так тут и оставишь? Понимаешь... Я же не против, чтоб твои пока остались... Ничего личного, но... ты же понимаешь, – отец Валерий перешёл на шёпот, – ты же в опале... Скажут, что я с тобой за одно, а мне самому бы выкарабкаться. Годик – и я всё проплачу. Но сейчас мне никак залетать нельзя...

– Да понимаю, я... Может, придумаю чего... Если б хоть до деревни машину игуменья дала, но не даст, ведь...

– Не даст. Я так даже спросил аккуратно, а она говорит: «Еретические книжки грех на монастырской машине возить»...

В это время из-за угла вышел отец Сергей.

– Бог в помощь!

– Отченька-Серёга, дорогой! Тебя ангелы принесли! – обрадовался отец Глеб.

– Ну ты ж оставил мне сообщение: «Приезжай срочно, если можешь». А я к тёще ездил в деревню как раз. Ты же знаешь, до сюда крюк небольшой. Решил не перезванивать, а сюрпризом нагрянуть. Сколько лет к тебе сюда собирался... А что тут у вас?

– Да, понимаешь... Ну, в общем, меня и отсюда попёрли... И вот, келью надо срочно освободить, а у меня тут вещи, книги...

– Эх, брат, дал мне Господь послушание: вывозить вещи твои, когда тебя выпирают. М-да... О! Отец Валерий! А ты здесь как?

– Вы знакомы? – удивился Глеб.

– Да виделись. У него же приход как раз в селе у тёщи.

²⁰⁸ *Пинк Флойд*, «Последний шаг». *The Final Cut* последний альбом группы *Pink Floyd*, записанный в классическом составе, и одноимённая песня, входящая в него.

– Был приход... Теперь сюда, на место Глеба... – понурившись, ответил отец Валерий.

– Ничё се... У тебя же всё замазано было!

– Было... да... А тут кризис, понимаешь. Сначала ничего вроде, а тут с котировками пролетел... А у нас новый владыка на место моё давно человека своего пристроить хотел. А мне платить нечем... Ну, и вот...

– М-да... Не надейтесь на бабки и на биржи человеческия... – заключил отец Сергей.

– А ты, Серёг, знаешь, кто у нас епископом стал, как епархию разделили? – спросил отец Глеб, продолжая перевязывать свои вещи.

– Афанасий какой-то...

– Ага, а какой?

– Да не знаю.

– Ну, так ты будешь смеяться. Помнишь, к нам в храм приезжал секретарёк молодой? Я ему ещё под дых дал, когда он ко мне приставать начал...

– Да ты чё! Ну, тогда понятно, почему тебя попёрли!

– Ну, а к тому же я ещё проповедь в защиту этих девчонок из *Пусси Райот* сказал... Да плюс жалобы игуменьи... В общем, один к одному всё. А на место Валерия он своего... келейничка розовощёкого поставил. Тому двадцать три года, а уже крест наградной²⁰⁹... ну сам понимаешь...

– Ой, отцы, что-то вы говорите такое, не знаю... Вообще, не дело мне здесь с вами стоять, – засуетился отец Валерий, – давай, Глеб! Теперь тебе есть на чём вещи вывезти, грузись и поезжай, а я пока... в храм схожу.

– Ишь ты! То крутой был, а теперь сдулся как! И слышать лишнее боится... – заметил отец Сергей, когда новый священник женского монастыря скрылся из вида. – Слушай... а куда вещи-то вести будем? Я и не спросил...

– В Москву, если ты в ту сторону...

– В ту. А ты со Светкой помирился что ль окончательно?

– Ну, вроде того... Надеюсь, вещи завезти можно, по крайней мере.

– А тебя под запрет или как?

– Пока точно не знаю... Бумаги ещё не дали. Скорее всего за штат без права служения... Считаю под запрет...

– М-да... Пойду за машиной. Договорюсь, чтоб на территорию пропустили.

– Серёг, ты извини, я сам должен сходить... Но ты ж понимаешь, какое ко мне здесь отношение...

– Да ты не парься, я всё понимаю. Собирайся лучше давай! Грузимся и поехали!

²⁰⁹ *Наградной крест* – форма поощрения духовенства за понесенные труды и заслуги перед Православием. Награждение производится указом епархиального архиерея не ранее чем через три года после награждения камилавкой и при сроке служения в священном сане не менее пяти лет.

Они ехали вдоль тронутых инеем деревьев и трав. Только что была грязь и слякоть, а тут ноябрь подарил солнечный тихий морозный день.

– Ща на трассу выйдем и рванём! – прервал молчание отец Сергей.

– Да я не тороплюсь, – ответил заглядевшийся в окно отец Глеб.

– Не торопитесь он! Всё о себе думаешь, мечтатель из бабьего монастыря, А до Москвы-то сколько? Совсем в ночи приедем уже, а мне служить завтра. Я ж не рассчитывал тебя забирать...

– Ох, да... опять я только о себе думаю... Но уже не из монастыря бабьего... До есть из него насовсем, слава Богу... Ладно... Как там в храме-то, расскажи лучше .

– Да ничего хорошего... Что Вячеслава за штат убрали, ты знаешь...

– Там видео какое-то было ... Повод или подстава, как обычно, в общем.

– Ага-а, – протянул отец Сергей поворачивая, – Что Николай женился и ушёл – тоже ведь в курсе, а Аркадий, что тебя подставил, теперь настоятель уже... Помощник благочинного! Звонит всё и мозг выносит, когда на патриаршьи службы вызывают в Кремль, там, Бутово или ещё куда...

– Ну, этого следовало ожидать. А как молодые отцы у вас?

– Да разные... Хорошие не задерживаются. Один такой трепетный был, аж в келье и помер постом ... Всё по правилам делать хотел, исповедовал по пол ночи, а настоятель на него орал ... В общем, ещё один отпетый священник... Но это уже сколько лет назад? Не помню... Тоже слышал, наверное... А теперь шеф научился уже быстро определять и отфутболивать. Ну, да это лучше, чем как с тобой или с тем отпетым... А так... Ну вот ещё чудик один у нас сейчас появился. Любит всяко красиво учительствовать. К нему одна прихожанка подходит, говорит: «Благословите!» Ну, он так её широким крестом осенил, ручку рисовано так ей подаёт, чтоб приложилась к деснице его, а она поцеловала, тоже смачно так и спрашивает: «Батюшка, у меня месячные, мне к иконам можно прикладываться?» А он как заорёт: «Вы в нечистоте! Что вы меня трогаете! Вон из храма!»

– Ну, к причастию, помню, настоятель, гад, Ларису колясочницу не пускал... Но это уж совсем привет!

– Лариса... Да, помню... Померла она. Царство ей Небесное! А этот чудик и на причащении, знаешь... Подошла как-то одна беременная, ну совсем на сносях, наша прихожанка, каждую неделю по два раза перед родами причащалась. И он это знает. Та – едва на ногах стоит, а он ей: «Вы на исповеди были?» Она: «Общую слышала, а когда вы исповедовали, я из храма вышла, плохо мне было». Он: «Вам причащаться нельзя!» Она – то да сё, объясняет ему. А он так пафосно, на весь храм, декламирует: «Это Христос! Вы понимаете!? Хотите – меня ешьте! А моего Господа я вам не дам!»

– И где таких придурков берут?

– Да известно где, Глеб, будто не знаешь... Скоро других-то и не останется... Зато речь настоятелю на именины такую забабахал, что тот прям прослезился. Ещё про Пуссек этих, про которых ты говоришь проповедовал тут чего-то, говорит, выпороть их надо и всё... Настоятель аж разомлел.. В пример его ставит! В общем, нормально всё у бати этого будет...

– И что они к этим девкам прицепились? Ох... Не к добру это всё... Нельзя так, самих гнали, а теперь давай вожжи в руки... К чему катимся, Серёг?

– Ну да, я слушаю, вот даже и хорошие ребята, а всё про розги да по розовым трусикам... А сам думаю: «Ребята! Дрочите молча!»... И смех и грех, в общем... Только вот тебя нет, и всех, с кем вместе посмеяться можно было...

– Ага, нам смех, а они сидят... Знаешь, такое чувство, что какую-то грань мы перешли, и теперь покатится...

– Да ладно те, всё оно как катилось, так и будет. Не мы первые, не мы последние, брат. Ничего нового под солнцем.

– Нового ничего, но я для себя тут открытие сделал: правильная жизнь должна кончаться крахом. Как бы сказать... Не в глобальном смысле, но в какой-то немаловажной сфере мира сего. Не в том смысле, что неважной вообще, но как бы оттуда, сверху, уже неважной. Посмотри, например, на митрополита Антония Блума. Ведь всё рухнуло, что он строил столько десятилетий! Какие надежды были! А всё – в пыль... Но от этого какое-то чувство, что... всё верно. Так оно и должно быть, по-настоящему когда...

– Уж не помирать ли собрался? – усмехнулся отец Сергей, выезжая на трассу. – Нам помирать ещё рано! Чё вообще делать собираешься?

– Не знаю пока... На историческую родину подамся, в бахаи заделаюсь в сущем сане, – усмехнулся отец Глеб.

– Угу, всю жизнь с бухаями, а теперь к бахаям податься решил...

Отцы переглянулись и рассмеялись.

– Не, Глебушка, я серьёзно, чего думаешь делать-то? Служить-то теперь едва ли удастся...

– Да, едва ли... – согласился отец Глеб. – Но я и сам не хочу... в патриархии уж точно... Работу какую-нибудь найду... С компом я неплохо разбираюсь, может подыщу что-то по этой теме... Пока не думал... Бог не выдаст – свинья не съест.

– Ну ты погоди, всё же ... Есть ещё замуты в патриархии, может найдём ход тебя вытянуть... Не в Москву, но оно ж после женской этой колонии с дурдомом совмещённой тебе ведь всё нипочём, не? Даже не знаю, как ты там вытянул столько лет...

– Да сам не знаю... Спасибо, но я вправду не хочу больше в этой системе, хоть в Москве, хоть где, довольно! Enough – как в Англии говорят!

– Я понимаю... Но... Не знаю, в общем... Служить надо...

– Ага, только ты уверен, что мы так Богу служим? Ну что «мы». Вот лично я не уверен... совсем... Да и говорю... Прямо ощущение грани какой-то. Что было – кончилось...

Отец Сергей гнал за сто двадцать. Начинало смеркаться. Неожиданно пошёл мелкий, косой дождь.

– Ну вот, догнали хмарь эту... Сейчас и трасса мокрая будет... – посетовал он.

– А я смотрю, ты не сбавляешь, Шумахер.

– Ну, а чего мне сбавлять? Быстрее надо домой, а водить я, слава Богу, умею...

– А гайцы?

– Я же в рясе – отмажусь, если что.

– Резонно...

Помолчали. Сергей включил музыку. Потом выключил.

– Кончилось у него... А что началось? Философ, понимаешь, – вернулся он к разговору.

– Да я откуда знаю? Вот только давно одну мысль думаю. Любовь, а стало быть христианство, начинается там, где преодолевается выживание. А мы все только и делаем, что выживаем.

– Глебушка! Раньше-то люди похуже нас жили.

– Понятно. Но... как бы... вот этого состояния мучительного выживания... внутренней надломленности и беспомощности, пусть и покрытой бравадой, не было. Ну, или было, но по-другому как-то воспринималось...

– Не знаю. Я тут одну бабку перед смертью причащал. Она уже в беспомощности, почитай, была. Вдруг очнулась и говорит: «Жизнь прожила – как в жопе пробыла...»

– М-да, подумать как то поколение жило ... оторопь берёт... Сам таких историй слышал, и с лагерями, и с войной... Да что я тебе говорю? Но я же не о том... Понимаешь... Тут ключевое слово преодолеть! А мы... я, прежде всего, как-то преодолевать и не умеем. Всё как-то крутимся в своих страхах, фантазиях, идеях, формах без содержания, – продолжал рассуждать отец Глеб, – От этого страха и выживания постоянного Богу доверять не умеем... А без до-верия, какая вера?

– До-верие – до веры, то есть? Любопытная мысль. Мне отец один знакомый, монах, всё говорил, что главное – молиться, и всё приложится, а мы всё рассуждаем да чего-то ждём и недовольствуемся.

– Ну... Оно правильно, вроде бы... Но это ж то же форма игры, может быть, как бы прячемся мы за эту форму молитвы, но это именно вычитывание, поклонение форме... молитвы-то там часто и не бывает, ну ты ж знаешь, как оно бывает у всяких таких молитвенников. Я не про твоего знакомого, я его не знаю, а вообще... то же самое: мы всё играем, а не верим, не живём... Вообще, я тут вычитал у католического богослова одного, Мертон . Так он говорит, что если ты не считал бы пять лет назад себя нынешнего еретиком, то ты вовсе никуда не растёшь духовно... Ну, не развиваешься, застопорился.

– Ух, ну так можно уйти и в до-верие, и в без-верие... Это, знаешь, не наш метод! – Поднял указательный палец вверх отец Сергей.

– Уйти... Но это хотя бы идти, а не на месте стоять в своих фантазиях, принимая их за веру... Ладно, загрузил я тебя...

– Не-е, интересно! Но неконкретно... Вот молиться, поститься и слушать всякую хрень по радио «Радонеж» – это конкретно... Но я согласен, что-то не то...

– Вот именно! Меняться надо! Но это должно быть как-то естественно, даже и не от нас, понятно... Но мы должны туда идти... хотеть... А у нас застой, стена, смерть...

– Опять ты про смерть...

– Ну либо жизнь, либо смерть...

– А большая разница то между ними?

– Серёг! Ну будто не понимаешь о чём я... Меняться надо, мёртвое не способно меняться... Ну или не так меняется, как мы здесь...150 оттенков серого, блин, всю дорогу...

– То-то ! Ещё вопрос, что там где и как меняется...

Машина с трудов вошла в крутой поворот, на обочине стоял огромный древний дуб, возле которого уже красовался придорожный могильный памятник с рулём и фотографиями весёлых молодых лиц.

– Вот эти у дуба уже изменились, и навсегда! Так-то... Ладно, без софистики этой, думаешь, можем мы здесь и сейчас стать другими? Вот честно, без книжек... Не в чем-то лучше... Ну, бухать меньше, молиться больше, а другими... И не кто-то, а вот я и ты...

– Что ж, с дубом тоже выход, оно даже и манит... Не знаю, Серёг, честно... Не знаю... Сколько нормальных когда-то людей мерзавцами конченными стали, так, что и не поверить бы лет 20 назад... Но ведь и наоборот бывает... А как мы? Может только крутой поворот нас и исправит...Ты что так побледнел ? Ты что это? Нехорошо? Остановимся, может?

– Да что-то щемит в груди... Мутит как-то ... До кафешки доедем, пилюлю волшебную приму...

Сумерки сгустились, морось, машина влетела на скорости в густой туман, скрывавший резкий поворот. Туман полосами стал появляться на дороге. Скорости о. Сергей не сбавлял.

БЫЛИ СТАРЦА ПИИДОСИЯ



Карл Шмидт-Ротлуф. «Дорога в Эммаус», 1891 г.

Явление старцу Пиндосию

Звонок. Номер не определился, засекречен, не люблю такие, трубку взял, отвечаю недовольно-строгим голосом:

– У аппарата!

– Ну и молодец, чадо, молюсь за тебя, это старец Пиндосий!

– Ох, батюшка! Вы...? Неожиданно...

Кто ж не слышал о старце Пиндосии, великом молитвеннике и подвижнике подвизающемся в самом эпицентре Святой Руси, т.е. на границе России, Украины и Белоруссии в тихой лесной келье. Принимает он людей мало, а принимая чаще юродствуют, то говном в генерала ФСБ-шного запустит, то презерватив монахине под рясу запихнёт со словами: «Плодись и размножайся, а не рожей кривляйся!», а на владыку одного прям наорал: «Мой гундуй на вас на всех стоит!» В общем, первый раз я к нему ехал будучи настроен скептически: знаем мы этих псевдостарцев-разводил. Встретил же он меня словами:

– Ну что? Старый дырявый башмак? Всё бздишь, а себя Орфеем в аду мнишь?

А я как раз тогда «Орфей и Эвридика» слушал по дороге, да и вообще... он же не мог знать... про мои немощи... В общем, понял я, что Пиндосий прозорлив, в чём не раз убеждался и после.

Однажды взял он у меня и номер телефона, думал, это он так, меня обличает за то, что время много на пустой трёп трачу, у него ж в лесу и сети то никакой нет, а тут этот звонок...

– Да уж, ты никогда ничего доброго не ждёшь, то – правда... Но у меня до тебя дело есть. Видение мне было, и сказано, чтоб ты оповестил об том люд православный, что в тырнетах сутками сидит, вместо того, чтоб молиться да трудиться, так что слушай.

– Да... конечно! – Прижался я ухом к телефону затаив дыхание.

И старец начал свой рассказ:

– Ангел мне в тонком сне явился, весь в мыле, потный то есть, и в рабочем комбинезоне, крылья аж цементом заляпаны... Я молитву сотворил, думаю, бес, а он мне «Аминь» ответил, значит от Бога он. Я ему и говорю:

– Ты чего чумазый такой, словно от лукавого?

– Эх, Пиндосий, это у тебя всё время на молитву есть, а нам не до молитвенного бдения, соседи то, ангелы других народов больше славословят и в крыло не дуют, а у нас святорусских одна стройка.

– Что? Обителей райских как при Иосифе богогомерзком бурсаке не хватает всех принять?

– Да нет, тогда с запасом построили, народ то нынче к нам не таким косяком прёт... Стену строим.

– Что за стену такую?

– Новую. У нас же всё по отделениям, ты знаешь, католики отдельно, лютеране, там, я уж не говорю кто из некрещёных благочестивый, чтоб люди

друг другу не мешали и не смущались, опять же. В привычной обстановке им и насладиться богообщением сподручней, у нас же всё для людей. Даже мы, ангелы...

– Да, и я знаю Того Человека, который так всё устроил.

– Да святится имя Господне! Ну так вот. Где-то эти стены и обветшали уже, ну, между конфессиями и всем таким, протестанты к католикам шлятся, и вообще всей тусовкой Богу внимают, даже к буддистам в их нирвану заглядывают, в том же европейском отделении, да и не только, а у нас тут с России и Украины солдатики поступать стали, вроде раньше больших-то проблем не было, православные же все, католики отдельно, ну бывали инциденты, но не так жеж! Друг дружку в раю увидели и давай: «А ты чо, козёл, здесь делаешь! Ща я тя по адресу ко всем чертям отправлю!» и в драку, а мирские, кто и не воевал то вовсе, и жили то кто в Сибири, а кто в Карпатах, люди простые, хорошие, но давай тоже орать да драться, еле растащили. Перегородку поставили, думаем, успокоятся, куда там, одни орут: «А твой дед коммуняка, он церкви ломал да коллективизацию проводил в аду сейчас жарится задницей тощей на сковородке!», а в ответ: «а из толстого зада твоего деда бандеровца, что детишек польских да еврейских резал, сало то делают, что на сковородки идёт!». Дедов то тех своих и не знают, сами выдумывают, и давай дерьмом метать, что ты в того мордоворота напомаженного генерала, но в раю то откуда у них дерьмо? С собой, видать, притащили...В общем, бедлам такой, что мы сами чуть в ад от этих новых небожителей не сбежали.– Обмахнул крылом пот со лба ангел – Теперь вот, капитальную стену строим, а в Небесах это делать не то, что у вас в Китае...

– А материалы где берёте, средствá на них?

– Хороший вопрос, Пиндосий! Материалы из ада, понятно, у нас же всё духовное... А оттуда и доставка дорогая, ну и монополисты черти цены накручивают... А средств то у нас нет! Приходится из русского да украинского бюджета деньги брать, а они всё удивляются почему у них рубль с гривной падают! Ты им скажи почему, коль сами не допрут! Если дальше так пойдёт, все их средствá на адские материалы потратим, или – всех в ад заживо, как в Содоме, это вроде бы сейчас не тренд, но у нас других вариантов нету!

– Как благословишь, Вестник Божий, всё передам! – Ответствовал старец.

– Да, и ещё. Чтоб два раза не прилетать, эти...правители, богатеи и служители светящейся коробки..., ты передай, чтоб не надеялись на всяких там ходатаев святых и всё такое, Вонифатий, вон, всё ходит за них, да и с Петром на входе вечно эти имущие трут за храмы и иконостасы всякие, что они понастроили. В этот раз – не прокатит, баста! На ворованные деньги построенное – не в счёт! Честные, от нужды и безысходности алкаши да проститутки – это святое, а эти телевизионщики обкокаиненные... тьфу! После этой стенки, никакие отмазы молитвенные не прокатят! Так и передай: вера и любовь не про них ни разу, а на надежду пусть и не надеются!»

Старец в трубке замолчал. Я тоже, ошеломлённый такими откровениями с Небес.

– Старче! И что? Пряма так мне всё и писать?

– Так и пиши, ангел улетая так и сказал, чтоб в тырнет драный батинок всё это выставил, и песенку ещё пропел улетая: «Он конечно алкаголик, но хотя бы натурал» и припев, там такой: «Всё идёт по плааану». Знаешь такую?

– Да...

– Ну вот и давай! Сопли утри и выполняй ангельское послушание! Вперёд!

В гостях у старца

Был я как-то свидетелем одного разговора. К старцу в лес приехал известный батюшка, настоятель храма из одного подмосковного города, там он почитается за «духоносного», и даже из столицы к нему чада приезжают духовные.

Машину он оставил, как все жаждущие встречи с лесным подвижником, в деревне, и как и все – пешочком через лес с сопровождающими его особо близкими чадами обоюдо, не благославляет старец строить дорогу до места своего подвига. Сопровождающих о. Пиндосий принимать не захотел, выругался только, чтоб в туалет шли, а не под кустами гадили, и обратно в келью ушёл, и батюшку только туда позвал, а я в келье сидел ещё с одним дьяконом молодым, мы выйти хотели, но старец нас не пустил.

– Благослави, старче! – сказал входя настоятель храма – Может, снизойдёшь, моих-то пустить, люди всё церковные, верующие...

– А я что? Не видал церковных и ворующих? – скривил лицо лесной подвижник, будто не слышит. – Насмотрелся я на это, а то пуцу, а ты потом пожалеешь... Старец – он как даст в торец! – стукнул по столу Пиндосий, это его одна из любимых присказок.

– Ну... Как благословите... Но они не ворующие, а верующие...

– Все мы друг у друга что-то прём, иль ты не знаешь? Ты, вот, благодать спереть хочешь, а ты чем заплатил за неё?

Священник покраснел. Мы с дьяконом совсем затихли в углу, старец не так часто был уж сразу столь грозен.

– Отец Пиндосий, о чём вы?

– О том, чем платишь говорю, и кому? Алтарникам и певчим платишь?

– Ну, немного... у них послушание такое... во славу Божию... и денег то у нас не то, чтоб и куры не клюют, вот, трапезную отстроили. – Отвёл глаза только что уверенный в себе настоятель.

– Куры, говоришь? Трапезную? И епископа там осетриной кормил? – взялся за свой деревянный посох старец. Посох тот до неприличия напоминал посох Гендельфа, по крайней мере я никак не могу отвязаться от этой мысли.

Гость начал заливаться уже плотным и неприкрытым богровым цветом опасно поглядывая на тяжёлую деревянную палку – посох:

– Ну... Это же владыка... праздник... послушание...

– А! Скажи ты мне старому неучу, какой главный грех есть для священнослужителя, непослушание?

– Вы, старче, лучше меня знаете... да... Богу, Церкви...

– Это ты так зришь, а я мню, что храмовая проституция главный грех, как в древней Греции, только хуже, особенно, когда в алтаре, да с архиереем. – Вновь стукнул посохом Пиндосий и перекрестившись широким крестом как-то особенно, прямо, дерзко, без гнева, но как бы со властью посмотрел на гостя.

– Но... Откуда вы знаете... да может и не было того... я лично не видел...

– Расстегнул верхнюю пуговицу новой, дорогой рясе приезжий батюшка –

Сказал мне лишь паренёк – алтарник, что секретарь владыки к нему приставал, на дачу всё приглашал. Но я не верю! Алтарнику тому сказал не ходить пока в алтарь. Владыка у нас... молитвенный, молится со слезами. Да и вообще, надо ж себе внимать, а не по сторонам глядеть... тогда по слову преподобного...

– Вот и внимай, а не **ем болтай! Да и не про то я, то случай, а храмовая проститутка она каждый день такая, себя продаёт, свой молитвенный зад ; на вид в небеса окно, а внутри то говно! – Отрезал старец, при этом говоря как-то неожиданно спокойно и с едва заметной в густой бороде улыбкой – А теперь скажи мне, ваше высокопареподобие, застенчивость – грех?

– Ну не грех, но по учению отцов явный признак гордыни, я всегда об этом на исповеди говорю. – Воспрял было гость.

– Ага, говоришь, значит, на исповеди, учишь, то есть... А беззастенчивость?

– Ну... это... дерзость, наверное... грех...

– Так про беззастенчивость ты говоришь на исповедях своих? – Опять прищипил старец гостя своим взглядом.

– Как-то специально нет... – Ответил человек уже совершенно непохожий на вошедшего в келью известного настоятеля и популярного духовника.

– Правильно! Потому как сам ты беззастенчиво людей пользуешь, и их этому учишь, чтоб беззастенчиво ходили и всех учили такой же дури, храмовой вашей проституции, да глупости, что «послушанием» зовёте!

У гостя в лице внезапно прорывавшийся гнев сменялся страхом и обратно... он силился что-то сказать, руки его дрожали... но старец спокойно продолжил:

– Говорил я, что спасибо Пиндосию скажешь, что твоих чадушек бородастых да платкастых с тобою не пустил? Вот и ступай, теперь.

И с этими словами старец встал, отложил в сторону посох, и ушёл во внутреннюю келью, куда он почти никогда никого не пускал...

Пиндосий и танки

– Не принимает старец, не велено!

– Ты, братан, не понял, мы и не спрашиваем!

С этими словами бритые здоровые ребята в камуфляжной форме с силой распахнули дверь. Державшийся за ручку келейник Степан, сухенький и низенький вчерашний бомж прижившийся у о. Пиндосия, аж вылетел на улицу в темень холодной и дождливой осенней ночи. Один из парней схватил его за плечи и с силой толкнул в грязь, осветив мощными фонарями.

– Сиди здесь и помалкивай, мы шутить не будем!

В это время первые ворвавшиеся в избу штурмовали дверь внутренней кельи, в которую старец никого не пускал. О. Пиндосий сам открыл засов:

– Что вам, страннички?

– Мы те ща покажем, бандеровская морда, за всё ответишь, колдун в рясе! – заорал предводитель – Волоки эту мразь на улицу!

Четверо здоровяков пиная и толкая вытащили старца.

– Неси Серёгу! – скомандовал старший.

Из темноты ещё двое вытащили безногого парня.

– Таракан! Стул Серёге вынеси из клоповника этого! – снова скомандовал старший. Самый низенький, с жиденькой бородкой парень быстро метнулся в избу и притащил старый крепкий табурет.

– Чё? Помнишь меня? Крыса церковная? А? – Начал усаженный на табурет Серёга.

– Безногого не помню. – неспешно ответил о. Пиндосий

– Верно! Я к те на ногах приходил, на своих! Зачем приходил? – светил фонарём в лицо старца. Безногий парень лет за двадцать.

– А ты сам на свои вопросы отвечай, я те не зек, а ты мне не Берия.

После этих слов старца двое его державших стали бить его.

– Как отвечаешь инвалиду?! Сука!

– Отставить! Успеем ещё – скомандовал старший – Серёг, продолжай.

– Ладно, мразь, давай я сам. Приходил я к тебе полгода назад, благословение взять на войну, за Русь Святую, за Новоросию, укропов мочить. Ты меня послал, сказал, чтоб лучше учиться шёл, или работать, а не убивать! И грубо, так меня послал... Я те про Родину, а ты, гад, и понятий то таких не имеешь! Говоришь, от Бога отрекаюсь я, убийцей хочу стать, а не Родину защищаю, и что если убьют – самоубийцей считаться буду. Но я то знаю, что настоящие православные батюшки говорят про жидов и хохлов этих, бесам-америкосам продавшимся, как на борьбу с этой мразью благословляют. Тогда тебе так и сказал. А ты мне что?!

О. Пиндосий молча смотрел на кричавшего безногого бойца.

– На те, говоришь, танчик, поиграй! – продолжил он вспоминать – И сунул игрушку в руки. Думал, просто умом ты тронулся или издеваешься. Пока под хохляцким танком ног не лишился! Наши подбили его потом, меня с поля боя вытащили. А в больнице осенило! Ты ж, падла, околдовал меня! Чтоб я под

танк попал! Всё, слышишь?! Всё я понял! Колдун ты, а не старец! Католикам проданся и в рясу православную оделся, чтоб вредить здесь, как жида при Сталине! Батюшке одному нашему патриоту русскому рассказал, так он точно подтвердил, сказал, что не так просто тебя Пиндосием величают и они, батюшки настоящие, давно за тобой следят и дела твои бесовские знают! Чё молчишь?!

– А что говорить? Ног ты лишился. А голову так и не обрёл... – спокойно ответил старец.

– Вот я тя, беса, ща и кончу, падла!

– Тише, Серёг, успеется всё... – взял за плечо инвалида предводитель бойцов Новороссии и ухмыльнулся. – Сначала он за протезы тебе заплатит, и за наши услуги. Таракан, Болото – обшмонайте хату егойную. Там наверняка где бабло спрятано, к нему вон сколько народу ходит, и с баблом всякие тоже. Да и жидобандеры ему небось не на карточку шлют... Иль ты сам скажешь где лежит? А?

С этими словами старший достал пистолет и нацелил его на старца

– Да что вы? Ребят? Русские, а как басурмане... Это ж батюшка, к нему пол России! – вскочил было келейник, но получив несколько ударов скрючившись упал.

– Русские? Мы то русские! А вы – мразь бандеровская, колдуны масонские, вы у нас попляшете, русофобы, мать вашу статую свободы! – пнул его уже лежавшего на земле предводитель. – Или ты скажешь, где что припрятано, вонь подзаборная?! Обыскать хату!

Двое побежали выполнять. Оставшиеся на улице закурили. Докуривая, старший подошёл вплотную к Пиндосию:

– Ну чо? Говори, где бабки прячешь? – прищуриваясь он пустил дым в лицо старцу – или твоего холопа грохнем.

– Не грохнешь, – ответил не отворачиваясь о. Пиндосий, – ни меня, ни его не грохнешь.

– Ишь, какой уверенный! Всё путём! Бог на нашей стороне! Понял! Ты! Пин-до-сий, получи пин-до-сов! – говорил он парой ударов завалив старца и после пиная его ногами.

Другие тоже принялись за дело, кто подойдя к старцу, кто к келейнику.

– Эй, ребят! Дайте мне! – заёрзал на табуретке Серёга.

– Успеешь. – Ответил отошедший от старца старший, и ухмыльнулся – дай отработать тем, у кого ноги на месте.

– Сморите, что у него! – вынес что-то из кельи Таракан.

– Чё? Бабло нашёл? – приподнялся на руках Серёга.

Не, но он точно калдун пиндосский, глянь что у старца говёного в келье – америкос, ё, – и он развернул содранный только что плакат, – Джим какой-то... Моррисон, что-ли, во! Масон, наверное, и вот ещё фотки каких-то двух жидов, и картинка с бесами! Ну чисто сатаноид он, кощунник и колдун!

– Дай! – взял у него фото старший – Это писатель Ерофеев, он не жид, вроде, но синячил. А это – Давлатов, тот у америкосов заправлял. А эти

картинки с чертями я где-то видел. Вон, Бош написало... Или Босх... Хрен его знает, одно бесы. Чего ещё?

– Ну, кресты ща Болото нагребает, но как-то мало у него, и всё железки... Иконы вообще бумажные... Денег – копейки. Если только закопал где...

– Эй, ты, русофоб, бля, Пиндосий, мы тя разоблачили! Давай, колись, где бабло. Очисти душу перед смертью, жертве твоего колдовства протез купим. – С этими словами предводитель снова взялся избивать отшельника.

Келейник Степан лежал в луже, его как-будто и забыли. Вся группа окружив старца тесно и глухо со всех сторон продолжая его избивать:

– Колись, бля!

– Это шо вы робите, хлопцы? – раздался голос из темноты.

– Укропы! – схватился за пистолет старшой – Что? Своего пришли спасать?

– Який же он нам свой! Это ваш, москальский старец, Петро, вон, в танке погорел, еле жив остался. А Пиндос этот играть танк ему давал. А мы за Петра и пришли к нему, колдуну москальскому, погутарить за гиляку!

– Да ладно! Это я без ног от вас, уродов, остался... – Подал голос со стула Серёга. – А где Петро горел?

– Под Луганском, аккурат на Петра и Павла...

– У Александровска?

– Да?

– Дак ё! Так это ты, сука! – заорал Серёга и вырвал из кармана гранату.

– Стоять!

В следующую секунду раздались выстрелы. Фонари потухли, шум, треск веток, ещё выстрелы. Серёга прыгнул с табуретки в грязь, кто-то его оттащил за избу...

Через полчаса, когда выстрелы удалились и стихли, Степан ковыляя подобрался к о. Пиндосию:

– Жив, старче?

– А что мне будет, грешнику? Я ж те не мученик преподобный, а старик ума лишённый.

– Эк вас отходили... Чисто бесы!

– Да какие они бесы? Без пяти ангелы были... И зачем я, дурак, им в танчик играть давал? Господь то даёт, ну а я куда, гордец? По делом мне, и мало ещё!

– Так вот... А утром паломники пришли и мы старца в деревню перенесли, и на скорую, там... Он уж без сознания был. При свете то я рассмотрел, что на нём и место живого не было, со знанием били, ироды. – Со слезами на глазах рассказывал мне Степан историю в коридоре районной больницы. – Эх, старче! Дай Бог, чтоб пережил, поднялся! Только не пойму, почему он их ангелами звал, по смирению, видать...

– Не только, догадался я. Понимаешь, они ж погибнуть должны были, а по молитвам старца выжили, когда он танк игрушечный им дал, тогда и умолил Господа живыми их оставить. Таких в раю много, ему ангел про то открыл, а старец мне поведал недавно...

Али

– Ещё раз говорю вам: никакие не гяуры, никакие не кяфиры, ахль аль-Китаб, люди Писания. А другой мусульманин хуже его в тысячу раз. Ты знаешь Аллаха, или ты!? – стучал в грудь бородатых мужчин в саду своего дома под Дербентом мулла Али. – А я знаю христианина, что со мной Всевышнего призвал и Тот явил ему милость большую.

– Что слушать его?! Брат! – заскрежетал зубами один из пришедших и выхватив пистолет выстрелил Али в живот, другой, бывший с ним, толкнул седого муллу на землю:

– Аллах акбар!

И выстрелил два раза: в грудь и в голову.

Грязи было неправдоподобно много. Шли в лес по сухой дороге, даже и на машине подъехать можно было, и хорошо, что не подъехали, сейчас бы вовсе не выбраться, так развезло всё. Идти приходилось не по, а вдоль дороги между облетевших деревьев, порой продираясь сквозь густые ветки кустарника, а косой ноябрьский дождь всё хлестал и хлестал. – Ох, такую дорогу прошли, а старец ничего не сказал, – жаловалась бабка позади меня, – я только фотку этого негодного Яшки зятя – мучителя достала, чтоб он увидел какой он гад, ведь старец то насквозь видит! Чтоб мне выселить его из квартиры моей, а он мне сразу: «Старёц, как даст в торец!» Я ему: «Батюшка! Я ж больная! Со мной нельзя так!». А он: «А я Божий служитель, а не бабий лечитель, ступай к врачу, собери мочу!» Я ему: «Старче! Да у меня зять этот врач! Но он же как те, вредитель и жид!» «Вот, – говорит, – ему мочу и сдай, а не мне мозг поласкай!». Ну я думаю, разгневан старец, смиряет меня, такое бывает, но я ж права, я ж знаю это! И Яшка этот вовсе не крещёный, разве ж может старёц православный на ихней стороне быть. Думаю, надо помолиться, подождать, отошла, тропарь святителю Николаю читаю... – Ну да, а тут это чёрный подошёл и про какого-то муллу сказал, – перебила другая пожилая женщина, шедшая рядом с первой.

– А, вот я не поняла, что случилась-то и почему отец Пиндосий ушёл? – ответила тёща еврея и врача.

– Так вот этот непонятный, даже шапку не снял, он сказал, что какой-то Али... Ну, в общем, мулла какой-то ихний, убит вахабистами. Вот старец помрачнел как-то и перекрестился. Один такой с бородой большой и с чётками батюшка сказал, де, что ж за мулу мусульманского можно ль молиться? А старёц ему: «Богородица за Ирода царя молиться не велит, вот и не молись за Иродов, а остальным Она Матерь». И батюшка тот очень осерчал. А старёц взял развернулся и ушёл к себе. Я знал этого батюшку, слышал и разговор накануне в деревне, когда только собирались к старцу идти, что глава их района и главный спонсор храма, друг этого батюшки носит не очень приятную фамилию «Иродов».

– Ой, а я слышала, – вмешалась в разговор третья женщина, ковылявшая по бездорожью совсем рядом со мной, – что старец то наш военным лётчиком

был, и во Вьетнамах и Афганистанах воевал, и очень он всегда молился Матери Божией, и его за это власти не любили. И по его молитве какой-то солдат срочник спасся нерусский, может это тот самый Али и был?

– А вы, батюшка, ничего про это не знаете? – обратилась она ко мне.

– Что-то знаю... – Ответил я нехотя.

Слышал я про муллу из Дагестана, про жизнь о. Пиндосия до пострига и раньше, и про случай в Афганистане, старец что-то рассказывал урывками, иногда от келейника ещё чуток услышишь, а что-то я уж и сам додумал, представляя себе жизнь старца, теперь уж точно не разобрать, что откуда, но в голове моей тогда картина представилась так: духота бы ещё ладно, но эта пыль... и без воды сознание совсем мутится, как бы глюки не пошли.

– Али! Что приуныл?

– Что вам товарищ капитан? – Ответил голос в темноте. – Ты меня Пашей, а не капитаном зови, здесь не до этих... званий.

– Хорошо... Думаю, маму жалко, расстреляют. Воды нам дадут ещё, как думаешь?

– Тебе, может, и дадут, как единовецу. Может даже не расстреляют, время-то не торопи. – Ответил капитан вертолётчик из темноты.

– Э, не скажи, завтра с тобой стрелять будут. Как и сказал... Знаешь? Что уж... Я в их кишлаке, где зачистка была, ну где до этого взвод наших перерезали, вы ещё нас тоже туда десант кидали... Так там всех этих душманов взяли, ну кто похож, у кого порох был, и вообще... Они ж бородатые, как наши деды, как разобрать кто? Один кричал, что не виноват, дети, я чуть понимаю. Офицер тогда командовать не стал, говорит мне: «Сержант, ты джигит, командуй!», я и командовал и сам стрелял, ведь они наших, как баранов резали, земляка зарезали, тоже с Дагестана... Мальчишки местные видели за забором, как мы стреляли, офицер заметил и прогнал их. Я вчера одного тут видел из них. Он меня узнал, точно.

– Мда... молиться нам осталось, брат, – полуусмехнулся Павел.

– Молиться, да. – серьёзно ответил Али. – Вы русские в Бога не верите. А мы все верим. Даже и комсорг, и парторг, все Аллаха чтут...

Помолчали, летняя афганская ночь не хотела хоть немного ослабить тиски своей духоты.

– А я хотел вас спросить, товарищ... Павел, – снова заговорил Али, – А почему ты капитан, хотя не молодой и тебя, знаю, и полковник уважает, и все тебя совет спрашивают, командуешь даже старшими по званию.

– Эх, Али. Всё тебе расскажи... Ладно, всё у нас, как исповедь, слушай. Я ж ещё во Вьетнаме воевал. Ну, воевал-то немного, но летал, как лучшего из нашего полка туда отправили, да и я рвался. Ниши то там только как бы инструкторы были. Ну и мы, помладше, при них. В общем, боевой опыт, карьера. А я, как на все эти леса напалмом сожжённые насмотрелся, и на всех этих... И вьетнамцев искалеченных, и американцев пленных, как потерявшихся каких-то и нашкодивших детей. В общем, как-то мне это все стало не по себе. Когда вернулся – запил, загулял по бабам, стал всякую литературу читать запрещённую, музыку слушать. Здесь – тьма и глупость, что и говорить без

толку, чушь. Познакомился со всякими алкашами интеллигентами, вроде ничего в них, тоже чушь. Но, получше, свободней они и правдивее... Ну так и что сказать тебе ещё? Ты ж не знаешь всех этих... Веня Ерофеев, с ним даже выпивал раз, Хвост ещё такой, классно песни поёт. В общем, загулял крепко. Стал пьяным в говно в электричках ездить. Вот так еду, совсем никакущий, без формы, с дачи такой богемной. Залезаю на полку для вещей и – спать. Менты подходят. «Гражданин! Ваши документы!». Ну а мне всё похер, я им удостоверение, мента к себе притянул за шею: «Тихо, – говорю – я на задании!»... Менты смотались. А я уснул. Только потом на конечной гэбисты приняли. Ну и понеслось... Связь со всякими врагами, антисоветчина, пьянка, книги у меня нашли. В общем, дело пахло керосином. Тогда мне полковник наш сказал: «Пиши, Паша, добровольно в Афган, с особистами я решу, собутыльники мои, они оформят и дело закроют, но только так». В общем, понизили в звании и отправился я сюда. Такая моя жизнь. Во многом неправ был, но что-то и повидал, Бог дал, Бог взял. Тебя молодого жалко и других ребяташек.

– А тебе сколько лет? – Спросил Али.

– Много, под сорок уже. А тебе?

– Двадцать два. Я институт два курса кончил, исторический факультет, у нас там, спортсменом был, КМС по борьбе. Потом тоже гулять стал. Так меня тоже за плохое поведение в армию отправили. Так что я тоже жизнь видал. Но не пойму, что ты про эти пьянки-гулянки говоришь, как про свободу? Какая свобода? Правда? Дом, семья, слово и дело мужчины, воином быть, честь иметь. А это всё для слабаков, кто мужиком быть не может. Но ты не такой, вот это не понимаю я.

– Не понимаешь, верю... А как тебе объяснить? Ну вот ты в Аллаха веришь, а понимаешь ты, что Он умнее тебя?

– Да... Не я ж Его умнее.

– Значит и пути к Нему могут быть те, что ты не знаешь.

– Наверное...

– Ну так а какого ты тогда путь свой, ну и предков твоих уважаемых, считаешь одним верным? Воин он и в отрепьях и без кинжала воином может быть, а другой и с кинжалом, а только мудака. Встречал таких?

– Да...

Молодой сержант немного обиделся, хоть и понимал, что Павел скорее прав, да и знал он, что капитан довольно молчалив, но уж если говорил, то едва кто мог ему возразить. Молчать ему не хотелось и он решил спросить:

– А ты американцев видел во Вьетнаме, как они, джигиты, или не очень?

– Да люди, как и мы. Вьетнамцы – те отчаянные, не хуже местных, ну а так, что и здесь всё одно – война. Там американцы жгли, здесь – мы, хоть и меньше. А народ сопротивляется, и все по-своему правы, каждый за свою родину. Джигит, не джигит... Не в том дело, Али. Не то, что это плохо. Но, вот сидим мы тут и что? Ради чего? Джигиты мы? Наверное. И что? Всё это неправильно, весь этот... патриотизм, не про то, тоже чушь. Вот. Все эти

художники, алкаши раздолбаи, так нельзя жить, но они живут и не убивают никого.

– Но и не защищают!

– И да, и нет... Ладно. Не бери в голову, нашим головам недолго думать осталось, так чего из-за глупостей спорить? Дурость внешняя меньшее зло дурости настоящей, серьёзной, что убивает. Хотя, все правы, и все герои, и все дураки...

– Э, что-то ты совсем, я – не дурак, и отец мой – не дурак, хоть и простой человек. И мама... Я молиться буду. Пусть Всевышний примет нас или спасёт. Хочешь вместе? Аллах един!

– Ну, знаю я эти ваши штучки. Я православный, в детстве бабушка в церковь водила, её муж батюшкой был. Но... Помолиться можно, тут ты прав, джигит, это лучше...

Али начал что-то бубнить, а Павел закрыв глаза думал о всей этой дурости жизни, и пытался выделить то небольшое, что было другим, в голове всплыл образ Боголюбской Богородицы, что был у них в храме, он ставил перед ним свечи едва дотягиваясь до подсвечника. Какая-то бессловесная молитва родилась у него в груди. Молитва грусти и тёплого света надежды, радость и скорбь одновременно, что-то льющееся извне и одновременно очень родное, и монотонное, с восточной мелодикой шептание Али стало как бы ритмом этой скорби-радости... Страшный грохот.

– Ё! Матерь Божия! – Успел как будто вскрикнуть Павел и всё исчезло.

– Умаялся? Думаешь всё? Нет, Павел, тебе ещё много предстоит, сначала вылезти из того, где лежишь, а потом будешь служить Сыну моему. Станешь ты монахом и будет имя тебе, которого нет в святцах. Венечку помнишь? Ангелы херес ему не принесли, но тебя они не оставят, как бы ты не хотел быть Венечкой.

Это была она! Как с иконы, но другая. Павел ясно это понял, дёрнулся, открыл глаза. Он лежал на кафельном полу, кругом был ужасный запах, кровь. Это был морг.

– Батюшка! Ну куда ж вы идёте то? – Донёсся до меня неприятный женский голос. В мыслях своих я и впрямь залез в самую грязь, сойдя с придорожной тропинки.

– Ох, ну вот сюда, за ветку эту держитесь! – Голосила та, первая баба, тёща врача. Поддержав за рукав, чтоб я не поскользнулся, она продолжила, когда я выбрался из грязи. – Вот вы часто к отцу Пиндосию ездите, как про вас рассказывают, скажите, бывало раньше, что он так уходит, и людям ответа не даёт? И что это за история с Али этим? И вправду говорят, что он монашество в юности принял и в Афганистане по его молитве Матерь Божия полки нечестивых сокрушила?

– Полки? Нечестивых... – Начал я мямлить и, сделав пару шагов, снова попал в какую-то грязную жижу.

Константинополь будет наш

– Вообще-то я конечно православный... но не знаю верующий ли...

Это говорил мужчина около 40 наверное, спортивного вида, но без уголовного оттенка. Внешность у него была скорее незапоминающаяся. Такой типичный, и этим то и странно его было видеть у о. Пиндосия, здесь чаще экзотику всех мастей встретишь, особенно, конечно платочно-бородатого свойства. Стоял он близко к старцу в своей зелёной футболке, на рюкзаке его была примотана Георгиевская ленточка. Народу в этот летний день у кельи лесного отшельника было неожиданно мало.

– Я Евангелие то прочёл, как мне наш батюшка сказал... Вот все эти чудеса... Ну слепые, болящие, может Он как экстрасенс их лечил, да и кто это записывал? Бесноватые, это же просто психи, они внушаемые, все эти древние, дикие особенно...

– А ты не внушаемый? – Перебил его старец.

– Да не, ну я ж современный человек, я телевизор смотрю, даже книжки читаю про науку иногда... Ну и воскресение это... Может оно и было... Но как-то так верить тяжело, может инопланетяне... или, я не знаю, что там кто-то когда-то написал...

– А в воскресения Лазаря веруешь... буквально? – Снова спросил о. Пиндосий прищурившись.

– Лазарь? Это у которого сёстры... ну... честно... сон это был летаргический думаю...

Старец ухмыльнулся, обычно эту его ухмылку не замечают, но я то уж хорошо знаю её. Молчание затягивалось...

– Ну, вы эта... помолитесь за меня, может мне Господь откроет, чтоб вера у меня настоящая родилась, или чудо какое...

– Хорошо, помолюсь, ты ещё что спросить хотел?

– Да, я, главное, хотел узнать как у нас с Россией будет, ну всё это кругом... Враги, сами знаете...

– А с семьёй у тебя что? – Спросил опять отшельник.

– Да не очень, жена... Да и ребёнок, ну..., – Стал прятать глаза посетитель.

– Про Россию, значит? – Старец закрыл глаза, начал говорить медленно, чеканя слова – Вот что скажу: Греция от Запада отвернётся и обернётся к России православной, они вместе с Арменией станут отражать нападение турок, которых американцы научат на Крым напасть. Выше всех надежд, победа чудную даст Бог России за её православие правильное, а вместе и союзникам. Константинополь будет наш, и мы отдадим его грекам, армяне русской силой займут пол Турции и обратят в православие курдов и многих других мусульман. Европа повернётся к России, и Украине тоже деваться будет некуда, американцы им не помогут. Тогда свершится великий суд Русского мира и установление православной империи.... Ещё многое славное я вижу о России о друзьях и о врагах её...

Старец остановился, открыл глаза и посмотрел на паломника.

– Веришь ли сему? – Спросил он.

– Да! Этому как-то сразу сердце верит... – С чувством ответил тот.

– А знаешь почему? – Помедлив опять спросил старец – Потому что оно у тебя больное, сердце, и близко к смерти.

– Как? – Испугался гость.

– А так, бреду, что я тут наплёл оно верит, а Богу не верит. Потому что окаменело, не знало любви, и тут не только твоя вина... Но и ты любви никому не дал, ни в семье, ни где ещё? Так?

Мужчина потупился.

– Ведь всё, что я наплёл про это: про месть и величие, желание показать, что весь мир кругом хуже, а в нас есть что-то, что мы и объяснить то не можем, но за что Бог нас любит, и все любить должны! А мы – никому и ничего не должны... И ищем мы мести везде и во всём её жаждем, это от боли, страха и незнания любви, что в нас сидят; тот же камень, под который вода живая, т.е Дух Божий, не течёт. А Бог то есть Любовь, а не месть, тем более самому себе... Хотя многие именно так и веруют... Это православием даже называют, безумцы! А? Что скажешь?

– Ну... я не знаю... враги клеветают... Россия всё же, тут святых...

– ... только знай выноси, да? – Перебил старец – Но ты молодец, ты прямо и честно свои сомнения высказал, честность то перед собой – большое дело, и начаток её ты имеешь.

Старец взял пытавшегося ещё что-то сказать гостя за плечи:

– Не бойся! Только веруй Богу и не бойся! Нет, не в чудеса, веруй, а что Он есть Любовь, тогда воскреснет всё кругом и преобразится!

Три сестры и отец Пиндосий

– Можно ли женщине в нечистоте к иконам прикладываться, некоторые даже и причащаются дерзают, ну это то понятно от модернизма всё, но как же нам быть и современными и каноны соблюсти? А вот про иконы, столько мнений уже слышала... Как Вы скажете? – Вопросила старца Пиндосия матушка Татьяна, супруга известного столичного священника, и этакая очень церковная и антисветская львица.

– А удуленину ты ешь, матушка? Мясо из магазина, то есть? Оно ж все не со спущенной кровью.

– По немощи...

– Значит, здесь немощь, а женское ваше что тогда?

– Тоже немощь...

– Ага... А знаешь почему про еду всякую вроде как нечистую никто не вспоминает уже, а про женские дела, ну или если собака какая зайдет – всем интересно?

– Почему же, старче?

– Потому что женщину и собаку напугать можно, а колбасу не напугаешь.

– Это... как? Шутите?

– Какие шутки? Эй? Степан принеси ко колбасу, пусть дамочка ее напугает, а я посмотрю. А людей то пугать она умеет, да? Только тем и живёт, что страху Божию учит, как бы чего еще бояться людей научить, так вот колбасу свиную пугай, давай, как испугается, так и поговорим дальше!

– Старче, а слышали вы, что суд будет скоро над человеком, кто специально с собакой в церковь зашёл, а один известный батюшка об этом сказал... – использовала момент другая дама, приехавшая с прекрасной во всех отношениях львицей, до выхода старца, они как раз все спорили о том, надо ли сажать злоумышленника или условного срока будет достаточно.

– Нет, не слыхал ничего такого, не досуг мне...

– Но ведь это так важно, ведь кошунство... А другие считают, что верующие все терпеть должны, ведь и у святых отцов про это... – затараторила одетая в дорогое длинное платье дама.

– А я и святых отцов не читал... Тоже лень мне и неинтересно.

– Как? – Даже немного взвизгнула барышня.

– Батюшка, этой колбасу то? – Подошел послушник держа в руке жирную Украинскую жаренную.

– Эх... Не та колбаса то, надо было, что я на завтрак ел, кровяную... Ну да ладно... Нет, вот этой, в сапогах красных.

И обращаясь к изумленной матушке:

– Пугай, давай, каноны ей объясни, чем виновата, что жир у нее не тогда вытек, что молчишь то? Бери!

Столичная известность двумя пальцами взяла принесенную ей перевязанную веревкой колбасу.

Старец же обратился опять к так и стоявшей в изумлении подруге:

– Отцы скучны мне, а я ленивый... А новости твои... Вот скажи, ты в мужиках разборчива, или с кем попало ложишься?

– Яяяяя ?! – Вскричала опрятная паломница – Я... и с мужем давно в разводе, и...

– Вот и я гляжу, едва ли ты хоть так, хоть эдак любить умеешь... Так вот, и я в чтении разборчив, дерьмо то из далека чую, и оно мне неприятно, как тебе мужики... А если запаха вовсе нет, то тоже скучно... Вот если благоухание какое, красота, то манит меня... Вот то читаю и смотрю... А что мужика своего довела, и что ушёл, то сама того хотела, а теперь его винишь ходишь.

– Я... Грешна, батюшка, смирения нет во мне...

– Любви в тебе нет, говорю. Не любишь никого, себя, даже. И любить не хочешь. Только злобой с подружкой своей и живете, и обидой на всех, кто любить пытается.

– Помилуйте! Я... я с абортами борюсь, что б детей рожали, и с противозачаточными средствами... и с геями... они везде...

– А с абортами что бороться? Бери да рожай, от кого любишь, и детей потом люби своих хотя бы. А геи что? Они коль Бога в свои дела не запускают, то это и их дело. А вы со своей борьбой этой с резинками и таблетками не только к людям в постель лезете, но и Бога туда пихаете. А ты скажи, Иисус то Христос Он о сексе?

– Вот и я говорю, перебарщивают они, надо все же трезво, современно, – вмешалась в разговор матушка Татьяна.

– А ты знай колбасу пугай! Пока с ней не разберешься, не о чем с тобой говорить! – отрезал о. Пиндосий.

– Но как же, ведь и о браке Господь говорил, что прелюбодеяние, если развод... – Решилась вмешаться в разговор третья женщина, приехавшая с ними. Была она помоложе, симпатичная в большом цветном платке.

– Ну тебе то разведенной уж пару раз уж пора начать понимать то! – Ответил старец – О браке ли Господь? Или о чём?

– Ой, а как Вы знаете?

– Ощущаешь ты грех то? – Ответил вопросом старец.

– Ну... нехорошо... Не по заповеди...

– А заповедь какая?

– Ну... прелюбодеяние... блуд...

– А в Евангелии какая заповедь большая?

– Возлюби Бога и ближнего...

– Ну так и люби...

– Но... ведь вот... про брак, развод...

– Да что вы все по кругу! Об ответственности Господь говорит то! Людей не бросать чтоб, как бумагу в сортир, так просто об них ноги не вытирать, что все мы родные друг другу и Богу, что если уж взял, то и отвечай... Не по закону живи, а по ответственности. Согрешил – исправить и загладить старайся, по любви, а не по правилам. Через это на все смотри! Сама де детей этому учишь, а с другими не понимаешь!...

– Вы и это знаете... но...

– Так что ж Вы такое говорите, батюшка! Как же так! И геем быть можно, и предохраняться, и разводиться! Это же... как?– Возмутилась вторая дама.

– А вот так! А тебе б того... Хоть бы переспать с кем для начала, чтоб о чужих постелях меньше думала...

– Это... Возмутительно! Как ты можешь старый пень со мной так разговаривать, да я дочь знаешь кого?

– Знаю... Отца несчастного и злого, а мать твоя ради денег только с ним и жила, от злобы и обиды и умерла... А ты то отца жалела, то матерью восхищалась, как она им крутила... Жалеть потом совсем разучилась, но и мать не полюбила, а как этот холод полюбишь? Так и мучаешься, не знаешь деть куда себя...

Тут уж никто из троих говорить не решился. Мы с келейником стояли чуть поодаль. В лесу сквозь веток и молодой листвы стали проблёскивать яркие платки, слышится разговор. Это новые посетители по тропе идут.

– Ну что ты? Колбасу то напугала? Нет? – Обратился старец к Татьяне– Что смотришь? Что с колбасой то делают?

Та стояла опешив, как-то ухмыльнулась косо и откусила нерешительно.

– Вот! Так оно и надо! Колбасу есть не рассуждая, женщинам а когда и мужчинам течь в срок и не выдумывать про то лишнее, а людей любить... И собак тоже. Ну а теперь отдай колбасу, Бог всё простит, коль о о Нём, т.е о Любви то не забудете, даже когда и падая... Идите с Богом, три сестры! – Благословил всех троих отец Пиндосий.

– А ты все о грехопадении думаешь ? – Спросил меня старец, наредкость сегодня он разговорчив был. – Безмозглость наша, глупость, оно де и есть рабство страстям, и благочестивая то безмозглость похуже плотской будет. Вот эта глупость и есть первородный грех наш.

Божественная обедня

Никогда о. Пиндосий из своего затвора не уходил и не выезжал, по крайней мере, никто об этом не слышал. На службу в Церковь – тоже за одним лишь известным мне исключением. Тогда послужил он у одного батюшки, о. Владимира настоятеля крупного дсельского прихода, расположенного не так уж далеко от места подвигов старца. Батюшка тот был известен, к нему и так из Москвы и других городов русских, украинских и белорусских народ ездил, а теперь, когда стремящиеся к о. Пиндосию заворачивать стали, то приход этот и вовсе расцвёл и зазолотился куполами. Вот и зазывал настоятель о. Пиндосия к себе послужить всеми правдами неправдами, ну и на примерно сто двадцатую просьбу затворник наконец согласился, но при условии, что службу возглавит он, и что всё будет как он посчитает нужным. Мне посчастливилось быть на той службе.

День был воскресный, неделя о мытаре и фарисее. На дворе были февральские морозы, но народу приехало много, потому как о. Владимир многих оповестил о предстоящей службе во главе с почитаемым многими подвижником.

Настоятель Владимир и я ждали о. Пиндосия в алтаре. О. Владимир вообще-то хотел встретить старца на крыльце или у ворот храма, но тот наотрез отказался, более того, сказал, чтоб ждали его именно в алтаре, не выходя из него даже на солею, пока он будет проходить через церковь, сказав, что если не так, то он вовсе развернётся и уедет к себе в лес. Вот так мы сидим и слушаем, как старец идёт через храм, долго, раздаёт благословения, кому-то что-то говорит.

– Есть святая простота, а есть «святая» мудота, – слышим мы его голос уже близко от алтаря, – так и запомни себе, до того как дедушка Альцгеймер к тебе не придёт.

– Радости всем, братия! – С таким странным приветствием обратился к нам старец, после того, как сделал земные поклоны перед престолом – А то сидите тут с постными боролатыми мордами, мне аж жутковато стало, как в алтарь зашёл.

Понятно, мы разулыбались.

– Отец Владимир, а что это за книжку я у тебя за свечным ящиком взял? – Спросил о. Пиндосий здороваясь с настоятелем.

– Это перечень грехов по категориям для подробной исповеди. Народ любит и я приветствую, чтоб серьёзно к таинству относились. – Отвечал тот.

– А у тебя в начале службы исповедь? Дай я проведу, а вы пока тут подготовите всё, проскомидию совершите.

– Хорошо... Как скажете... – Отвечал чуть смутившийся, но помнящий обещание служить эту службу по старцовому слову настоятель.

– Вот и ладно... – сказал лесной затворник, выходя из алтаря с крестом и Евангелием в руках.

Общую исповедь, которую о. Пиндосий провёл прямо в центре храма было слышно хорошо и из-за иконостаса. После нескольких положенных молитв и совсем краткого, явно не по книге перечисления грехов, старец обратился со словом к исповедникам:

– Братия и сестры! Что ещё сказать? Книжку эту все видели? – Видимо, он показал эту самую, про которую настоятеля спрашивал – Ага! Вижу. Много там разных грехов написано? Много про всякие удовольствия, да? И что всякое удовольствие или фантазия есть грех, Так?

Ответом было мычание толпы с отдельными отчётливыми «да».

– Ну так я вам скажу, что грешен я. Гажу с удовольствием, не в принципе, а в туалете своём деревенском в одно очко. Такое удовольствие испытываю, что иные при соитии не испытывали, что мужики, что бабы. Грешен я?!

Гробовая тишина была ответом.

– Так как, всякое удовольствие грех или не в нём он вовсе?... Ну хорошо, продолжим, тут в книжике этой про помыслы разные много, оно и впрямь, голова много чего рождает, да?

Слушающие снова оживились.

– А я скажу вам: у кого в мыслях и на деле одно, тот либо свят, либо полное говно. Святые есть тут у нас?

Понятно, в ответ опять все затихли.

– Ну и говёных тож не так много, думаю. Ну и что голову морочить, когда она итак заморочена мыслями всякими? Скажу вам: меньше про помыслы думайте, книжки эти дурацкие мне сдайте, я их к себе в сортир унесу и по назначению использую, а у кого дома – сожгите вовсе ; исповедоваться коль хотите, то надо от сердца и головы, а не от всякой байды.

Настоятель в алтаре пылал лицом, глаза он прятал, но что он мог сказать? Не выгнать же старца со службы? За язык его никто не тянул, сам о. Пиндосия зазвал. А это было только присказкой к службе...

Началась литургия, Мирную ектенью возглашал о. Пиндосий, при этом патриарха он помянул без титулов, полностью переделав положенные по Служебнику слова, не на распев, с чувством назвав его болящим и несчастным. Настоятель не выдержал:

– Отец Пиндосий! Под монастырь подведёшь! Как ты о Святейшем патриархе?!

– Не бойся, токмо веруй! Патриарх он и в аду патриарх! – Улыбнулся в ответ старец.

Надо было видеть лицо несчастного о. Владимира.

На проповеди после Евангелия о. Пиндосий сказал, что ныне празднуется священный союз мытаря и фарисея и что Христос слишком хорошо думает о людях в этой притче, деля их на желающих благодарить и каяться, но это от любви, а не от незнания человека. Я и сам не понял, где старец шутил, где обличал, а где говорил абсолютно серьёзно, но как-то всё вместе это воспринималось удивительно: хотелось не просто служить, а молиться от всего сердца, и, кажется, у многих в храме маска православного прихожанина сошла, обнажив настоящие лица.

На Херувимской старец подошёл к настоятелю и спросил:

– Ты Херувим?

– Что??? Отче... Шутите опять...

– Вот и я нет, что ж мы тут будем тайно изображать? Пойдём, вынесем в центр храма все наши причиндалы и отслужим с народом посередине!

Взгляд о. Владимира выразил потусторонний ужас, выйти в центр значило нарушить все правила, прослыть «модернистом», а в русской церкви для многих это хуже, чем сатанистом, получить по полной от начальства. Чем это может закончиться? Доложат...

– Нет! Старче! Не дам антиминос, не пойдём в народ, там... Престола нет... и вообще, в алтаре надо!

– Кому надо, отченька? Мне? Тебе? Богу? – Спокойно возразил лесной подвижник.

– Иии... Не начинайте!... – Как-то даже взвизгнул солидный настоятель прихода.

– Дык а что мне начинать, когда я кончил. Нам не надо, Богу тоже. Тебе надо? – неожиданно обратился ко мне о. Пиндосий.

Я мотнул головой.

– Видишь, и попу столичному не надо, а людям может быть хорошо, да и нам не плохо будет, вот увидишь. А не хочешь антиминос давать? Так я и без него отслужу, столик там у тебя есть для молебнов, вот на нём и расположусь.

Что делать? Сдался настоятель и вынес антиминос на середину храма на тот самый столик, видимо, ещё во время исповеди по просьбе старца выдвинутый на середину.

Перед символом веры о. Пиндосий решил дать целование всему храму, каждому бывшему в нём.

– Христос посреде нас! – сказал он очередной бабушке – отвечай: «И есть и будет!» Да?

– Ой, будет ли? Батюшка?

– А куда ж Он денется?! – улыбался подвижник – Кто это там, в боковом пределе стоит?

– А эту мужики деревенские, другана своего отпевать привезли, им сказали позже приехать, а они уж здесь...

– Мужики! – громко позвал старец.

Те молчали.

– Что? Нет мужиков-то?

– Да как же нет? Здеся мы... – Пovyлезали к центральному пределу небритые и частенько с явного бодуна личности в телогрейках.

– Вот и давайте молиться! Христос посреде нас!

Признаться, я ждал этого момента. Если это только игра, то не пробьёт она эти зачерствевшие души, засмеются или сплюнут – уйдут, ну... или начнётся «дай поп на бутылку»... Но нет, как-то изменились они в тот момент, не просто опешили, тоже лица сквозь маски проступили. С одним с тёмным лицом высоким мужиком о. Пиндосий стоял дольше, даже бил своей тяжелой ладонью по мускулистой шее мужика:

– Слышь! Ты! Не думай даже, хватит, брось! Христос посреде нас!

Потом спели всем храмом Верую, и я почувствовал себя, как в танце, нет, это не была эйфория, потому что радости было не меньше, чем невыразимой глубины грусти. О. Пиндосий читал молитвы Евхаристического канона, громко, на весь храм, меняя текст и добавляя слова, произнеся часть о Троице он добавил: «И что мы про Тебя знаем? А всё говорим...Но Ты прости нас, глупых, и дай Нам разумение». Пожалуй, это всё, что я смог в точности запомнить, ну пожалуй ещё изменение в молитве «сопричти нас стаду Твоему» на «сопричти нас дуракам Твоим».

Перед Отче наш хлопнула дверь, это тот мужик с тёмным лицом выбежал из храма. Старец не оглянулся, но лицо его исказилось болью...

Потом было причастие. Лесной отшельник причащал всех, кто исповедовался и нет, молодых и старых, всех, кто был в храме.

В конце службы у о. Пиндосия снова пробежала хитрица в глазах. Он повернулся к бледному настоятелю:

– Что! Может на радостях многолетие патриарху споём? Чтоб не болел!

-Ой, нет, отче, не надо...

Всем запомнилась эта служба, раздав благословения, уходя с келейником из храма уже после трапезы, старец сказал:

– Ты, отец Владимир, зови, если что.

Но настоятель больше его не позвал, а после Пасхи его и вовсе перевели на другой приход третьим священником.

Три посетителя

– Как, старче, спастись? – Вопросал худощавый посетитель в очках и при аккуратно подстриженной бородке.

– От кого? – Удивился о. Пиндосий.

– Ну... от греха... от соблазна, – смутился посетитель.

– Аааа, я то думал преследует кто... Ну это ты у батюшки монаха учёного спроси, вон стоит, чётки молотит, – указал старец на строгого вида средних лет монаха, видимо архимандрита, стоящего здесь же возле кельи, – он книжки читал всякие отеческие, молился, а я то с бабками в деревне был, то с деревьями в лесу, зачем такое у меня спрашивать? И охота с такой ерундой вам снег месить да время тратить.

– Старче! Простите, что же может быть важнее спасения! Я всем, у кого бываю из духовных отцов, старцев этот вопрос задаю, и все мне что-то новое открывают, какое-то ещё знание о посте, борьбе с помыслами...

– То – мудрые о помыслах, а тебе одно скажу: меньше помышляй о спасении, тогда и придёт вразумление. А так всё и будешь... ходить– бродить, да ум свой носить.

– Спаси Господи, старче! Вразумили меня гордого, смирили! – Обрадовался очкарик.

– О! Вижу тебя и впрямь преследует! – Изменился в лице старец.

– Простите! Благословите! Что! – Снял запотевающие очки посетитель.

– Смиренномудие! – Ответствовал старец с силой бия пальцами в лоб, живот и плечи посетителя, так благословил и повернулся к монаху.

– А ты что? Бывал ведь у меня? Из Нского монастыря игумен?

– Да, отче! Трудникам всё выплатил, как благословили. И теперь у меня два вопроса к вам... Первый, о канонизации, у нас один подвижник был в обители... ещё до революции..

– Мученик? – Перебил старец.

– Нет.

– Откопали?

– Да...

– И что, мощи нетленные?

– Нет, – смутился игумен, – но он святой жизни был, есть записи...

– Знаешь что, отец, – вновь перебил его старец и взяв за руку и глядя на игумена в упор, продолжил, – не будь святогоном. Есть причины для канонизации: чудотворения, елеовыделение, болящих исцеления, а путаных умов размышления – не повод для прославления! И что ты главное спросить хотел?

– Архиерейство мне скоро предложат, знаю, документы мои в Москву ушли. Так как мне... Может в келью благословите, здесь при людях... неудобно некоторые вещи обсуждать...

– Хорошо, пройдем.

– Батюшка! Ещё один вопросик! – Встрял тот, в очках – Я от храма нашего катехизатор, так мы с этими дарвинистами и эволюционистами постоянно спорим. Как отстоять правду креационизма?

– Критинизма правду?

– Простите, батюшка, нет, я говорю креа... Или правы эволюционисты и значит, как в учебниках, Господь вдохнул в обезьяну жизнь Духа? – Вновь возбудился посетитель.

– Нет, не во всякую, а лишь в самую человекообразную, а иные так обезьянами и ходят в человеческом облики...– Ответил старец и подошёл к немолодой женщине, что стояла чуть сзади:

– А ты что?

– А я?... И не знаю, что сказать, шла – тяжело было, а у Вас тут рядом постояла, что-то послушала не поняла ничего, а стало легче...

– Ну и ступай с Богом, да как плохо будет, – снова приходи, ангела тебе в дорогу! – Благословил старец и пошёл с игуменом в келью. Я не хотел идти, но старец дал мне знак и я последовал за ним.

– Садитесь, отцы, – указал на перевёрнутые срезом кверху поленья–табуретки о. Пиндосий.

Мы с игуменом сели, старец напротив нас.

– Ну что, монах, в епископы собрался?

– Да я, старче, не стремился к этому. Мне в монастыре своём привычно, уже как-то уладилось всё, не то, что сначала... И братия подобралась помаленьку и народ ездит, благотворители имеются. Без шика, но, слава Богу. Вашими молитвами и советами... Но тут разукрупнение епархий, а я на хорошем счету. Семинария, академия заочно, монастырь почти восстановлен... Правда, сразу сказали, что Сибирь самое ближнее, куда попаду, и понятно, на центральные какие города нечего и надеяться, на то... другие кандидаты есть...

– Тогда значит и вправду счёт хорош! Настоящего бойца либо в глушь, либо на передовую, а в штаб – оно понятно кого, – чуть улыбнулся сквозь густые усы старец, – на куполах кресты и злато, а внутри дерьма да соплей богато.

– Да я всё понимаю, – продолжил игумен, – и не стремлюсь то особо. Епископ он на вид-то владыка, и все его слушают, но то внешне... А поди ж ты, как надо сделай! Снизу не поймут, сверху не одобряют. Ведь и здесь, в Центральной-то России сколько лет ушло людей подобрать, а там... Поколения ссыльных, такие места есть, что кроме уголовников никого и не встретишь... монахов нормальных взять неоткуда, а как без монашества как дисциплину навести? Народу кроме свечек ничего не надо, попы... если по канонам так половину сразу под запрет надо, а если ещё бестолковых исключить, то и служить некому будет. А ведь от несоблюдения канонов и бардак весь этот... И как тут быть?

Сразу ответа на вопрос не последовало. О. Пиндосий глядел на падающий за оконцем снег. Потом негромко, как бы нехотя продолжил разговор:

– Как быть? Ерунду не городить. Скажи мне, неучу лесному, Бог есть канон или Любовь?

– Любовь, но... – Запнулся будущий архиерей.

– А епископ должен исполнять волю Бога или канона?

– Но, святые отцы... как же... – Совсем уж растерялся гость.

– А что ты за них прячешься? Ты за себя отвечай, коль в епископы собрался. Да и из святых не все то каноны соблюдали, а иные и вовсе их не знали слова то такого, да и в голову ничего такого не брали, так?

Ни игумен, ни тем более я не решались что-то ответить, и старец продолжил:

– Бывает и надо кого по любви от служения остеречь, чтоб ни себе, ни людям не испортил, для того и каноны, а без любви канон, что газета: не почитать, а лишь в сортире листать, картинки с бабами да патриарха с президентами разглядывать. И что вы, отцы, скажете? Что людям больше по нраву любовь или правила?

– Сердца тянется к любви, а ум, руки к правилам, канонам. – Решился ответить я.

– Верно, а почему? – Снова спросил о. Пиндосий.

– Ну... Определенность нужна, почва под ногами, а иначе из чего исходить? – Продолжил игумен.

– Так и есть, на небе удержаться не можем, нам и нужна почва. Но ежели одной землёй жить, то как Неба достигнуть? Только и будет толку «червей давить затылком» по тем самым правилам.

Опять замолчали.

– А может мне отказаться...от епископства? Наотрез... – Махнул в воздухе широким рукавом рясы игумен.

– Можно было б, но ты ж не сможешь, – посмотрел на него в упор старец.

Я подумал было возразить как-то попытается кандидат в архиереи, или что-нибудь про «послушание» выдать, но нет, опустил глаза в дощатый пол, и без показухи, изменившись даже в лице и голосом сказал:

– Помолись о мне, старче... И научи, как мне в епископстве... не отпасть? Не отлететь в гордости своей и...всём этом...

– Дам один совет, коль спросил. Ты дураков в иподьяконы и прислугу набери. Нет, не обычных церковных лизоблюдов, а настоящих: аутистов, даунов, олигофренов всяких, чтоб не розовощёкие мальчишки вокруг тебя были, а такие, вот, когда с сопелькой, а когда со свечкой вместо дьяконских, в уличные двери выходили.

– Как же?... – Даже привстал игумен, и хорошая борода не могла скрыть совсем уже человеческого, искреннего выражения его лица.

– А так! Кто из вас блаженства да преосвященства, ты или они?

Игумен ответить не решился и старец продолжил:

Вот и пусть себе ходят со свечами да дикириями, когда помочь им надо, приглядеть ласково, но и они тебе взлететь или о любви забыть не дадут, их бо есть Царство Небесное!...

СНЫ Рождества

Этот свет, падающий за стены старых домов, странно изменяет их цвет. Хотя, не в этом дело, это лишь картинка... А в чём? Зачем это обозначать. Надо просто идти куда глаза глядят и ощущать то, что раньше проявлялось в намёке, а теперь вдруг накрыло в такой полноте, что ещё бы немного и не выдержал, взлетел живым или мёртвым, что неважно... Надо же куда я вышел, это же Колизей там, внизу...

Владыка Орест полуоткрыл один глаз. Не хочется возвращаться из такого сна. Впрочем, это же не совсем сон, это воспоминание... Много лет назад юным семинаристом он и впрямь бродил одним ранним рождественским утром по вечному городу и чувствовал это... Надо же, как во сне можно вспомнить то, что и рассказать невозможно... Сколько ж лет назад это было? 35–40?...

– Хм, – произнёс владыка, вспомнив, что сегодня как раз 25 декабря, Рождество по новому стилю, день в день с той прогулкой... А что ж это за поездка была? Да какая-то по межцерковному общению, он в свите известного владыки-экумениста был. Помнится, тогда всё говорили о близости церквей, о необходимости объединения во Христе, в братской любви... Да, много было разговоров, сейчас другое время и другое надо говорить... В тот раз это было или нет(вот ведь память уже никуда), когда заезжали ещё в монастырёк Малых сестёр. Эти монахини имеют интересный устав, ездить по миру, работать на низкооплачиваемой работе и этим проповедовать Христа. И ведь так и живут, такие светящиеся, при них даже строгий русский митрополит стал как ребёнок... А монастырь их, смешно, больше напоминал пионер-лагерь второго сорта, а рядом, по дороге к ним, был старинный, на месте казни ап. Павла...

– Хм...– ещё раз произнёс отдыхающий после службы в своих покоях архиерей, – Павел... Да, жаль он ушёл из епархии... Он единственный не осуждал за спиной владыку, со всеми его розовощёкими мальчиками, даже, как– казалось, сочувствовал ему... Да и вообще. Не осуждал, но и не лизоблюдствовал, ровно держался, честно и спокойно, без надменности и всей этой пустой говорильни.

Воспоминания покатались как-то одновременно по разным дорожкам. Вот он, худенький и молоденький, выпивший на праздник, крадётся в свою келью, лишь бы дежпом не увидел... А вот, этот, непутёвый поп о. Анатолий стоит перед владыкой на коленях, умоляя не выгонять... А здесь о. Павел подаёт за штат, и он, уже архиепископ, молча подписывает это прошение...

Дежпом, западенский хохол иеромонах Савелий, тогда таки поймал... Запугал будущёго архиерея до смерти, но потом предложил пойти из тёмного коридора в его келью, дабы не будить спящий семинаристов. В келье помощник инспектора смягчился. Рассказал, что он тоже был простым семинаристом и тоже понимает, но дисциплина должна быть. Потом предложил неожиданно выпить... Потом ещё, потом попросил сесть к нему на колени, стал шептать про одиночество, про то, что поможет... До этого, да и после, будущий

владыка не знал женщин. Так с мужчинами и пошло... хотя тот, первый раз было больно...

А этот Савелий потом, в конце перестройки уехал на родину, перешёл в греко-католики вроде бы и карьеру там сделал...

А поп, тот, да, непутёвый был. Болтал много, книги и идеи распространял, что сейчас не приветствуются... Хотя... не о том же ли говорили тогда, в Риме?... Другое время... Много на о. Анатолия стучали, владыка Орест знал, что много было и клеветы. Но парень явно выходил за флажки. Вольный дух, вольные разговоры на разные темы, об архиереях и их месте и власти в церкви много рассуждал, даже на проповедях говорил слишком вольные вещи. Вот и пришёл настоятель храма, где этот молодой смутьян служил, и принёс донос, что о. Анатолий отказался причастить больного и тот так и умер без покаяния. По глазам да и вообще из всего было видно, что врёт настоятель. Но дело надо было решать ради общего спокойствия, да и настоятель был надёжен во многих делах, не подводит же своих... Пришёл о. Анатолий на приём, он уже знал, что запрещён в служении. Можно было его не принимать, хотелось ли владыке видеть, как о. Анатолий будет умолять о помиловании? Наверное нет, хотя... Тот даже превзошёл ожидания епископа: плакал, умолял пожалеть его пятерых детей, больную жену. Стоящие на коленях мужчины владыку частенько возбуждали, но не в этот раз... Брезгливости вл. Орест тоже не чувствовал, не чувствовал ничего, только частью механизма немного ощущал, и этот механизм был не он, но было то, чему он служит, или просто работает... неважно. О. Анатолий тоже часть этого механизма и если хочет остаться, он должен это понять, предупредили его не раз, без наказания он не понимал. Кто ж теперь виноват?

За о. Анатолия просили многие, младшее духовенство, миряне, местные деятели культуры всякие, но от этого решение владыки было лишь твёрже, чтобы прекратить, он даже объявил, что теперь рассматривает вопрос уже не просто о запрещении в служении, но и о снятии с о. Анатолия сана. Тогда пришёл просить и о. Павел. Владыку всё это уже очень раздражало. Он впервые попытался наорать на о. Павла, но как-то не смог долго гневаться на подчинённого, хотя в этом владыка Орест был более чем опытен. Взгляд деревенского священника, когда-то офицера, остановил поток архиерейской безапелляционности.

– Владыка! Вы же умеете любить. Я знаю, умеете... Вот и о. Анатолий любит своих детей, его любят прихожане, а что может быть важнее любви?

Архиерей остолбенел. Краска бросилась в его лицо. В голове картинкой всплыл любимый Витенька. Вл. Орест уж давно не путался ни с кем, не искал молодых любовников среди церковных мальчиков, многие ему нравились, но он оставил это. А к Витеньке он и впрямь привязался, хотя знал, что тот гулящий и не бескорыстный, и кроме владыки есть у него и другие, но с ним было хорошо и уютно, совсем не одиноко, может именно потому, что Витя не зависел от него и ничего особенного не ждал и не требовал, был лёгок, обворожителен в радости, прекрасен в грусти...

Владыка поднял глаза на о. Павла, он понял, что тот не случайно сказал то, что архиерей не мог себе сказать столько лет, хотя столько сказано было про эту самую любовь с амвона...это не догадка, это понимание...

– ВОООН!!! – Заорал седой архиепископ, – Чтоб духу твоего в моей епархии не было!!!

В этот же день вл. Оресту принесли прошение о. Павла о почислении за штат. Он сразу же подписал его.

Через какое-то время владыка узнал, что о. Павел стал носить странное имя Пиндосий и живёт в лесной келье где-то далеко.

– А хорошо бы к нему съездить...– Подумал владыка, но тут же усмехнулся этой своей мысли.

Зазвонил дверной колокольчик, да, время уже вставать. Набросив подрясник вл. Орест отворил.

– Благословите, к вам Виктор, – пряча глаза сказал келейник и быстро ушёл, он всегда был немногословен, лишнего старался не знать, за это владыка и держал его.

– Пусти, – ответил владыка.

Странен был визит Витетеньки, ведь не договаривались, да и вообще обычно не в архиерейских покоях встречались.

– А я тебя как раз вспоминал... Что без звонка? – Спросил архиепископ закрыв за любовником дверь.

– Рождество сегодня, как-то соскучился я по тебе... Решил так зайти...

– Рождество? Нынче не наше, католическое, будто не знаешь... У нас седьмого...

– А разве Рождество может быть не нашим? – игриво улыбнулся Витенька.

– Знаешь, – неожиданно даже для себя сказал пожилой архиерей, – приходи именно после седьмого, разговеемся... А сейчас я что-то не могу... плохо себя чувствую...

Красоты ада

– Вот так и мается, и нет ему нигде спасения, никакого выхода, – плакала пожилая, похожая на тень женщина только что рассказавшая длинную историю про то, как её сын случайно оказался на пути крепко спянного монстра власти, полиции и бандитов в их тихом провинциальном городке. Его избивали сначала, угрожали, потом стали расправляться с семьёй, жена с ребёнком сбежала, его посадили, всё как в известных фильмах, без героизма и исхода. Остался только плач матери, тихий, без ропота и ушедших куда-то в прошлое эмоций. Какие там фильмы?...

О. Пиндосий разглядел эту женщину среди пришедших паломников, было их сегодня много, слава о старце растёт, а летом в хорошую погоду пройти к его келье куда легче. Она стояла где-то сзади, её почти не было видно. Отшельник приглядевшись, казалось, как-то даже принюхавшись к толпе, пальцем поманил её и завёл в келью, куда мирян вообще пускал очень редко.

– А я ж к нему и поехать не могу... хоть все письма его слезами промочила, я ж знаю, что он не договаривает много, меня бережёт... Но у меня ж сестра ещё лежит, инвалид детства, а теперь ещё и после инсульта, под себя ходит, не с кем её оставить, на час одну с трудом, а тут через всю Россию ехать к сыночку на зону...

Она продолжала всхлипывать, старец молчал. Женщина продолжила:

– Тут я к ней батюшку вызывала к сестре... так за одно и сама хотела причаститься, а он сказал, что я ходячая и меня на дому нельзя и вообще все беды у меня от того, что я аборт молодая сделала... Может оно и так, но сыночку то моему за что, батюшка Пиндосий?

– Дурак твой поп, – только и сказал старец до этого ни разу не прервавший долгий, с повторениями рассказ женщины.

– Но почему ж тогда... так всё? – Всклипнула она утирая слёзы.

– А я не знаю.

Такого ответа я от старца не ждал и не смог скрыть удивлённого взгляда.

– А что ты смотришь, отче? – Обратился ко мне о. Пиндосий, – Давай-ка плат поддержи. Я сейчас причащать рабу Божию буду.

– Так я же... неготовая... И не исповедовалась. И ела, – удивилась женщина.

– А что ж ты все эти годы делала? И здесь сидючи? Только и делала, что готовилась да исповедовалась.

– Да как же! Я и не пощусь, и телевизор...

– Молчи уж, мать, всё я понял, – ответил лесной отшельник уходя во внутреннюю келью за Запасными Дарами.

Проводив женщину до двери, о. Пиндосий на улицу уже не вышел, я оставался внутри. Келейник затворил дверь, сказав, что сегодня старец больше не выйдет, и ушёл в свою каморку сбоку, а батюшка, посмотрев на меня, подошёл и сел рядом на полено-стул.

– Что? Всё вселенскими скорбями занят? – Чуть прищурился он.

– Да не то что... Но всё же не могу я такие истории слушать, точнее, слушать могу, а чувствовать всё это... Спроси у меня раньше: «как, почему Бог допускает такие скорби, почему столько муки и горя и среди невинных?» я бы тысячу одно доказательство привёл про «как и почему», а теперь... Понимаю, что всё это балаболство какое-то...

Я глянул на батюшку, он слушал внимательно, как-будто даже с интересом и я решил продолжать, попытаться выложить всё, о чём молчалось.

– Читал я всю эту критику новомодную атеистическую, Докинза и прочее. Это всё тоже отчасти болтовня, эволюцию, понятно, и Бог мог запустить; а развенчивать всякие глупости, что на буквальном толковании Библии основывают, вещь вполне нормальная, и что не в динозаврах с человекообразными обезьянами проблема, хотя... это тоже камешек в мешочек всего этого скептицизма по отношению к вере и многих это соблазняет. Ведь... Земле сколько лет, и человеку, и не сразу он человеком стал, и не из Эдема изгнан, видимо... Кругом символы, а где –же настоящее?... Но опять я не о том... Дело во зле, точнее, в его окружении... И в том... что Господь медлит, ведь апостолы ещё ждали, а Он всё не идёт...

Я опять глянул на о. Пиндосия, мне показалось или и впрямь он чуть кивнул, и я продолжил:

– Как мы живём? Традиционное общество лишь на вид было христианским, нравственным, как сейчас многие думают. Ведь за всей этой дисциплиной стоял страх и несвобода. Они всем правили, всё сдерживали, ты свободен только в размере своей клетки, страх и несвобода порождали жестокость. И вся эта жестокость оправдывалась и церковью... Да что только церковью не оправдывалось? Святые с их подвигами? Да... но и они, порой, такие вещи оправдывали, а то и делали... Вся история церковная приукрашена, а если без ретуши и краски, то это ж страшно смотреть, большевики, и те отдохнут... И где эта Любовь Христова? Где «по тому узнают, что вы Мои ученики, что любовь между собой иметь будете»? – Вопросал я, а старец не перебивая слушал – Столько веков христианства и что в результате? Те же грабли... К людям в постель лезли, не то что уж кто с кем спит, но и как, в какой позе даже и муж с женой... И как от этого всего жестокости и злобе не накрыть всё и вся? Ну а потом Новое время, освобождение, но радости свобода не приносит, жестокость слабеет, но исцеления это не несёт... такие двери открываются и оттуда скелеты вываливаются, что думаешь, а стоило ли и открывать? Уныние, одиночество, смерть, боль... И все эти иллюзии и, опять, страхи в мире. Не мир, а ад.

– Кто в аду не бывал, тому и рая не видеть, – спокойно произнес о. Пиндосий, – но и погляди в окно, разве красота во аде возможна?

– Глупо как-то я говорю... Право слово, отче, я и сам на все эти вопросы и слова тонны всего сказать могу! И про волю Божию, что не нам судить, про времена и сроки, что не нам знать, но... Опять смотришь на такую вот женщину, или на ребёнка несчастного слепо-глухо-немого да ещё в нашем детдоме, или...да просто... как животные жрут друг друга, и думаешь, ну когда ж лев то возляжет с ягнёнком? Да и вообще, ну зачем так то всё? Откуда

столько силы у зла?... и времени... Не знаю, смешно я выгляжу, сам поп, а такое всё говорю...

– Да нет, не смешно... Ты, наверное, ответов от меня ждёшь?

Я промолчал, но ответов конечно же от о. Пиндосия ждал.

– А мне ответить тебе нечего. Как считаешь, если честно, вера это безумие?

– Ну..., – протянул я не зная что сказать, чтоб не попасть под острое слово старца.

– Да не бойся ты! Вся беда в страхе! – Резко сказал отшельник.

– Всё чаще так думаю, – выпалил я.

– И правильно думаешь! Апостол Павел ведь тоже самое говорил, одним – соблазн, другим – безумие. Только эти оба в тебе сидят, и во мне, и в каждом, потому как ты правильно сказал, все мы одиноки, потому что свободны... И... оба эти наши внутренние эллин с евреем правы: соблазн и безумие. И Докинзы эти со своими обезьянами правы. Только честнее нас говорят тоже: соблазн и безумие. А нам что остаётся?

Как я мог ответить на этот вопрос? Только рот раскрыть, что и сделал.

– Во-во! – Рот раскрыть, слюнку пустить и дальше безумствовать, потому как в этой безумии нам правда явилась, а кому-то может и Истина, – закончил старец, – но это уж особо буйным.

Врата ада

Запах серы, гарь, гул и всполохи пламени вдали. Старец Пиндосий прикасается виском к краям брёвен возле окна своей кельи, смотрит в сторону зарева. Нас всего человек пятнадцать: несколько священников, мирян мужчин и женщин, пару монахинь и верный келейник.

–...Оно, отче, по телевидению трансляция была, прежде, чем всё пропало, все кто смотрел – видели, – надтреснутым упавшим голосом продолжал средних лет священник Игорь, служивший где-то под Можайском, – у меня прихожане видели, да и иные из стоящих здесь тоже.

– Видели, старче, да, – заплакала деревенского вида бабка, кажется, из недалёкой отсюда украинской деревни, – русское-то телевидение у нас часто працювало, мы ему больше верили...

– Идёт уже парад Победы, техника, Арматы, ракеты всякие должны были поехать, их показали поначалу немного, – продолжал священник, – и вдруг, камера прям показывает, отец Дмитрий, ну этот, известный из Казанского храма на Красной площади настоятель, прям в епитрахили на подрясник, видно прям со службы, поднимается на мавзолей ещё с какими-то людьми, мужики бандитского вида такого и женщины типичные наши церковные. И как они прошли? Куда охрана вся эта кремлёвская смотрела? Не пойму. Или заговор это был? Не знаю... Но всё это в прямой эфир идёт... Так отец Дмитрий пузом-то своим гаранта нашего отпихивает от микрофона и кричит на всю площадь: «Вы нам молиться мешаете! У нас служба заупокойная об убиенных на войне, а вы здесь, что за свистопляску устроили?» Тут его оттеснять стали, сам гарант вцепился, и охранники подоспели, но и при отце Димитрие же люди были. Вот... и тут то самое и произошло. Батюшка гаранта захватил как-то и об мраморный бордюр мавзолея ударил, в борьбе... и тут... то ли это, чем там лицо у нашего гаранта накачено, вытекло, в общем что-то на мрамор...

– Мне показалось, как льдинка у Кая из глаз... – Услышал я свой голос; и зачем так сказал?

– Не знаю уж что, – продолжил о. Игорь, – но видно хорошо было, как-то оператор всё это снимал... Царствие ему Небесное... И вот, искра или струя, непонятно, прям по мавзолею, разломило на «Лен» и «ин»,... потом мавзолей провалился со всеми, кто там был, а яма тут же разрастаться начала, огонь оттуда вышел... Всё и кончилось, трансляция вся... Никто ничего не понял... Только теперь растёт яма эта, огонь... Москвы уж нет, да и от области мало чего осталось... Говорят, химическая реакция, или утечка какая произошла...

– Нет, это не утечка, и не реакция, – сказал не отходивший от окна о. Пиндосий, – это врата ада раскрылись.

Все знали, что старец пошутить любил, но никто из нас и не подумал, что это могло быть шуткой, или хоть чем-то не точным в самом буквальном смысле.

– Шож зробить? Конец миру? – спросила украинская селянка.

– Молиться будем, – отвечал старец, – силен Господь и из ада восставить.

Молились часы ли дни, даже не знаю, всё смешалось, и псалтирь читали, Евангелие, и своими словами от сердца, и теми молитвами, кто какие любил, старец как бы всё это возглавлял, но ничему не препятствовал, хоть и нелюбимые им акафисты украинка читала, пусть, лишь бы от сердца... и просто молчали и молились, что, казалось, было самым правильным и точным.

В какой-то миг старец резко распрямился из земного поклона, обернулся к нам:

Господь, не имеющий для Себя правил изменил суд свой, – сказал он без пафоса, по свойски, но с каким-то, казалось, внутренним трепетом, – время Он обернёт вспять. Как– будто не было ничего, отверстия врат и падения в него многих... Но... врата адовы духовно открыты останутся, и безумие будет идти от мавзолея по всей земле...и Иосифу антихристу недалеко от твоих, отец Игорь, мест священник поклонится, как и в других местах... Многие имущие разум, потеряют его, многие же и соблазнятся безумием, как бы влюбятся в него. И будет это не только в русской земле, но и за океаном. Безумнее же иных как бы Бога не познавших – многие верующие во Христа явятся, вере в свои страхи поклонятся и будут называть это поклонением Богу... А отец Дмитрий, тот, с которого всё пошло, на Красной площади служить не будет, но в другом месте выйдет он, возмущаемый гордыней своей, что служить ему мешают, и будет это безумие горше и гаже первого... Ведь врата ада по прежнему открыты будут, хоть и невидимо... И пока каждый в сердце своём не закроет их, ад безумия не сомкнёт врат своих.

Вечный ад

– Смерть? Все мы предвкушаем смерть, надеясь на лучшее послевкусие, – говорил старец обнимая кожу и кости молодой ещё по видимости женщины, раковой, – А что блудница? Так забудь. Иные блудницы – самые мученицы и есть. Скорее уж я в ад пойду, чем ты.

Сегодня старец Пиндосий выглядел неважно, страннее чем обычно, то ли обессиленным, то ли каким-то отрешённым. Кажется, и выходить то не хотел, но вот вдруг к этой женщине вышел, теперь развернулся и пошёл в келью, несмотря на то, что из ожидавших многие пытались обступить его, что-то спросить на ходу, и были среди них разные совсем люди, священники, монахини, дама в высокой причёске с депутатским значком на обширной груди... Келейник закрыл дверь, никого не пустив вовнутрь. Я остался с ними, второй день старец не отпускал меня.

Что-то мне понадобилось и я ковырялся в своём рюкзаке, когда услышал этот звук. Обернулся. Отец Пиндосий лежал на полу совершенно бледным. С верным келейником Степаном подлетели в момент, уложили на деревянный лежак, на котором я спал. Батюшка не приходил в чувство. Лицо его менялось. Я хотел было пойти к ждущим и спросить нет ли врача, но келейник остановил меня, сказал, что старец намекал ему, что если чего такое будет, не звать никого, кроме тех, кто в келье-избе в этот момент будет.

Сумерки своим потусторонним светом заглянули в окно. Я посмотрел в него, красными полосами небо, секунды, и эта красота становится другой, сумрак выходит тенями... Звук в келье, я обернулся и увидел, что старец сидит. Степан поднёс ему святой воды, тот выпил...

– Не было бы вас здесь сейчас, дорогие, ума бы я лишился, – молвил подвижник. Взгляд его был совершенно другим, тяжёлым? Да он у него всегда не лёгкий, безнадёжный скорее, такого я никогда у о. Пиндосия не видел.

Мы молчали. Посидев немного в тишине, он начал не торопясь, как бы собирая виденное в слова:

– Был я на службе патриаршей... Огромный, весь белый собор, золотые резные оклады, впереди иконостас весь блестит, далеко, образа не видно, но слышно всё хорошо, пол – мрамор цвета едкого такого... мрачный и суровый... Я вверх посмотрел, под купол, а там шары воздушные чёрные прям в него упёрлись, так что и лика не видно, но я почему-то и не сильно удивился этому, как будто оно так и должно быть. Народу полно, но все чинно стоят, рядами как бы, женщины все в платках, мужчины строгие... Все видно цену себе знают, и порядок... Всё им дышит..., – старец вздохнул тихо и продолжил, – Всякие такие службы большие и такие важные не люблю я, знаете, ну а что делать?... Как-то и не уйти оттуда, даже мысли этой нет, невозможно уйти... Потихоньку служба затягивает... Мальчик какой-то в форме суворовца между рядами прошёл, колесо на палке перед собой крутя, тоже серьёзный, без улыбки, никто на него внимание и не обращал... Вот что-то такое строгое и заораживающее, погружающее в какую-то глубину допели, и патриарх вышел на амвон, каждый шаг слышно... почему я уверен, что это патриарх, хоть и не знаю какой именно? Не просто епископ, а именно патриарх? Не знаю, но точно он... Дух власти от

него... Проповедь начинает, про святыни и про порядок, про верность истинным ценностям... все молча слушают, внимают, только мне как-то не по себе внутри, холодок... Вдруг какой-то больной или бесноватый голосить начинает: «Да! Только так! Ты наша святыня! Не хочу святыни! Выход, дайте выход!» Все стояли как стояли, и патриарх не сбился, двое здоровых ребят подлетели к нему быстро, открыли дверь, что за одной из икон оказалась, и быстро под руки увели его туда... Повернулся немного, глядя на эту сцену, и тут вижу знакомое лицо, и он на меня смотрит... Да это же замполит наш, когда я ещё до Афгана служил офицером, он у нас был... Злой человек, наглый, циничный, не меня одного подставил, многим жизнь поломал, кому-то и напрочь... Улыбается. Проповедь как раз кончилась и он подходит ко мне:

– Пойдём, – говорит, – потолкуем, ведь целую вечность не виделись.

– Ну пойдём...

Заводит он меня в какую-то комнату прямо здесь же в соборе, без окон маленькая, но не коморка... Объявления на стенах, стулья. Садимся.

– Ну что, солдат-монах, вот и встретились! Не ждал? Как тебе проповедь?

– Чинно всё сказано, со знанием. – Всё ещё не соображая, но и не удивляясь отвечаю.

– Патриарх – он и в аду патриарх! Власти то, власти сколько во всяком слове и движении, а?! – Возликовал замполит и пальцем в верх, любимый жест его был, помню.

– Чтож у вас здесь, ад разве?

– А ты ещё не понял? Умён, остёр на слово ты всегда был, но и глуп в главном. Порядка в голове у тебя нет.

– А у тебя есть?

– А я всегда знал кому служу, ну не знал, так ведал.

– Ну ты замполит совсем рассмешил, ну атеист вчера воинствующий на службе это ладно, таких полно теперь, но храм адом назвать? Знает он, ведаёт, ага! Видел я ад на землю вышедший, страшно это... и у отцов читал... Отчаяние, ужас... Серное море, гиена огненная...

– Ну Гиена Огненная это вообще местечко в Иерусалиме, что даже миленько выглядело по сравнению с атомной войной. Сера и все эти картинки, что в тёмные века расписали монахи да поэты нервные... Это ж внутренний ад, они в себе его нашли и вывели, и расписали всяко...

– А вы что? Не в себе? – Спрашиваю.

– А мы в себе и не были никогда, не пришли мы в себя. От того и попали сюда, в ад не внутренний, но вечный... У нас здесь всё чётко: Порядок, Система, Патриарх и Царь у каждого в голове! А если везде Система, тогда ведь Богу вашему просто места нет. На Земле абсурд, Кафка во всём, на Небе тоже бардак, вроде как любовью зовут, а копни так ведь всё не по порядку, не по ранжиру, без полноты власти и вообще... А в аду – Система!

– И что? Ад ваш и впрямь вечный или только названию?

– А мы забыли, что есть время. – Ухмыльнулся замполит.

– А черти-то из внутреннего ада или вечного?

– Разные есть...

– Что тут сказать? Встал, прошёлся по комнате этой, – продолжал свой рассказ о Пиндосий, а мы с келейником слушали каждое слово, – подхожу к стенам, читаю объявления: «Экуменический съезд – все силы ада за Порядок», «Феминистки и борцы с абортами – совместная конференция “Адский аборт”», «Монархисты, демократы, коммунисты, фашисты, круглый стол “Власть как высшая ценность”». Дальше лектория объявления: «Встреча с Богом как угроза стабильности», «Система как стабильность ненависти и спокойствия», «Перспективы все в аду, а на Небе – б...ство», «Атеизм? Религия? Ответ – Система!» Тут уж не по себе стало. Порядок то абсурднее абсурда. Спрашиваю замполита:

– И хорошо вам в аду-то?

– А ты как думаешь? – Скривил он снова улыбочку свою – Я знаю, что ты думаешь, но пойми ж ты: Порядок он для всех, а не для каких-то там избранных, Система всех ровняет и объединяет! Никто ничего не познаёт, но и не теряет. Ад – это не мучение, это конец мучений в их совершенстве! Вы встречаете Его, а Он оставляет вас. Богооставленность, это же обратная сторона встречи. Не встретил – не потерял. И это ж не только о вас, христианах... Но даже Иисус твой не избежал. «Зачем оставил Меня?» – говорит, а не надо было никого иметь в себе, и встречать никого не надо, тогда бы никто и не оставил. Система защищает от всего этого, никаких потерь больше, никаких проблем и мучений! Система ада это система систем! Пойдём, причастимся её! Вместе! Из рук Великого Патриарха!

Тут отец Пиндосий заплакал, видел ли я его до этого плачущим? Вот таким – нет. Всегда спокойный, столько видевший, теперь он рыдал почти как ребёнок:

– И знаете, братцы? Ведь повлекло меня на причастие это, как в сладкий омут потащило! Если бы не проснулся, так бы и причастился сатане от Великого Инквизитора его... Вот та раковая, что была сегодня, она меня из ада и вытащила мучением да смирением своим... Блаженны богооставленные, ибо их есть Царствие Небесное!...

Я бы уж не решился тут ничего сказать, но Степан мужик столь же простой, сколь и добрый, накинув старцу на плечи одеяло тёплое, чтоб озноб у того прошёл, спрашивает:

– Скажи ты мне, Пиндосий, неразумному, так чего ж плохого в порядке то? Неужели беспорядок то лучше?

– Ничем... Не плох порядок. Да и системы всякие есть... Пока Любовь собою затмить не пытаются, Ничего, кроме того... Так же и в антихристе-то ничего прям уж ужасного, если бы он не был анти... Вот только каждому выбрать придётся: Любовь или Система.